

ЗОЛОТОЙ
ФОНД
КОРЕЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

осенние клёны

АНТОЛОГИЯ
КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ
VIII—XIX СТОЛЕТИЙ
В РУССКИХ
ПОЭТИЧЕСКИХ
ПЕРЕВОДАХ

ГИПЕРИОН

ОСЕННИЕ КЛЁНЫ

АНТОЛОГИЯ
КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ
VIII–XIX СТОЛЕТИЙ
В РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ
ПЕРЕВОДАХ

Санкт-Петербург

ГИПЕРИОН

2012

*This book is published under the support of
the Korean Literature Translation Institute*

Составитель и ответственный редактор серии
доктор филологических наук А. Ф. Троцевич

Координатор проекта
доктор исторических наук, профессор С. О. Курбанов

Составитель кандидат филологических наук А. Р. Концевич

Осенние клёны. Антология корейской поэзии VIII–XIX столетий в русских поэтических переводах / сост. А. Р. Концевич; вступ. статьи, подстрочные переводы со старокорейского и коммент. М. И. Никитиной и А. Р. Концевича; поэтич. пер. А. А. Ахматовой, А. Л. Жовтиса, Е. Витковского. — СПб.: Гиперион, 2012. — 352 с. — (Серия «Золотой фонд корейской литературы». VII).

ISBN 978-5-89332-190-6

Антология состоит из пяти частей, в которых представлены господствующие жанры корейской поэзии на родном языке в хронологическом порядке. В первую часть вошли произведения раннего средневековья, написанные в форме *хянга*, присущей народной поэзии. Последующие части включают в себя произведения корейского средневековья — вторая часть — «песни Корё» (с XIII в.); третья часть — стихи в форме *сиджо* (XV–XVIII вв.), как авторские, так и анонимные; четвертая часть — произведения, написанные в форме *каса* (XVI в.) и в форме *чапка* (XVII–XVIII вв.). Русские поэтические переводы выполнены известными поэтами — Анной Ахматовой, Александром Жовтисом и Евгением Витковским. Надемся, что читатель откроет для себя неведомый мир корейской поэзии прошлых веков и ощутит ее национальный аромат.

ISBN 978-5-89332-190-6

- © А. Р. Концевич (ИВ РАН), составление, подстрочный перевод, вступительная статья, комментарии, 2012
- © М. И. Никитина, подстрочный перевод, вступительная статья, комментарии, 2012
- © А. А. Холодович, подстрочный перевод, комментарии, 2012
- © А. А. Ахматова, наследники, поэтический перевод, 2012
- © А. Л. Жовтис, наследники, поэтический перевод, 2012
- © Е. Витковский, поэтический перевод, 2012
- © Издательство «Гиперион», 2012

Мир старинной корейской поэзии на родном языке богат и разнообразен. И для антологии удалось отобрать лишь небольшую толику наиболее популярных стихотворений разных жанров разных эпох. Все переводы были выполнены в разное время русскими поэтами, начиная с великой поэтессы Анны Ахматовой (1889–1966) и известного специалиста по теории стиха и талантливого переводчика Александра Жовтиса (1923–1999) и другими поэтами по научным подстрочникам такого блестящего знатока традиционной корейской поэзии, как Марианна Никитина (1930–2008), и сделанным мною. Большинство переводов, помещенных в этой книге, публикуется по следующим изданиям: Корейская классическая поэзия / Перевод Анны Ахматовой; общая редакция, предисловие и примечания А. А. Холодовича; авторы подстрочных переводов А. Холодович, П. Пак, Лим Су и М. Никитина. 2-е изд. — М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958; Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII–XIX веков / Перевод Александра Жовтиса; составитель А. Концевич; авторы подстрочных переводов стихов со старокорейского и примечания М. Никитина и А. Концевич. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1977; Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. — М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1977 (Библиотека всемирной литературы. Серия первая, т. 16; составитель раздела «Корея» — А. Концевич; подстрочные переводы со старокорейского и примечания М. Никитиной и А. Концевича); *Чон Чхоль*. Одинокий журавль. Из корейской поэзии XVI в. / Поэтический перевод А. Жовтиса; подготовка текста, вступительные статьи А. Р. Концевича; научный перевод стихов со старокорейского А. Р. Концевича и Н. Л. Ицковой. 2-е доп. изд. — М.: «Наталис», 2009 (1-е изд. — М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1975). Всех, кто захочет глубже познакомиться со старинной корейской поэзией, отсылаем к книге А. Ф. Троцевич «История корейской классической литературы (до XX в.)» (СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004).

Антология включает почти все жанры поэзии на старокорейском языке в исторической последовательности. Богатейшему наследию корейской поэзии на китайском языке (*ханси*) предполагается посвятить специальный том серии. Наш же сборник состоит из пяти основных разделов. В первом разделе представлены самые ранние образцы корейской поэзии на родном языке (VIII–XII вв.), известные под названием *хянга* («песни родных мест») или *сэнэн норэ* («песни Востока, или Кореи»). В основном это десятистрочные стихи. Они были записаны одним из способов так называемого письма *йду* («чиновничье письмо») — *хянчхаль*, в котором специально отобранными китайскими иероглифами передавались смысл и звучание собственно корейских слов и грамматических окончаний. Прочтение их представляет большие трудности. Обычно *хянга* состоят из десяти строк и имеют трехчленную структуру (4 – 4 – 2). В первой части намечается тема или ставится вопрос, во второй развертывается содержание названной темы и в заключительной части подводится итог сказанному, причем перед ней обычно вводилось два-три знака, обозначавших междометия или восклицательные частицы. Из 25 сохранившихся до наших дней *хянга* в сборнике даны девять. Во второй раздел включены большие стихотворные произведения, дошедшие также в записи китайскими иероглифами способом *йду* и представляющие длинную форму корейской поэзии (*чанга*). Они известны под общим названием *Корё каё*, или *ёё*, т. е. «песни Корё (династии, правившей в IX–XIV веках)». До наших дней дошло около двадцати *Корё каё*, тесно связанных с народными песнями (*минё*). Третий раздел, самый обширный, охватывает самый популярный жанр средневековой корейской поэзии на родном языке *сиджо*, который переводят либо как «песни времен года», либо как «современные напевы». Обычный размер стандартной формы *сиджо* (или *пхён-сиджо*) — трехстишие, которое состоит в среднем из 43–44 слогов и в котором каждая строка подразделяется синтаксической паузой (цезурой) на два полустишия (отсюда в переводе на русский и другие европейские языки — шестистишие). Первые две строки тематически взаимосвязаны, третья, самая важная как в *хянга*, является итоговой, своего рода кульминацией стихотворения.

Сиджо были распространены в XV–XVIII веках. Подражания классическим формам *сиджо* можно найти и у корейских поэтов XX века. В нашем сборнике представлены *сиджо*, созданные как крупнейшими мастерами Чон Чхолом, Пак Инно, Юн Сондо, так и многими менее известными поэтами. *Сиджо* могли объединяться в циклы, связанные тематически. Такие *сиджо* стали называть «циклическими *сиджо*» (*ос-сиджо*). Образцы их читатель найдет в этом же разделе. Стандартная форма *сиджо* не стояла на месте. Став более свободной, она претерпела определенные изменения. *Сиджо* уже могли включать несколько трехстиший и размер строки мог быть нарушен. Такие *сиджо* принято именовать «длинными *сиджо*» (*чан-сиджо*). Имена поэтов, слагавших *чан-сиджо*, как правило, остались неизвестными. Образцы *чан-сиджо* представлены в разделе «Песни новых времен. *Чан-сиджо*». Наконец, последний раздел «Напевные строфы. *Каса* и *чапка*» охватывает длинные формы стихосложения, своего рода поэмы, развивавшиеся параллельно с *сиджо*. Музыкально-речевая основа строки из двух полустиший в *каса* была примерно та же, что и в *сиджо*. Но в отличие от *сиджо* в них могло соединяться до нескольких сотен строк. *Каса* («напевные строфы») напоминают ритмически организованную прозу. Среди них были распространены путевые записи в форме *каса* (*ки-хэн каса*) и так называемые «женские *каса*» (*кюбан каса*, дословно «напевные строфы женской половины дома»). *Каса*, так же как и *сиджо*, были авторские и анонимные. Заключают этот раздел антологии *чапка* (букв. «разнородные, неканонические песни»), получившие распространение среди городского населения в XVIII в. По форме они близки к *каса*.

И еще на одну особенность старой корейской поэзии хотелось бы обратить внимание — на тесную связь с музыкой. Все стихи — будь то *сиджо* или *чан-сиджо* — пелись под определенную мелодию. В старинных антологиях их распределяли даже по музыкальным мелодиям. *Каса* уже не пели, а декламировали нараспев под музыкальное сопровождение. Более подробную информацию читатель может получить во вступительной статье М. И. Никитиной.

Читатель вправе задать вопрос, почему мы не взяли целиком классические переводы например Анны Ахматовой,

которые непревзойденны по своей красоте и мастерству, или безукоризненно выполненные переводы Александра Жовтиса. Но по мнению специалистов по корейской литературе, ахматовский стих оказался настолько мощным, что невольно порою приглушал национальный колорит корейских поэтов. Что касается переводов А. Жовтиса, то, на наш взгляд, примененный им ямбический размер русского стиха передает специфику корейских *сиджо*. Переводы же стихов, выполненные молодыми поэтами (Е. Витковским, В. Тихомировым, Н. Мальцевой, Н. Тимофеевой, С. Бычковым и др.) по нашим подстрочникам по требованию Восточной редакции издательства «Художественная литература» при подготовке тома в серии «Библиотека всемирной литературы», на проверку оказались разностильными. Поэтому при отборе переводов для данной антологии мы вынуждены были от них отказаться. Мы постарались как-то отразить стилистику того или иного корейского поэтического жанра и одновременно показать разнообразие форм его художественного перевоплощения для русскоязычного читателя. Например, при переводе *сиджо* нам показался наиболее оптимальным излюбленный размер в русской поэзии — четырехстопный ямб. Поэтому мы и включили в антологию переводы *сиджо*, таким мастером русского стиха, как А. Л. Жовтис. Переводы А. Л. Жовтиса, которые составляют большую часть антологии, не оговорены в содержании, тогда как переводы других русских поэтов отмечены. Для более глубокого понимания мира и символики средневековых корейских стихов переводы сопровождаются примечаниями, составленными М. И. Никитиной и мною. К двум песням Корё в переводе Анны Ахматовой сохранены комментарии А. А. Холодовича. Для каждого поэта указываются его подлинные фамилия и имя, в скобках его литературное имя (псевдоним), а вне скобок — годы жизни.

Октябрь 2011 г.

А. Концевич

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО В КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В сборнике перед читателем пройдут тысяча двести лет корейской поэзии на родном языке. Открывает его *хянга* «Песня о комете», датируемая VII в., а завершают *чанка* XVIII в. Включены в сборник и стихи XIX столетия. Не все виды и жанры корейской поэзии представлены в книге одинаково полно, однако читатель сможет ощутить и своеобразие, «индивидуальность» жанров, и живое единство корейской поэтической традиции, сохранявшейся веками.

Выражение «поэзия на родном языке» употреблено не случайно. С древних времен корейская литература, так же как и литература Японии и Вьетнама, была двуязычной. Она создавалась на родном языке и на *ханмуне* (так называли в Корее язык старой китайской литературы — *вэньянь*).

В ранний период поэзию на родном языке в Корее представляют *хянга*, или *санве норэ* («песни востока», или «песни родной стороны»). Это первые письменные поэтические произведения на корейском языке, которые записывались при помощи *хянчхаля* (разновидность *иду*, письменности на основе китайских иероглифов, существовавшей до изобретения корейского буквенно-слогового алфавита в 1444 г.). Возникли *хянга* в древнем государстве Силла (IV–VII вв.) и расцвели в эпоху Объединенного Силла (VII–IX вв.). В это время они занимают одну из высших рубрик на шкале государственных и культурных ценностей. Ими гордятся, их противопоставляют «танским стихам» (*танси*) в Китае. В VII–X вв. корейские авторы переводят сборники *хянга* на китайский язык, чтобы сделать известной свою поэзию за пределами государства. В исторических летописях сообщается, что о создании в 888 г. по особому указу государыни Чинсон-ёван антологии на корейском языке «Свод поэзии трех древних эпох» («Самдэмок»). Как знать, сохранись эта антология до наших дней, возможно, мировая культура располагала бы чем-то подобным японской антологии «Манъёсю» («Миряды листьев», VIII в.).

Однако со временем отношение феодального государства к словесности на родном языке меняется. Примерно с XI в.

заметно возрастает роль китайской учености. По китайскому образцу готовятся кадры чиновников, от которых требуется знание конфуцианских классиков, определенного круга философской и исторической литературы, а также умение слагать китайские стихи. Официальным языком корейского государства становится *ханмун*, на первый план выдвигается и литература на нем. В связи с этим часть представителей высшего сословия проявляет пренебрежительное отношение к исконной корейской культуре, прежде всего к словесности на родном языке. Так продолжалось до XX в.

В корейском обществе существовала и другая точка зрения на свою культуру и на свою поэзию, и на протяжении почти тысячелетия не прекращалась борьба выдающихся корейских литераторов за равноправие поэзии на родном языке. В XIII в. за это ратует известный историограф, видный деятель корейского буддизма Ирён (1206–1289), автор «Событий, оставшихся от времен Трех государств» («Самгук юса»), который поместил в своем труде четырнадцать *хянга* и сообщил различные сведения о поэзии корейской древности. Записывает в переводе на *ханмун* современные ему поэтические произведения на родном языке, стремясь уберечь их от забвения, Ли Джехён (1287–1367), талантливый поэт и прозаик. В XV в., в пору создания корейского фонетического письма, вновь проявляется интерес к поэзии на родном языке, на сей раз со стороны правителей новой династии Ли (1392–1910), в частности просвещенного государя Седжона. Одними из первых на новом алфавите были записаны поэтические произведения, вошедшие в государственный ритуал.

И все же изменения к лучшему в судьбе поэзии на корейском языке наступили нескоро. Этапными явились XVII–XVIII века — время подъема идейного течения «Сирхак» («Реальные знания»). Эти столетия были периодом общей демократизации литературы, расцвета жанров прозы и поэзии на корейском языке. В конце XVII в. впервые в истории корейской литературы выходит изданный посмертно авторский сборник выдающегося поэта Чон Чхоля (1537–1594), включавший в себя только стихи на родном языке.

Стихотворения Чон Чхоля оценивались современниками и последующими поколениями как высшее достижение

корейской поэзии. Прославленный прозаик Ким Манджун (1637–1692), отзываясь о поэзии Чон Чхоля как об «отечественных „Лисао“ (поэмы великого китайского поэта Цюй Юаня, жившего в 340–287 гг. до н. э.)» доказывал, что истинной поэзией народа может считаться только та, которая создается на родном его языке. Ким Манджун писал, что любой человек, говоря на своем языке и слагая на нем стихи, «следует законам своего языка и поэтического ритма» и что «всякая поэзия способна потрясти Небо и Землю и помочь общению с духами; не одному Китаю это дано».

Борьба демократических и патриотических сил в корейской культуре не привела к полному уравниванию в правах поэзии на родном языке с поэзией на *ханмуне*, однако существенно изменила ее положение. В 1727 г. впервые после давно утраченной антологии «Свод поэзии трех древних эпох» усилиями поэта Ким Чхонтхэка издается крупнейшая антология на корейском языке «Вечные слова Страны зеленых холмов» («Чхонгу ёнон»), включающая около тысячи стихотворений XIV–XVIII вв. Это было началом. После нее на протяжении XVIII–XIX вв. выходят около десятка антологий поэзии на корейском языке. Поэзия на родном языке приобретает невиданную популярность. Так, в жанре *сиджо*, особенно бурно расцветшем в XVI–XVIII вв., авторами выступают и государи, и певицы — *кисэн*, парии сословного феодального общества.

Изменения в судьбе поэзии на родном языке — один из внешних показателей тех глубинных процессов, которые протекали в недрах корейского феодализма и с неизбежностью преломлялись в корейской культуре. Независимо от официального отношения к ней корейская поэзия на родном языке всегда оставалась средоточием духовной жизни народа, находилась ближе всего к животворным фольклорным истокам.

В отличие от поэзии на *ханмуне*, которая развивалась в рамках китайской системы жанров, воспринятой в ранний период, поэзия на родном языке представлена самобытными корейскими жанрами. Эти жанры возникали, расцветали и затем сходили со сцены, уступая место новым. При этом традиции корейской поэзии на родном языке не

прерывались: то, что уходило, не исчезало бесследно, нередко возрождаясь в новом обличье спустя века.

Первый раздел антологии — «Песни древности» — отведен *хянга* и *Корё каё*. До нас дошли двадцать пять *хянга*. Большинство из них — «десятистрочные». Это — наиболее поздние *хянга*, представляющие особый жанр. Они имеют четкую тройственную структуру. Последняя, третья строфа, несущая особую смысловую и эмоциональную нагрузку, выделяется междометием. О размере *хянга* сейчас трудно судить из-за сложности расшифровки текстов, однако можно сказать, что уровень звуковой организации стиха в произведениях этого жанра был очень высок.

В десятистрочных *хянга* изображается какое-то одно событие. В начальной строфе обычно сообщается об обстоятельствах, вызвавших появление *хянга*, воспроизводится в общих чертах ситуация, в которой она сочинялась, и в заключительной строфе дается оценка сказанному.

В те времена, когда господствовали *хянга*, отношение к поэтическому слову в корейской культуре было особым. Поэтические произведения считались магическими. Сочинение, написание, исполнение *хянга* предполагали воздействие на мир в целом или на отдельные его феномены. *Хянга* входили в состав погребального ритуала, молебствий о предотвращении бедствий в стране, в состав шаманских заклинаний болезней, сопровождали буддийские церемонии. *Хянга* сочиняли и исполняли в критических ситуациях в судьбе отдельной личности и в судьбе государства. Обращение к поэтическому слову было делом ответственным. Человек, сочинявший и исполнявший *хянга*, должен был обладать нравственным правом на ее сочинение и исполнение. Он специально готовился к этому акту (очищался постом, как, например, Вольмён, автор «Молитвы о покойной сестре»), выбирал соответствующее время. Обычно это была лунная ночь, а точнее, если судить по корейской календарной обрядности, полнолуние. Очевидно, выбиралось и место. Как свидетельствуют «Песня о *хваране* Кипха» Чхундама и «Песня о туге» Синчхуна, это был берег реки или пруда, скорее всего с хвойным деревом. *Хянга* исполнялись также перед «лицом» божества (изображение Будды и т. д.) или

духа болезни (т. е. у постели больного, как свидетельствует «Песня Чхоёна»). А поскольку в *хянга* воспроизводились время и место, где ее сочиняли, существенными элементами «пейзажа» стали луна (единственное светило в *хянга*), вода (река, пруд), дерево (хвойное или лиственное).

Человек, его жизнь осмысливаются в *хянга* в «растительных» образах. Особое внимание уделяется осени, которая осознается как критический этап в «жизни» дерева и в развитии человека — физическом и духовном. Лист, сорванный осенним ветром, ассоциируется со смертью человека: дерево завершает свой годовой цикл, человек — жизненный. Осень несет смерть листьям, но она же выявляет бессмертную сущность хвойного дерева. Оно представляется вечным, так как не боится холодов, снега, инея, которые приносит конец года. С тугей соотносится нравственно безупречный человек — «старший» по отношению к автору *хянга* — наставник, государь, образ которого навечно запечатлевается в сознании «младшего» (ср. «Песня о *хваране* Кипха»). Проблема нравственной ценности личности как проблема преодоления смерти в корейской поэзии отчетливо формулируется уже в *хянга*.

В первых веках нашей эры на Корейский полуостров проникает буддизм, который в VII–IX вв. заметно укрепляет свои позиции. Деятели корейского буддизма активно вводят в ритуал корейские поэтические тексты, заменяя ими непонятные прихожанам китайские и санскритские. Примером является цикл из одиннадцати *хянга*, принадлежащий крупному деятелю корейского буддизма и выдающемуся поэту Кюнё (917–973). Его произведения, самые поздние из сохранившихся десятистрочных *хянга*, обнаруживают связь с образным строем предшествующей поэтической традиции. Так, в *хянга* «Молю о том, чтобы повернулось Колесо Закона...» мы встречаем знакомые нам луну и осень, но здесь осень символизирует пору духовного просветления, время созревания плодов познания, сам же процесс духовной эволюции человека представлен как трудный рост растения, которому необходим «дождь истины».

Хянга были связаны с традициями особой социальной организации *хваранов*, ведавшей воспитанием юношества,

очень влиятельной в государстве Силла. Эта организация строилась по иерархическому принципу и подразумевала послушание и преданность ученика. Но наставник-*хваран*, обязанный заботиться о физическом, умственном и нравственном воспитании ученика, мог претендовать на его преданность только при условии соблюдения им самим определенных нравственных норм. «Младший» следил за «обликом» «старшего», отмечал малейшие нарушения и стремился их исправить, указав на них. Это рассматривалось как крайне важный акт, поскольку, по представлениям того времени, от «облика» «старшего» зависел порядок в мире. Искажение этого «облика», о котором сам «старший» мог и не знать, влекло нарушение гармонии в космосе. И здесь на помощь призывались *хянга*, сочинение и исполнение которых было ритуальным актом. Предполагалось, что поэтическое описание нарушения порядка в космосе или, напротив, изображение его идеального состояния вело соответственно к исправлению нарушения («Песня о туге») или содействовало упрочению идеального положения дел в мире («Песня о *хваране* Кипха»).

Принципиальным моментом, во многом определившим характер и дальнейшее развитие корейской поэзии, была высокая степень активности отдельной «рядовой» личности («младшего» — ученика, подданного), которая осознавала себя ответственной за происходящее в мире и осознавала за собой право и возможность влиять на космос в целом. Вероятно, поэтому, хотя в древней Корее к поэтическому слову все не прибегали, *хянга* создавались и исполнялись представителями самых разных общественных слоев. Буддийский монах Вольмён, бывший *хваран*, слагает *хянга* — заупокойную молитву, дабы помочь духу усопшей сестры; должностное лицо Чхоён с помощью *хянга* изгоняет духа болезни, завладевшего его женой; сановник Синчхун, видя, что его государь нарушил нравственные принципы, — а это грозит неполадками в космосе, — слагает *хянга*, чтобы исправить положение, и т. д.

Хянга это поэзия в подлинном смысле слова, обладающая огромной силой эмоционального воздействия и представляющая собой непреходящую эстетическую ценность.

Она доносит боль, тревоги, радости живых людей, отдаленных от нас многими столетиями.

Новое время — новые песни. *Хянга* Кюнё, видимо, были последним всплеском некогда могучего поэтического потока. Период династии Корё (X–XIV вв.), сменившей Силла, связывается в истории корейской поэзии с особым видом поэтических произведений на родном языке, называемых ныне *Корё каё* (букв. «песни Корё»). Их сохранилось не больше, чем *хянга*. Сказалась официальная ценностная установка: в период Корё в отличие от периода Силла не делалось попыток собрать антологию поэзии на родном языке.

Каё более разнообразны по форме, чем *хянга*. Среди них можно встретить и короткие, в несколько строк, и длинные, содержащие несколько строф. (Вспомним, что предел в дошедших до нас *хянга* — три строфы, десять строк.) Лишь в единичных из них угадывается тройственное деление, свойственное *хянга*. Если *хянга* воспроизводят в основном какую-то одну ситуацию, то многострофные *каё* изображают событие развернутым в пространстве и во времени. Так, в *каё* неизвестного автора «В зеленых горах буду жить...» человек ищет прибежище то в горах, где собирает плоды и ягоды, обрабатывает поле, наблюдает за птицей, в тоске и одиночестве проводя дни и ночи, то на морском берегу, где собирает водоросли и моллюсков, наблюдает за происходящим в море и т. д.

Тематический диапазон *каё* иной, чем *хянга*. Среди них нет буддийских произведений, хотя воздействие стиля буддийских сочинений прослеживается на некоторые из них. (Возможно, и на упомянутую *каё* «В зеленых горах буду жить...».) В *каё* уделяется внимание любовной теме. Несколько *каё* (например, «В городе Согёне») посвящены разлуке с любимым. В XV веке *каё* уже не сочиняли, но исполняли: они были включены в состав государственного ритуала.

Как известно, новаторство — это по-новому пережитая традиция, что вполне может быть отнесено к жанрам *сиджо* и *каса*, оформлению и развитию которых помогло создание в середине XV века корейской фонетической письменности. Эти жанры занимали центральное место в поэзии на родном языке в последующие века.

Жанру *сиджо* отведен второй раздел антологии — «Короткие песни». Этот жанр возник на рубеже XIV–XV вв., достиг своего расцвета в XVI–XVIII вв.; к нему нередко обращаются и современные поэты. Сохранилось около двух тысяч *сиджо* XIV–XIX вв. Они удивительно напоминают десятистрочные *хянга*: повторяют их тройственную структуру, отводят особую роль третьей, заключительной, части, которая, как и последняя строфа *хянга*, нередко предваряется междометием; большое внимание уделяется звуковой стороне стиха.

Вместе с тем *сиджо* — принципиально новое явление в корейской поэзии. Стихотворение этого жанра довольно четко организовано метрически. Все три его строки делятся на два полустишия (что дает основание переводить его на русский шестистишием); каждое полустишие состоит из двух стоп — трех- и четырехсложной; исключением является первое полустишие третьей строки, которое обычно трехстопно. Первая стопа этого полустишия трехсложна, в остальных стопах допускаются колебания в один-два слога.

Требования жанра налагали ощутимые ограничения на содержание *сиджо*, на выбор поэтических средств. Вместе с тем сфера надындивидуального шаблона не захватывала звуковой уровень. Хотя ни один из приемов звуковой организации стиха в *сиджо* не является обязательным, в произведениях этого жанра широко используются, произвольно сочетаясь в одном стихотворении, сложные аллитерации и эпизодические (факультативные) рифмы. Именно при сходстве содержания поэтическая индивидуальность авторов *сиджо* проявляется часто в звуковой организации стиха.

Как и *хянга*, *сиджо* посвящается какому-то одному событию, одной ситуации, которым в стихотворении дается определенная оценка. Однако в *сиджо* отсутствует присущий *хянга* «физический» контакт автора или исполнителя с «адресатом», который был обусловлен ритуалом. (В *хянга* человек должен был непосредственно видеть «облик» того, к кому обращал *хянга*, или мысленно воспроизвести его образ, увидев отраженным в зеркале воды пруда, реки, как, например, в «Песне о *хваране* Кипха» и «Песне о туге».) В *сиджо* нарушается эта жесткая пространственно-временная замкнутость, событие, факт словно обретают

историческую и географическую перспективу: о «пяти столетиях деяний государей» династии Корё, ушедшей в прошлое на их памяти, говорят Вон Чхонсок и Киль Чэ, об отдаленности границ родины пишут в своих стихах из дальних краев военачальники Ким Джонсо, Нам И.

Сиджо отразило драматические события в истории страны. Смена династии на рубеже XIV–XV вв. расколола высшее сословие на две группировки, Для тех, кто остался верным последнему государю династии Корё в «проигрышной ситуации», нравственным прибежищем явились вековые культурные ценности. Это хорошо заметно в ранних *сиджо*. Так, Чон Монджу (1337–1392), видный сановник, конфуцианский мыслитель, отказавшийся примкнуть к сторонникам дома Ли и убитый за это, обратился за вдохновением к одной из *хянга* Кюнё.

Суровым испытанием для представителей высшего сословия оказалось и восшествие на престол в 1456 г. государя Седжо, казнившего своего малолетнего предшественника — Танджона. Выступившие с осуждением этой акции были преданы казни; в их числе оказался и Сон Саммун, выдающийся ученый, один из создателей корейской фонетической письменности. В поэзии в это время с большой остротой встает проблема нравственной позиции человека. И вновь появляется знакомый нам по *хянга* образ хвойного дерева, над которым не властны снег и непогода. В *хянга* это была туя, в *сиджо* — сосна. В *хянга* это «старший», в *сиджо* — «младший», верный своему государю в тяжкое время подданный. Не прошли бесследно века воздействия конфуцианской традиции, в которой со времен Конфуция «сосна» ассоциировалась с преданным подданным. Этот образ мы встречаем в *сиджо* поэтов, известных как «шесть казненных» при Седжо. Самоутверждение личности идет по новому руслу, но сила импульса к самоутверждению своего «я» перед лицом нравственно неправого «старшего» говорит о воскрешении духа *хянга*.

В *сиджо* в той же роли, что сосна, выступают бамбук, зеленеющий среди снега, дикая слива — *мэхва*, цветущая в холода и метель, хризантема, неподвластная осенним дождям и снегу. В этом случае, как и во многих других, круг поэти-

ческой образности расширяется за счет китайской, пришедшей из творчества Тао Юань-мина, Ли Бо, Ду Фу, Су Ши, Шао Юна и других поэтов, которых очень хорошо знали в средневековой Корее.

Стихи сторонников новой династии, активно укреплявших государство, и стихи ее противников, а также авторов, не признававших законным воцарение Седжо, полны пафоса гражданственности. Авторская личность проявляется в них как активная, утверждающая свои нравственные устои в трудных и смертельно опасных ситуациях. Это относится и к стихам военачальников, особенно Ким Джонсо.

Стихи этого автора, а также Нам И и других наводят на мысль о том, что «военные» *сиджо* развивали традиции не дошедших до наших дней воинских *хянга*, существование которых вполне можно предположить. Известно, что организация *хваранов* ведала не только «песнями и танцами государства и общением с духами». Она отвечала и за воинскую подготовку юношества и культивировала личную храбрость, готовность пасть в бою во имя интересов своего государства. А то, что воинские *хянга* не сохранились, объяснимо: *хянга* записывались буддийскими авторами, для которых военная проблематика была менее всего привлекательной. Воцарение новой династии не принесло социальной и нравственной справедливости и не дало гарантий безопасности отдельной личности. Усиливаются «индивидуалистические» тенденции в корейском обществе, которое выработало в этих условиях особый идеал поведения и образа жизни — отшельничество. «Идеологической» его базой были даосизм и буддизм чаньского толка (кор. *сон*, яп. *дзэн*), получивший широкое распространение в Корее в XV–XVII вв. Бегство от мира становится чуть ли не массовым явлением. Расцветает пейзажная поэзия, получившая наименование *канхо* — поэзия «рек и озер».

В *сиджо* тема природы вошла в середине XV века с циклом из четырех стихотворений Мэн Сасона, воспевавшего жизнь отшельника в разные времена года, и с тех пор господствует в этом жанре. Так же как и в *хянга*, в *сиджо* Мэн Сасона отражаются древние представления о зависимости между «старшим», в данном случае государем, и состоянием

космоса, переосмысленные, однако, под воздействием китайской имперской идеологии. Государь, обладающий особой силой (кит. *дэ*, кор. *ток*) и отвечающий за гармонию в космосе, является источником милости (кит. *инь*, кор. *ым*) для подданного.

Авторов пейзажных *сиджо* привлекает главным образом тип пейзажа, который наметился в *хянга*. Луна и здесь — высшая точка пространства и немеркнувшее светило, вода — практически единственная горизонтальная поверхность, хвойное дерево — вертикаль, человек (и его жилище) обращен к воде. Естественно, *сиджо* расширяет пейзажные возможности, доставшиеся в наследство от *хянга*: сосна — не единственная вертикаль в *сиджо*, не менее часто в этой роли выступает гора (иногда с сосной на вершине, как в *сиджо* Сон Саммуна), изображаются наряду с ночным пейзажем и картины вечера и заката как времени, предшествующего ночи, изредка появляются и зарисовки утреннего пробуждения природы.

Вероятно, связью с традицией *хянга* можно объяснить и то обстоятельство, что пейзажная поэзия крайне редко изображает море. И это в поэзии страны, где расстояние между западным и восточным морскими побережьями не превышает 250–400 км почти на всем ее протяжении и где три четверти границ — морские. (Напомним, что в качестве горизонтали в *хянга* выступают река или пруд, т. е. обзримо ограниченная водная поверхность.)

Сходство пейзажных *сиджо* с *хянга* угадывается и еще в одном аспекте. *Сиджо* подчас воспроизводит некий индивидуальный ритуальный акт, осуществлявшийся обычно в полнолуние на рубеже заката солнца и восхода луны. Изображаются окружающая обстановка и сам момент переживания человеком особого психологического состояния. Непременное условие достижения этого состояния — одиночество, и лучше всего — на лоне природы. Созерцание гор, расцвеченных осенними красками, реки, в которой отражаются горы, рыбачьей деревушки на берегу, освещенных солнцем цветов сливы, созерцание, дающее эстетическое наслаждение, приближает это состояние. Внутренняя раскованность позволяет отождествить себя с белой чайкой,

белой цаплей — представителями мира природы. «Общение» с луной приводит к озарению, к ощущению своей связи с мирозданием, к ощущению «выпадения» из времени, неподвластности его ходу и причастности к вечности. Именно эти мотивы отмечаются в *хянга*.

Сфера «индивидуального» ритуала в XV–XVII вв., породившая пейзажные *сиджо* и *каса*, тяготеет к пришедшим из Китая даосизму и чаньскому буддизму, которые ориентировали личность на освобождение от рамок обыденного сознания. Однако восприятие философских и эстетических воззрений даосизма и чаньского буддизма в корейской культуре было подготовлено развитием собственных философско-эстетических представлений, отразившихся в поэзии на родном языке в древний период. Во всех случаях при ближайшем рассмотрении в *сиджо* обнаруживается древнее наследие *хянга*, переосмысленное в иных исторических условиях и давшее сплав с пришедшей китайской традицией.

В ряде аспектов *сиджо* наследует и традиции *каё*. К жанру *каё* восходит любовная тематика, получившая развитие в *сиджо* XVI–XVIII вв., когда литература обратилась к человеку вне «деловой» сферы. Особенно она культивировалась в творчестве *кисэн* — певиц и танцовщиц, среди которых было немало образованных и талантливых поэтесс. О наиболее известных из них слагались легенды, и их имена были знакомы каждому корейцу. Самой прославленной была Хван Джини (1506–1544). Популярность ее стихов и легенд о ней в средневековой Корее можно сравнить лишь с популярностью «Повести о Чхунхян». Поэтическое совершенство *сиджо* Хван Джини, обращенных к личному в человеке, изящный юмор делают ее творчество незаурядным явлением в корейской поэзии. История сохранила имена Сори, Куджи и еще нескольких поэтесс, однако большинство авторов любовных *сиджо* остались неизвестными. Количество анонимных любовных *сиджо* велико, и они, как правило, отражают влияние народно-песенной традиции, восходящей ко временам Корё.

С традициями многострофных *каё* связаны и циклы *сиджо*, объединявшиеся либо по временному принципу (например, циклы Мэн Сасона и «Времена года рыбака»

прославленного мастера *сиджо* Юн Сондо), либо по пространственно-временному (например, «Девять излучин Косана» Ли И). Циклам *сиджо* свойственно несколько иное осознание человеком своей причастности мирозданию, нежели отдельному *сиджо*. Подчеркивается абсолютное слияние ритма жизни человека с равномерным течением времени в пределах годового и суточного циклов. Это же ощущение времени и себя во времени было свойственно и другому жанру корейской поэзии на родном языке — *каса*.

В процессе развития поэзии на корейском языке от *сиджо* ответвляются *чан-сиджо* (букв. «длинные *сиджо*»), представленные в сборнике в третьем разделе — «Песни новых времен». *Чан-сиджо* — общее название нескольких разновидностей поэтических форм, сохранивших некоторую метрическую общность с *сиджо*. Обычно это стихотворения неопределенного объема, но большего, чем *сиджо*. Разрастание одной из строк (или сразу всех трех) путем произвольного увеличения количества полустихий приводит нередко к стиранию граней между строками, и стихотворение метрически воспринимается как произвольное чередование полустихий и свободных стоп. Однако тройственное деление выдерживалось на мелодическом уровне. Строки и строфы исполнялись в различной мелодической манере, между ними выдерживались паузы. «Длинные *сиджо*», по-видимому, представляют собой переходный этап в развитии корейского стиха от упорядоченного к свободному.

Рождение «длинных *сиджо*» — одно из наглядных проявлений перемен, происходивших в корейской культуре XVII–XVIII вв. Это было время активности движения «Сирхак», приверженцы которого ратовали за поощрение практических наук, за проведение реформ в области экономики, требовали пропаганды знаний среди низов и средних слоев общества, уделяли большое внимание положению человека в обществе. В связи с развитием корейской мысли XVII–XVIII вв. обогнались сдвиги и в литературе. В поэзию и прозу приходит новый герой — человек «низкого» происхождения и общественного положения, а вместе с ним находит отражение та сфера, где он живет и действует. Освещаются новые аспекты действительности — социальные и бытовые.

У литературы на корейском языке появляются и новый читатель и новый автор, преимущественно анонимный. К чтению и сочинению поэзии на родном языке приобщаются ремесленники, торговцы, крестьяне. Большую роль в судьбе литературы на корейском языке начинают играть женщины; недаром корейскую письменность и литературу на ней презрительно именовали «женским письмом».

В «длинных *сиджо*», пожалуй, ярче всего выражено новое мироощущение эпохи. Человек, в силу даосско-буддийских воззрений ощущавший себя частицей великого и вечного космоса, здесь перестает осознаваться некой сущностью, лишенной социально-бытовых примет, равно как и звеном в отношениях «высшего» уровня: государь — подданный. Почувствовав себя свободным, не привязанным ни к какому сверхпорядку, он обращается к чисто человеческому миру. Этот мир, своего рода микрокосм, не так уж велик, но зато центр его — земной человек, радующийся жизни или сетующий на свои житейские незадачи, посмеивающийся и над другими, и над самим собой, метко и зло клеймящий бездельников и дармоедов. И все, что связано с его немудреной жизнью, — любовные интрижки, семейные ссоры, торговля на базаре — отныне важно и достойно быть предметом поэзии. Изменение картины мира, которое привело к рождению «длинных *сиджо*», объясняется осознанием в обществе сложности и многообразия материального мира и обычной человеческой жизни. Происходит резкий поворот к конкретному изображению действительности, увеличивается вес бытовой и психологической детали. В поэзию вливается разговорная речь, большое место начинает занимать диалог.

Казалось бы, «длинные *сиджо*» отвергают все, что им предшествовало в поэтической традиции. Однако это не так. Отрицая, «длинные *сиджо*» ничего не уничтожают. Идет обычный процесс переосмысления традиции в новую эпоху. Необычна сама эпоха. В «длинных *сиджо*», если приглядеться внимательней, свободно развиваются самые различные возможности *хянга*, *Корё каё*, *сиджо*, а также *каса*. Человек в «длинных *сиджо*» активен как личность, ему свойственно стремление к энергичному самоутверждению. И мы узнаем этот импульс: нечто похожее было в *хянга* и *сиджо*. Однако

здесь утверждает свое человеческое достоинство личность социально приниженная («Эй, косматый парень, погоди-ка...»). Человек в «длинных *сиджо*» на редкость динамичен, склонен к «перемещениям», в чем можно усмотреть явное сходство с *каё*, не говоря уже о *каса*.

К *каё* восходит и внимание этого жанра к любовной тематике и т. д.

Примерно такая же эволюция произошла и с жанром *каса*, образцы которого представлены в четвертом разделе антологии — «Напевные строфы». *Каса* — крупная поэтическая форма, это поэма. Единицей стиха здесь является двустопное полустушие, каждая из стоп которого обычно содержит по четыре слога. Жанр возник в середине XV в. как синтез традиций пейзажных *хянга*, многострофных *каё* и даосско-чаньских веяний. В *каса*, так же как и в многострофных *каё*, дается сравнительно большой отрезок времени (до года или нескольких лет) в жизни человека. В пейзажных *каса* пространство изображается освоенным движением человека. В этом отношении к *каса* очень близко стоит цикл *сиджо* Юн Сондо «Времена года рыбака».

Одной из первых *каса* была «Слаблю весну» Чон Ёги-на (1401–1481). В оригинале она содержит семьдесят девять полустуший, соединенных в единую ткань сложным и плотным звуковым узором: эпизодическая рифма, аллитерация, звукопись — все используется автором, чтобы поэтический текст сравнительно большого объема выглядел монолитным на звуковом уровне. В *каса* «Слаблю весну» дана картина жизни поэта-отшельника на лоне природы, пейзаж развернут во времени (на протяжении весны), человек в нем активен и подвижен.

Если проводить параллели между пейзажной живописью, начавшей развиваться в Корее примерно тогда же, то *сиджо* можно сопоставить с вертикальным свитком, *каса* же и циклы *сиджо* — с горизонтальным.

Расцвет *каса* относится к XVI в. и связан, прежде всего, с именем выдающегося поэта Чон Чхоля, известного больше под псевдонимом Сонган (букв. «сосновая река»). Чон Чхоль сложил две пейзажные *каса* — «Путешествие в Квандон» и «Сонсанские напевы», пронизанные ощущением близости

к природе. Манере Чон Чхоля свойственны космический размах образов, масштабность сравнений, которые сочетаются у него с экспрессивностью и динамичностью.

Особенности поэтической манеры поэта проявились и в двух самых знаменитых его *каса* — «Тоскую о милом» и «Разговор двух женщин» (в оригинале — «Продолжаю тосковать о милом»), написанных в традициях народной лирической песни о покинутой возлюбленной, знакомых нам еще по *каё*. «Милый» в стихах Чон Чхоля одновременно и государь, о разлуке с которым печалится подданный — «покинутая возлюбленная». Эти произведения были созданы поэтом во время его отшельнической жизни на юге страны в 1585–1587 гг. и, по-видимому, не без воздействия «женских *каса*» (*кюбан каса*), широко распространенных в южных провинциях.

Интимная тема звучит в *каса* в XVI в. не только у Чон Чхоля. Под влиянием народных «женских *каса*» была создана «Тоска на женской половине дома» Хо Нансорхон (1563–1589), талантливой поэтессой, сестрой выдающегося писателя и поэта Хо Гюна, автора «Повести о Хон Гильдоне» и стихов на *ханмуне*.

Впоследствии, в XVII–XVIII вв., любовная лирика в жанре *каса* получает большое распространение. Авторы большинства интимных *каса* неизвестны. Популярность *каса*, так же как и популярность любовных *сиджо*, была вызвана общим интересом литературы и искусства в этот период к миру чувств простого человека, к его жизни.

В сфере пейзажных *каса* продолжателем Чон Чхоля был известный поэт Пак Инно (псевдоним — Ноге; 1561–1642), сочинявший, как и Чон Чхоль, в жанрах *сиджо* и *каса*. Его *каса* «Песнь о местечке Ноге» и «Слово о глухом переулке» посвящены отшельнической жизни поэта. Но Пак Инно не только автор пейзажных *каса*. Он был активным участником разгрома японской армии и флота во время Имджинской освободительной войны 1592–1598 гг. Военные и послевоенные его *каса*, например «Слово о Великом мире» («Тхэпхён са»), отразившие патриотические настроения эпохи, переключаются со стихами национального героя корейского народа флотоводца Ли Сунсина (1545–1598). В сборнике помещена

также его послевоенная *каса* «Песня о Ённаме». Патриотическая тема развивается и в *каса* неизвестных авторов; примером может служить «Песня о Скале Долга».

Жанр *каса* за время своего существования заметно эволюционировал. Он долгое время развивался под влиянием творчества Чон Чхоля, чьи пейзажные и любовные поэмы вызвали много подражаний, вплоть до копирования названий. Но вот в XVIII в. появляются *кихэн каса* («путевые записи»), которым присущи резко увеличившийся объем (некоторые *кихэн каса* достигают тысячи полустихий) и — в плане содержания — выход человека за пределы государственной границы. Их авторами были люди, которым по долгу службы или по каким-то непредвиденным обстоятельствам пришлось побывать в соседних странах.

Характерным примером является *каса* «Скитания по морю». Ее автор, чиновник Ли Банъик, в 1796 г. на небольшом судне отправился в Сеул с острова Чеджудо, но был застигнут бурей и оказался на Пескадорских островах. Отсюда через Тайвань он добрался со своими спутниками до континента, пересек Китай и уже из Пекина отправился на родину. «Скитания по морю» посвящены описанию этого удивительного путешествия.

Казалось бы, *кихэн каса* являются естественным продолжением пейзажных *каса*, в которых рисуется жизнь отшельника на лоне природы. Просто человек путешествует дальше обычного, за моря и границы. Однако в основе пейзажных *каса* лежало даосско-буддийское представление о мироздании: природа олицетворяла грандиозный и вечный Космос, частицей которого мыслился человек, и все измерялось только масштабами вечности и бесконечности. *Кихэн каса* — это выход в практический мир, и появление их стало возможно с утверждением познавательного подхода к миру, с нарушением установившегося даосско-буддийского к нему отношения. Путешествует человек с практической целью и, подвижимый любознательностью, добросовестно фиксирует то, что видит.

Кихэн каса осуществляют прорыв в нестандартную ситуацию: во время путешествий человек попадал в положения, в литературе ранее не описанные, часто опасные для

жизни. *Кихэн каса* эмоционально насыщены, и их эмоциональная гамма гораздо разнообразнее, чем в пейзажных *каса*. В центре внимания оказываются опасности пути, риск для жизни. А эти опасности и трудности приобретают смысл для литературы только тогда, когда ее центром становятся человек и его суетная жизнь, с которой расставаться так просто ему не хочется. В *кихэн каса* нередко неповторимые поэтические образы, свежие краски.

Завершают сборник три *чапка* неизвестных авторов: «Песня о Скале Долга», «Белая чайка» и «Желтый петушок». *Чапка* (букв. «низкая песня») — одна из разновидностей поэтических форм, получившая распространение среди городского населения в XVIII в. Эта форма близка к *каса* и «длинным *сиджо*». Как и все корейские стихи, *чапка* исполнялись на определенные мелодии.

У корейской поэзии на родном языке долгий и трудный путь. Минули века, ушли люди — герои стихов и авторы стихов, известные и неизвестные.

Стихи остались. Они — достояние духовной культуры корейского народа. Многие из них — ценнейший вклад в мировую поэзию.

Май 1977 г.

М. Никитина

ПЕСНИ ДРЕВНОСТИ

Хянга
Корё каё

АСТРОЛОГ ЮН*

VIII в.

ПЕСНЯ О КОМЕТЕ

С восточного древнего берега вижу я
Город, над коим *гандхарвы* вечно кружат*.
Вижу: японское войско войной пришло*.
На границах огни сигнальные зажжены.

Прослышав, что три *хварана** в горы пошли,
Даже луна засверкала в полную мощь.

Некто, увидев «звезду, подметавшую путь»*,
Воскликнул: «Это комета, смотрите все!»

Плавню комета прочь уплыла с небес.
Полно, комета ли это вправду была?

ТЫГО*

VIII в.

ПЕСНЯ О ХВАРАНЕ ЧУКЧИ*

Горестью томлюсь о былой весне.
Плачу и скорблю, разлучен с тобой.
Облик твой, являвший мне красоту,
Временем безжалостно искажен.
 Если б хоть на миг бывшее вернуть,
 Встретиться, как в прежние времена!
 О *хваран*! Стезю навсегда избрал
 Разум мой, тоскующий о тебе, —
Такова ль она, что заснуть смогу
В переулке, где разрослась полынь?*

СИНЧХУН*

VIII в.

ПЕСНЯ О ТУЕ

Туя густая — в дни, когда осень придет,
Не увядает — таков природы закон.
Ты говорил мне: «Я не забуду тебя».
Но изменилось ныне твое лицо.
 В старом пруду лежит отраженье луны.
 Взболтан волнами песок. Воистину так:
 Сколько бы ни смотрел я на облик твой —
 Он искажен, и с ним искажен весь мир.

ВОЛЬМЁН*

VIII в.

МОЛИТВА О ПОКОЙНОЙ СЕСТРЕ

Жизни и смерти стезя была пред тобой.
В жизни прошедшей страшно было тебе.
Ты не сказала даже: «Я ухожу», —
Прежде, чем смерти стезею от нас ушла.

С первым осенним ветром листья летят,
С веток сорвавшись, и падают здесь и там,
Словно бы уходя в неведомый край, —
Так вот и мы разлучились ныне с тобой.

В мир Амиабы* приду и встречу тебя —
Жди, покуда я путь до конца пройду!*

ЧХУНДАМ*

VIII в.

ПЕСНЯ О ХВАРАНЕ КИПХА

Вверх посмотрю: недавно взошла луна
И не плывет за белым облаком вслед,
Ибо не должно за облаком плыть луне.
Вниз посмотрю: в реке, в голубой воде,
Образ *хварана* Кипха встает предо мной.
Здесь, над рекою Иро*, на обрыве, клянусь
Следовать зорко пределам своей души —
Ибо, как должно, тебя сберегает она!
Ты, словно туя высокая, о *хваран*!
Инея ты не страшишься в «холодный год»!

ХИМЁН

VIII в.

МОЛИТВА СЛЕПОГО РЕБЕНКА ПЕРЕД ЛИКОМ ТЫСЯЧЕРУКОЙ И ТЫСЯЧЕОКОЙ ПЕЧАЛЬНИЦЫ*

Я, слепое дитя, преклоняю колена
И, ладони сложив, молю Гуаньинь*:
Ты, печальница, тысячей рук владеешь,
Ты владеешь, благая, тысячей глаз!
 Дай, владычица, мне того, что имеешь!
 Дай один мне от тысячи глаз твоих!
 Мне, который во тьме пребывает вечной,
 Исцеленье, печальница, ниспошли!
Окажи милосердье, тебя молю я,
Исцеленье, могущая, ниспошли!

ЧХОЁН (хваран)

879 г.

ПЕСНЯ ЧХОЁНА (ЧХОЁНГА)*

До поздней ночи в столице
Гулял я при ясной луне.
Домой воротился — и вижу:
На ложе... четыре ноги!

Я помню: со дня женитьбы
Две из них были мои...
Но кто же посмел их присвоить?
И как мне теперь поступить?

КЮНЁ (буддийский наставник)

917-973

ПОСТОЯННО СЛЕДУЮ УЧЕНИЮ БУДДЫ

Заветы нашего Будды, желанья его,
Добытые им на пути тягот и скорбей,
В перерожденьях прежних* данные им,
Преданно исполнять буду я всегда.

Пусть обернется прахом тело мое, —
Пусть мне и жизнь суждено за это отдать, —
Твердо стою и вовек с пути не сверну.
Все будды* всегда поступали именно так.
Разум, увидевший вечного Будды путь!
Разве захочешь свернуть ты на путь иной?

МОЛЮ О ТОМ, ЧТОБЫ ПОВЕРНУЛОСЬ КОЛЕСО ЗАКОНА*

В мире, что Будды радением возведен,
К престолу Будды направив свои стопы,
Молю, чтоб излился вечной истины дождь
На этот погрязший в заботах суетных мир.

Да оросит он поля, где все живое живет,
Где произрасти не в силах побеги добра,
Ибо, корнями в грубую почву уйдя,
Души живые пылают в огне страстей.
Да взойдет луна пробужденья над миром земным,
Да настанет осень, да созреют познания плоды!

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

начало XIII в.

ТОН-ДОН*

За спиною доблести держа,
Счастье держа перед собою,
Доблести и счастье мое,
Боги, мне, явившись, принесите.

В первую луну* вода в реке,
Ай, то замерзает, то растает.
Появилась я на этот свет
Одинокая и всем чужая.
Ай, *тон-дон-дари!*

В день пятнадцатый луны второй,
Ай, в ночи фонарики сверкают*,
Это друга моего лицо
Ярким светом озаряет толпы.
Ай, *тон-дон-дари!*

Все под третьей расцвело луной.
Ай, как слива зацветает поздно.
Всем на зависть расцветаешь ты,
Мой любимый, позднею весною.
Ай, *тон-дон-дари!*

В пятую луну на пятый день*,
Ай, все пьют целительные травы,
Выпьешь — проживешь ты сотню лет!
Поднести бы, да кому, те травы.
Ай, *тон-дон-дари!*

В день пятнадцатый луны шестой*,
Ай, народ кидает гребни в воду.
Гребень — я: у друга побывала,
Да недолго, — брошена под берег.
Ай, *тон-дон-дари!*

В день пятнадцатый луны седьмой*,
Ай, плоды я разложу пред буддой,
Стану будду я просить-молить,
Чтобы с милым ввек не расставаться.
Ай, *тон-дон-дари!*

День пятнадцатый луны восьмой,
Ай, денек искусных бабьих ножниц*.
Ну, а я к любимому пойду,
Это будет тоже ножниц праздник.
Ай, *тон-дон-дари!*

Девять лун прошло. Девятый день*.
Ай, домой несу я хризантемы
Желтые — они целебней трав.
Знак дурной: то окончанье года.
Ай, *тон-дон-дари!*

И пришла десятая луна,
Ай, я стала персиком с надрезом,
Ой, надрезав, бросили меня;
Кто теперь возьмет меня такую!
Ай, *тон-дон-дари!*

Лун одиннадцать, — я на полу,
Ай, лежу, прикрытая рубашкой,
Что осталось? Плакать, тосковать,
Думу думать о любимом друге.
Ай, *тон-дон-дари!*

Лун двенадцать, — стала *пунди** я —
Ай, застольной палочкой я стала,
Две такие другу б подарить*,
А глядишь, другой их взял без спроса*.
Ай, *тон-дон-дари!*

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Период Корё

ПЕСНЯ ЧХОЁНА (ЧХОЁНГА)*

Торжественный зачин*

В священные годы Силла, в славные годы Силла,
Благоденствие в Поднебесной — по доброте Рахура*!

О, отец наш Чхоён!

Если б, как ты, обиды терпеливо сносили люди,
Три бедствия*, восемь напастей*

Сгинули б навсегда!

Славословие Чхоёну

Лик и образ отца, лик и образ отца Чхоёна!
Голова утопает в цветах и склонилась от тяжести этой.
О, как лоб твой велик! — это знак твоего долголетия;
Длинные брови твои, как мохнатые брови *шаньсяна**;
Широки твои очи, словно ты на любимую смотришь;
Глубоки твои уши, затем, что все слышишь на свете,
И румяней твой лик, чем на солнце согревшийся персик.
Ты в раздутые ноздри все пять ароматов* вдыхаешь.
И разверсты уста, словно рот твой червонцами полон;
Белоснежные зубы твои, как глазурь или белая яшма;
Подбородок вперед выдается, затем что ты

счастливы и славны,

Рамена твои никнут под грузом волшебных сокровищ;
Руки кротко легли, совершивши благие деянья.

Грудь в морщинах являет премудрость свою и отвагу;
Лоно полно твоё — ведь владеешь ты всем

в преизбытке.

Перетянуты чресла твои яркой повязкой;
Ноги длинны твои, благоденствия мира участник,
И ступни широки оттого, что весь мир исходили.

Вопрошение

А и кто такого создал?

А и кто такого создал?

Без иголки и без ниток,

Без иголки и без ниток.

Создал кто отца Чхоёна?

Страшного такого создал?

Все роды — числом двенадцать —

Сотворили нам Чхоёна.

Призыв беса лихорадки

Веяджи, Мот и Нонни!

Мне обувь завяжите, —

А то проклятье вам!

Песня Чхоёна

По столице под луною
До рассвета прогуляя я,
В дом придя, взглянул на ложе,
Вижу там две пары ног.
Две ноги жены любимой,
Ну а две другие — чьи?

Подхват песни

Вот тебя Чхоён увидит

И, как мясо, искрошит.

Возглас беса лихорадки

Обещаю я Чхоёну десять тысяч золотых,
Обещаю я Чхоёну семь сокровищ* подарить.

Возглас Чхоёна

Не надо мне тысячи золотых,
Не надо семи сокровищ!
Поймайте мне лихоманку.

Восклицание беса лихорадки

О, горы, о доли! За тысячу ли*
Запрячьте меня от Чхоёна! —
Так изрек он, умолая, —
бес великий лихорадки

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

начало XIII в.

В ЗЕЛЕННЫХ ГОРАХ БУДУ ЖИТЬ

Теперь я буду жить в горах,
Я буду жить в горах зеленых!
Есть стану дикую хурму
И буду жить в горах зеленых!

Вот так!

Вот так...

Ты плачешь, птица, надо мной?
Плачь, птица! Плачь с утра до ночи!
И я печален, как и ты,
И я с утра до ночи плачу!

Вот так!

Вот так...

Летает птица над водой,
Смотрю я, как она летает.
Бреду с мотыгою в руках,
Смотрю я, как кружится птица.

Вот так!

Вот так...

Так провожу я долгий день —
За делом и порой без дела.

Никто не едет, не идет...
Что принесет мне ночь глухая?
Вот так!
Вот так...

Куда ты, камень, брошен был?
И для кого предназначался?
Ведь я ни с кем не враждовал,
А принял твой удар — и плачу!
Вот так!
Вот так...

Теперь у моря буду жить,
Теперь я буду жить у моря.
Одних улиток стану есть
И буду жить всегда у моря!
Вот так!
Вот так...

Послушай-ка, любезный друг!
Послушай, что тебе скажу я:
На нашем корабле большом
Бревно гнилое вместо мачты!
Вот так!
Вот так...

Кувшин-горлянку я возьму,
Возьму-ка я кувшин пузатый
И стану пить свое вино!
И стану пить!.. А как иначе?
Вот так!
Вот так...

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОЭТЕССА

XIII–XIV вв.

В ГОРОДЕ СОГЁНЕ*

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

В городе нарядном
Разве я останусь?

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Ткать холсты я брошу,
Если милый любит!

В городе Согёне...
В городе столичном...
Ох!

Если я любима,
За тобой пойду я!

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Если ожерелье
И уронят наземь...

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Разве непременно
Нить должна порваться?

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Если ты уедешь
Даже на столетье...

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Разве моя верность,
Словно нить, порвется?

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Тэдонган* широкий!
Тэдонган глубокий!

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Для чего спускает
Лодку перевозчик?

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Верно, он не знает
О моей печали!

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Для чего причалил
И тебя сажает?

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Там, за Тэдонганом,
Там цветы прекрасны...

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Если ты, любимый,
От меня уедешь...

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Там, за Тэдонганом,
Рвать цветы ты станешь!

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

ПЕСНЯ ЧОН ГВАДЖОНА

О государе печалась, плачу я.
Кукушка в горах и я — мы сходны тоской.
Ведал ли кто, что я потерплю наговор!
Правда открыта лишь закатной луне
да рассветной звезде!

С государем душа моя, даже если умру!
Чей же навет столь безжалостен и жесток?
Ни проступка нет, ни малой ошибки за мной!
Возведенную злобно напраслину я терплю!

Ты забыл обо мне, государь?
Жалобу выслушай, снова меня возлюби!

КОРОТКИЕ ПЕСНИ

Сиджо

У ТХАК (Ёктон)

1263–1343

В одной руке сжимаю посох свой
В другой — держу сосны колючей ветку.

От старости докучной отбиваюсь
Отмахиваюсь я от седины.

Увы! Узнал я рано седину
И к старости пришел путем коротким!

*

О ветер, ты повеял над землей
И растопил снега в горах весенних!

Прошу тебя: хотя бы ненадолго
Над головой моею ты повеи!

И, может быть, под этим дуновеньем
Растает снег, лежащий на висках!..

СИН

XIV в.

Туда, где галки черные кружатся*,
Ты, цапля белая, не опускайся!

Ведь воронье, исполненное злобой,
Завидует тому, что ты бела!

Омытая волною чистой, бойся
Нечаянно запачкаться о них!

ЧОН МОНДЖУ (Пхоын)

1337–1392

Пусть Небом суждено мне умереть*,
Пускай умру, пускай сто раз умру я,

И кости превратятся в прах земной,
И тело брренное душа покинет,

Но сердце, преданное государю,
Пребудет неизменным навсегда!

ЛИ ДЖОНО
(Соктхан)

1341–1371

Нет истины в словах, что облакам*
Людская суета и страсти чужды!

Высоко в синем небе облака
По прихоти своей над миром бродят.

Кто скажет, что без умысла они
Сиянье солнца яркого затмили?!

ВОН ЧХОНСОК
(Унгок)

вторая половина XIV — начало XV в.

Кто говорит, что зимнею порою*
Бамбук в снегу склоняется к земле?

Как мог бы зеленеть он средь зимы,
Когда б покорно перед ней согнулся?

Я знаю: в этот год, такой холодный,
Прямым остался только он один!

*

Судьба определяет смерть и гибель!
Где пять столетий царства протекли*,

Я вижу заросли травы осенней
И слышу только дудку пастуха.

Кто же сумеет слезы удержать,
На Манвольдэ* в часы заката глядя?

КИЛЬ ЧЭ
(Яын, Кымосан-ин)

1353–1419

Объехал я руины городов
Когда-то процветающего царства*.

Всё те же горы здесь, всё те же реки —
Но люди прежние ушли навек...

О времена «покоя при луне»*,
Ужели были вы не сновиденьем?

МЭН САСОН
(Кобуль)

1359–1438

ПЕСНИ О ВРЕМЕНАХ ГОДА
НА РЕКАХ И ОЗЕРАХ

I

Уже весна на реках и озерах.
Болнением охвачена душа.

Пью мутное вино, сижу у речки
И рыб золоточешуйчатых ловлю.

Так, наслаждаясь, время провожу я —
По милости владыки моего.

II

Уже на реках и озерах лето.
Из бедной хижины я выхожу.

Покорную волну куда-то гонит
Внезапно налетевший ветерок.

Здесь я весь день дышу речной
прохладой —
По милости владыки моего.

III

Уже на реках и озерах осень,
И, значит, рыба нагуляла жир.

Я свой челнок сетями нагружаю
И по течению бросаю их.

В таких забавах время провожу я —
По милости владыки моего.

IV

Уже зима на реках и озерах,
И снегом завалило всё вокруг.

Я шляпу камышовую надену,
Одеждою послужит плащ-нуёк*.

Сегодня мне не холодно нисколько —
По милости владыки моего!

ЛИ ДЖИК
(Хёнджэ)

1362–1431

Скажу я, цапля белая, тебе:
Над вороном не надо насмехаться!

Пусть он чернее черного снаружи,
Но разве у него внутри черно?!

Наверно, в мире только ты одна
С душою черной, в белом оперенье!

ТХЭДЖОН
(ван, правитель)

1367–1423

Так поступить, как поступаешь ты?
А если век свой провести иначе?

Взгляни: переплетаясь друг с другом, вьются
По склону Мансусана* две лозы.

Когда б и нам с тобой, как эти лозы,
Переплетаясь, жизнь свою прожить!

КИМ ДЖОНСО
(Чольчэ)

1390–1453

Здесь свет луны холодный на снегу
И ветер северный колышет сосны.

Стою один, сжимая меч в руке,
На самой дальней северной границе.

Мой грозен оклик, и мой посвист громок —
Кто же осмелится на нас напасть?

*

Над Чанбэксаном взвили мы знамена*,
Купали в Тумангане* лошадей.

Вы, черви книжные и любомудры,
Скажите, разве не герои мы?

И кто из нас сегодня не достоин
Портрета в галерее Линъяньгэ*?

ПАК ПХЭННЁН
(Чхвигымхон)

1417–1456

Когда летит на землю белый снег*,
И ворон может показаться белым!

Но разве ясная луна чернеет,
Когда вокруг царит глухая ночь?!

И сердце, преданное государю, —
Вовеки не изменится оно!

СОН САММУН
(Мэджукхон)

1418–1456

Что после смерти станется со мной?
Хочу я стать сосною на Пэнлае*.

Поднявшись на высокую вершину,
Один я буду зеленеть в ту пору,

Когда холодный снег летит на землю
И в белое одето всё вокруг!

ЛИ ГЭ
(Пэгокхон)

1417–1456

В окошке — одинокая свеча.
Она, наверно, с кем-то разлучилась.

Иначе разве слезы проливала б,
Забыв, что сердце у нее в огне?..

Свеча горит, напоминая мне
О том, что и со мной случилось то же!

ЛЮ СОНВОН
(Нанган)

?–1456

Под голову пристроив *комунгё**,
Лежу я в хижине, травой крытой.

О, если б мне вернуться хоть во сне
Во времена благого государя!..

Но звук рыбачьей дудочки донесся
Издалека — и пробудил меня!

Ю ЫНБУ
(Пённяян)

?-1456

Мне люди говорят: минувшей ночью*
Промчалась буря, намело сугробы.

Мне люди говорят: все, как одну,
Вечнозеленые свалило сосны!..

Так что ж могу сказать я о цветах,
Которые раскрыться не успели?

ВОН ХО
(Мухан, Кваллан)

?-1456

В журчанье волн речных, бегущих мимо*,
Мне чудился минувшей ночью плач.

Теперь я знаю, сердцем я постиг,
Что это были слезы государя...

О, если бы ко мне вернулись волны,
Чтоб мог я к ним своих добавить слез!

НАМ И

1441–1468

Взошел я на вершину Пэктусана*.
Стою, на меч тяжелый опершись.

О родина моя, листок древесный,
Зажатый меж племен юэ и ху*!

Когда ж на дальнем севере и юге
Дорог военных мы развеем пыль?!

ВОЛЬСАН-ТЭГУН (наст. имя — Ли Джон, псевд. — Пхунвольджон)

1454–1488

Ночь опустилась над рекой осенней.
О берег бьет холодная волна.

Я удочку смотал, снимаюсь с места —
В такую пору рыба не берет.

Плыву домой в убогом челноке,
Груженном только чистым лунным светом.

СОНДЖОН
(ван, правитель)

1457–1494

О, если бы ты все-таки остался!*

Неужто выхода иного нет!

Людские пересуды одолели?
Советчики твои решили так?

Откуда, расскажи, беда такая
И почему ты должен уезжать?

ЛИ ХЁНБО
(Нонам)

1467–1555

Вниз посмотрю — внизу синее речка.
Вверх посмотрю — там горы зеленеют.

Багряной пыли* облака густые
Сюда не доберутся никогда.

И помыслам мирским нет места в сердце,
Когда восходит над землей луна.

КИМ ГУ
(Чаам)

1488–1534

Покамест эта утка-коротышка*
Не станет длинноногим журавлем,

Покамест эта черная ворона
Не станет белой цаплею — живи!

Живи, любимый, десять тысяч лет
И счастьем наслаждайся бесконечным!

АН ДЖОН
(Чукчхан)

1494–?

За горы западные солнце село.
Хромой осел мой не спеша бредет.

Над крутизною скал дорога вьется,
Шум горной речки слышится внизу.

Собачий лай ко мне доносит ветер,
И, значит, недалек уже ночлег...

ЛИ ХВАН
(Тхвеге)

1501–1570

ИЗ ЦИКЛА
«ДВЕНАДЦАТЬ НАПЕВОВ ТОСАНА»*

II

Туман рассветный — вот мое жилище!
А ветер и луна — мои друзья!

Во времена благого государя
Старею мирно, лишь о том заботясь,

Чтоб до конца остаться непричастным
Тщете и заблуждениям людским!

IV

В долине орхидея расцветает.
Вдыхаю запах — в мире лучше нет!

Белеет облачко над горным склоном.
Любуюсь видом — в мире лучше нет.

Но и средь этой красоты земной
Всегда со мною мысль о государе!

V

Перед горой высокой есть терраса,
А под террасой — синяя река,

И чайки стаями над нею вьются —
То прилетят, то улетят опять...

Так почему же белый жеребенок*
Промчится вдаль — и не вернется вновь?!

VI

Цветы пестреют на горе весной,
Осенней ночью — лунный свет над нею.

Пора любая года хороша,
И в жизни человека — точно так же!

Орел под облаками, рыба в речке,
И свет, и тень — над всем закон один!

VIII

Пусть даже гром грохочет над горами* —
Глухой не слышит ничего вокруг.

Пусть солнце яркое стоит в зените —
Слепой не видит ничего вокруг...

А мы и видим всё, и слышим всё,
Слепыми и глухими притворяясь!

IX

Тот путь, что прежде избран был тобою*,
Покинул ты и на другой ступил

И долго странствовал в чужих пределах,
Пока вернуться не пришла пора...

Но раз уж ты вернулся, значит, должен
Вперед идти по старому пути!

X

Наверно, предназначено от века
Горам зеленым зеленеть всегда?

Не иссякать ни днем, ни поздней ночью,
Должно быть, предназначено ручью?

О, если бы, как горы и ручей,
Мы жили вечно, старости не зная!

XII

С мужами древними я не встречался,
И древние не видели меня.

Но хоть не знал я древних мудрецов,
Путь, ими пройденный, передо мною.

А если этот путь передо мною,
Как по нему могу я не пойти?!

*

Бесчисленные пики Чхоннянсана*
Известны только мне да белой чайке.

Об их красе не скажет людям чайка,
Но можно ль верить персику в цвету?

Не облетайте, лепестки, над речкой,
Не открывайте тайны рыбакам!

ХОН СОМ
(Инджэ)

1504–1585

О яшме люди говорят: «Булыжник!» —
А это очень горько и обидно!

Ведь умный человек не ошибется,
И распознать он истину сумеет...

Не заблуждаясь — только притворяясь,
Так говорят они — и грустно это!

ХВАН ДЖИНИ (ПОЭТЕССА-КИСЭН)
(Мёнволь «Ясная луна»)

1506–1544

Ты не гордись своим теченьем быстрым*
В горах зеленых, о Ручей Пёкке!

Настанет час — и ты достигнешь моря,
Чтоб в нем навек исчезнуть без следа.

Не лучше ль было бы остановиться
В горах, где светит Ясная Луна?

*

Когда ты разуверился во мне?
Когда, скажи, тебя я обманула?

Уже давно пробили третью стражу*,
Ушел осенний месяц на покой.

А ты все не идешь... Зачем же ветер
Опавшею листвою шелестит?

*

Ночь ветренная зимняя длинна,
Без милого она еще длиннее.

Возьму-ка пополам ее разрежу
И половину спрячу до весны.

Приедет он — к короткой вешней ночи
Добавлю я припрятанное впрок.

*

Я жду, я верна своему обещанью,
Но ночь на исходе, а ты не идешь.

Осенние листья едва зашуршали,
Я к двери — не ты ли пришел ко двору?

И листья сухие браню я, как будто
Они виноваты, что ты не пришел!

ЛИ ТХЭК
(Удан)

1509–1573

Над тем, что пташка черная мала,
Не надобно смеяться, гриф огромный!

Там, в поднебесной высоте над миром,
Парите оба вы — она и ты.

Зачем же это непременно нужно —
Меж птиц крылатых отличать себя?!

ЯН САОН
(Поннэ)

1517–1584

Хоть говорят, что высока Тайшань*,
Но неба синего она не выше!

И если вверх идти и вновь идти —
Заоблачной вершины ты достигнешь.

А ведь иной к подножью лишь подступит
И смеет рассуждать о высоте!

СОН ИН
(Иам)

1517–1584

Все, что я слышу, — лучше бы не слышал!
И все, что вижу, — лучше бы не видел!

Ведь таковы, мой друг, дела людские,
Что их противно даже обсуждать...

Уж лучше я, пока мне служат руки,
Вина себе немного подолью!

ЯН ЫНДЖОН
(Сончхон)

1519–?

В своей одежде из холстины грубой
В убогой хижине встречаю зиму.

Пусть закрывали солнце облака,
Пускай лучи его меня не грели,

Но в час, когда за западной горою
Оно исчезнет, — слез я не сдержу!

ЛИ ХУБЭК
(Чхоннён-коса)

1520–1578

На отмель опустился дикий гусь.
За нашей деревушкой солнце село.

Уже вернулись с лова рыбаки,
И чайки белые угомонились...

Я задремал, но звук свирели дальней
Вдруг долетел — и мой нарушил сон.

ЛИМ ДЖИН

первая половина XVI в.

Свой меч я наточил и в ножны спрятал,
Наладил лук, поставил в изголовье

И, рядом положив колчан и стрелы,
У стен Железной Крепости* заснул.

Но только оклик «Не зевай!» услышал —
И снова я, как прежде, начеку!

КВОН ХОМУН (Сонам)

1532–1587

Сияние луны и плеск ручья
Ночной порой беседку наполняют.

Я вглядываюсь в этот ровный свет
И вслушиваюсь в звук воды немолчный.

Единым двум началам внемлю я*,
Для глаза — ясным и для слуха — чистым.

*

На перекате дождик прошумел.
Запруду укрепил я мхом зеленым.

Но рыба испугалась и ушла:
На берегу теперь сидеть — без толку!

Лишь месяц свой серебряный крючок
Забрасывает в волны синей речки!

*

Зеленый холм у синего ручья,
А над ручьем в тумане — деревушка.

Наверное, тебе известно, чайка,
О чем отшельник размышляет здесь,

Когда в окно его глядит луна,
Слышны из дома звуки *каягыма**?

*

Когда вокруг темнеет, я обычно
Ничем не занят и совсем один.

Прикрыв калитку из сосновых веток,
Лежу, а в небе — полная луна.

Пыль суеты мирской ко мне сюда
Не долетит. Я от нее свободен.

*

Луна стремглав пронзила облака
И над вершиною сосны взлетела.

На середину синего ручья
Косой дорожкой лунный свет ложится...

А эта бросившая стаю чайка
Спешит сюда, чтоб навестить меня?

ЛЮ ДЖАСИН

1533–1612

Гряда осенних гор в лучах закатных
Погружена в речную быстрину.

С бамбуковой удочкой в руках
Сию в убогом челноке на речке.

От всех сует мирских я отрешился —
И Небом мне ниспослана луна.

СОН ХОН (Уге)

1535–1598

Всегда молчит зеленая гора,
А речка синяя всегда струится,

Прохладный ветерок нельзя купить,
И никому не служит ясный месяц!

О, если бы я мог здесь жизнь прожить,
Без горя и недугов тихо старясь!

ЛИ И
(Юльгок)

1536–1584

ДЕВЯТЬ ИЗЛУЧИН КОСАНА*

Никто не знал доныне, что на свете
Есть уголки, подобные Косану,

Где я построил камышовый домик,
Где нравится бывать моим друзьям,

Где я теперь, себя в Уи* представив,
Читаю сочинения Чжу Си.

I

Над Венценосным Пиком светит солнце.
Как хороша излучина Ильгок*!

Уже слетел туман с лугов росистых,
И горы выплыли на горизонте.

Кувшин вина перед собой поставив,
Под соснами сажу и гостя жду.

II

Весна в разгаре на Скале Цветенья.
Как хороша излучина Игкок!

Я лепестки цветов бросаю в воду —
Пускай волна их за море уносит.

Об этой красоте не знают люди, —
Кто им сумеет рассказать о ней?

III

Шумит листвою свежей Ширма Леса.
Как хороша излучина Самгкок!

Здесь летнею порой щебечут птицы,
Среди листвы порхая вверх и вниз.

Здесь, веер свой раскрыв навстречу ветру,
Стоит сосна — и зной не страшен ей.

IV

Садится солнце за Сосновой Кручей.
Как хороша излучина Сагкок!

Вершины скал и сто закатных красок
Отражены зеркальной гладью вод,

Темнеет лес, журчит родник прозрачный...
И восхищением душа полна.

V

За Ширмой Одиночества — полянка.
Как хороша излучина Огкок!

Здесь скит я вижу, чистенький такой,
Как будто ключевой водой омыт он.

Здесь мудрость древних можно постигать
И воспевать луну, ручей и ветер.

VI

Мне нравится у Заводи Рыбачьей.
Как хороша излучина Юккок!

Кто здесь счастливее из нас бывает —
Я или рыбки, что в воде резвятся?..

Лишь к вечеру я собираю снасти.
Домой иду, с собою взяв луну.

VII

В наряде осени Утес Кленовый.
Как хороша излучина Чхильгок!

В прозрачном инее стоят деревья,
Земля покрылась золотом листвы.

Сижу я у высокого обрыва,
Забыв, что мне давно идти пора.

VIII

В сиянии луны весь Берег Циня.
Как хороша излучина Пхальгок!

На *цине** с украшением из яшмы
Старинные мелодии играю.

Теперь забыты звуки прежних песен,
И наслаждаюсь ими я один.

IX

Прощаюсь с годом у Горы Узорной.
Как хороша излучина Кугок!

Оделись в белоснежные наряды
Утесы, валуны, обломки скал...

И разве кто решится утверждать,
Что нечем у Косана любоваться!

ЧОН ЧХОЛЬ
(Сонган «Сосновая река»)

1537–1594

Как весело двум бабочкам порхать
Среди цветов и пышных трав весенних!

Как весело двум птицам щебетать
Среди листвы зеленых ив над речкой!

Живые существа всегда вдвоем —
И только я один на целом свете!..

*

Зачем, старик, несешь ты эту ношу?
Давай-ка лучше я ее возьму!

Я молод и силен и, груз тяжелый
Взвалив на плечи, донесу легко.

А ты с собой повсюду старость тащишь.
Она ведь и сама — тяжелый груз!

*

Дождь, хмуро морозящий над полями,
Могу я, верно, пренебречь тобой?

Плащ из травы, соломенную шляпу
Могу я, верно, и не надевать?

Наряд придворный навсегда я сбросил
И больше, дождь, я не боюсь тебя!

*

Одну струну на *комунгó* я тронул —
И обрела покой моя душа.

Другой струны коснулся осторожно —
И жалобно заплакала струна.

Как может быть, чтобы печаль исчезла,
Когда живет разлука на земле?!

*

Над тихую водою тень скользнула —
По мостику идет старик-монах.

Скажи мне, все дороги исходивший,
Куда теперь ты направляешь путь?

Не замедляя шаг, он поднял посох
И молча мне на небо указал*.

*
Что знаем мы, что помним о Лю Лине*?
В эпоху Цзинь прослыл он мудрецом.

Что нынче нам известно о Чон Чхоле?
Чудак — о нем повсюду говорят.

Так суждено — слыть мудрым одному,
Так суждено — слыть чудаком другому!

ОДИНОКИЙ ЖУРАВЛЬ*

I

Журавль всегда парил под облаками,
Но как-то с высоты спустился вниз.

Наверно, посмотреть он захотел,
Как на земле у нас живется людям.

Они его исправно ощипали —
И к небесам он больше не взлетел!

II

О, если бы, лишенный оперенья,
Я крылья для полета вновь обрел,

И взмыл под голубые небеса
Стрелою, выпущенною из лука, —

Тогда бы снова я увидел ясный
И добрый мир, в котором прежде жил!

*
Простой народ провинции Канвон*,
Зачем живешь ты в спорах и вражде?

Должно быть, без труда ты обзавелся
Домами, и плугами, и землей?

Но ты сумеешь ли, народ Канвона,
Любовью к ближнему обзавестись?

*

О, как безжалостно в густом лесу*
Высокие деревья вырубают!

Настанет время — подпирать придется
Давно уже ветшающие своды

Большого государева дворца...
Где ж мы найдем тогда ему опору?!

О ВЕРНОСТИ

I

Зачем ты остаешься в этом доме,
Где все разбито и разорено,

Где утварь вся давно пришла в негодность,
Где даже черпака не отыскать,

Где нет в обед ни ячменя, ни проса?
Чего, скажи мне, ты от жизни ждешь?

II

Нет на обед ни ячменя, ни проса,
Котел разбился, и черпак пропал.

Давным-давно пришла в негодность утварь,
И покосился мой убогий дом.

Но если милый любит так, как прежде,
Я буду жить и буду ждать его!

*

Пусть у меня всего одна рубаха —
Я выстираю дочиста ее,

На жарком солнце высушу, а после
Проглажу хорошенько и надену...

Под чистой тканью мускулы играют,
Взлетают плечи, словно два крыла!

*

Мой добрый конь с обвислыми ушами*
Повозку с солью медленно везет.

А разве так уж непременно надо
Быть Чхоллима* — крылатым скакуном?..

Как нынешние люди ненасытны —
К недостижимому всю жизнь спешат!

*

Вчера сказал мне кто-то, что вино
На радость нам созрело у Сон Хона*.

И, подковав ленивого быка,
К приятелю я нынче еду в гости.

«Эй, мальчик! Дома ли почтенный Сон?
Скажи ему, что это Чон приехал!»

*

Из горьких горных трав похлебку ем —
И кажется она вкусней, чем мясо.

Мой камышовый домик для меня
Милей, чем раковина для улитки.

А на душе, увы, покоя нет:
Любимый далеко — и он тоскует!

*

Бывает, что и дерево зачахнет:
Ни тени, ни прохлады не дает.

Когда оно стояло с пышной кроной,
Шли люди, чтобы отдохнуть под ним.

Теперь засохли ветви, листьев нет —
И даже птица на него не сядет!

*

Вот ритм судьбы — падения и взлеты.
Бурьян — на стенах крепости Тэбан*.

Лишь дудка пастуха напоминает
О том, что было здесь и что прошло...

Так выпьем же вина у очага,
Где сладок дым, где все покоем дышит!

*

В столице, где любовь моя живет,
Давно уж стражу пятую* пробили.

С порывом ветра дальний гонга звук
Плывет ко мне через поля и горы.

О, если бы Каннама* он достиг,
Чтоб и в изгнание я его услышал!

*

Из сердца своего луну и звезды
Я вырежу — и ввысь их подниму.

Пусть в небе, что раскинулось над нами
На девяносто тысяч долгих *ли**,

Висят они, селенье озаряя,
В котором он, любимый мой, живет!

*

Когда умру, пускай речные волны
Возьмут к себе мой охладелый прах.

Пусть у далеких отмелей Хангана*
Они рыдают и о берег бьются,

Чтобы меня услышал милый мой...
А я уже печали знать не буду!

*

О том, что я среди других — дурнушка,
Давным-давно известно мне самой.

Белил с румянами не покупаю,
И тушью брови я не подвожу.

И вовсе я не думаю о милом,
Который должен полюбить меня!

*

Неужто лес, пригодный на стропила*,
Весь пропадет под ветром и дождем?

У полуразвалившегося дома
Хозяева ведут никчемный спор,

А плотники с линейками и тушью
Никак не могут к делу приступить!

*

Зачем поплыл ты, утлый наш корабль,
Навстречу ветру и волне высокой?

Ведь видели мы, отправляясь в путь,
Что собираются над морем тучи...

Остерегайтесь бед на корабле,
Которым в бурю управляют двое!

*

Мне ли завидовать чужому смеху*,
Презрев страданье собственной души?

Мне ли в чужом пиру наполнить кубок,
Отставив горькое свое вино?..

Мое ли сердце, чистое, как яшма,
Забудет прежнюю свою любовь?

*

Неужто окоlesiцу я нес
И были все слова мои пустыми?

Огнем, от которого ничто
И никогда не может загореться?

Глаза на мир когда-нибудь открою —
И удивлюсь я самому себе!

*

Я вижу, как в единый цвет заката
Окрасились и небо и река.

Над зарослями камыша летает
С тоскливым криком одинокий гусь.

Уже и осень тоже на исходе...
Но нет вестей от друга моего!

*

Все разошлись. Закончена игра.
Бамбуковая роща опустела.

Я опьянел. И некому собрать
Разбросанные меж деревьев кости.

Стою один и не пойму никак —
То ли светает, то ли вечерет.

*

Вчера сказать изволил государь,
Что стану я великим человеком.

Но этого совсем не надо мне —
Останусь среди людей обыкновенных!..

Прославившись, смогу ли я всегда
Быть незамеченным с тобою рядом?

*

Я знаю, это осень наступает —
Павлония роняет желтый лист.

И холодно, так холодно ночами,
И дождик замутил речной простор.

Моя любовь — за сотни *ли* отсюда,
А я один — и не приходит сон!

*

Ты проводил меня, и я уехал —
Не надо друг о друге нам вздыхать!

Ты протрезвел уже, я только выпил —
Не стоит друг над другом нам шутить!

Плащ от дождя, в ненастный день надетый, —
Под ярким солнцем разве нужен он?

*

К пятидесяти жизнь моя подходит,
Но мне вино, как прежде, подают.

Я улыбаюсь, как в былое время,
Хоть для улыбки этой нет причин:

Ведь все, что радовало нас когда-то,
В конце концов нам суждено забыть!

*

Всего одной струны на *комунгб*
Я палочкой бамбуковой коснулся —

И звук поплыл, как вешняя вода,
Что подо льдом журчит на перекате.

И стало слышно: вторя *комунгб*,
По лотосовым листьям дождь закапал.

*

Бездельником я жил и шалопаем
И попусту растратил много лет.

Достойной цели в жизни не имел я
И путного не сделал ничего.

И больше ничего мне не осталось,
Как прогулять остаток дней своих!

*

Пить будем кислое вино с тобой,
Покамест кислое душа приемлет.

Есть будем травы горькие с тобой,
Покамест в них еще находим сладость.

Потом пойдем на улицу — гулять,
Покамест гвозди держатся в подметках!

*

Приятель Ко* свой камышовый домик
Соорудил у Южного Холма*.

У Южного холма — цветы и месяц,
И сосны, и утесы, и ручьи...

Должно быть, и вино там есть — иначе
Меня не зазывал бы он к себе!

*

По нежным листьям лотоса весь день
Бил и хлестал тяжелый дождь осенний.

Но ни единого следа нигде
На чистой их поверхности не видно...

Останься незапятнанной и ты,
Душа моя, как этот лист широкий!

*

Зачем ты встала, стройная сосна,
Над горною тропею у обрыва?

Не веришь в то, что близок день и час,
Когда ты с высоты своей сорвешься?

А может, ждешь, чтоб, под гору стацив,
Тебя на части люди изрубили?

*

Любуюсь яшмовым старинным кубком*,
Как любовался десять лет назад.

За эти годы не переменялся
Его прозрачно-белый нежный цвет.

Так почему же сердце человека
День ото дня становится другим?

*

Я ничего не слышу левым ухом,
Я ничего не вижу правым глазом,

И заложило нос, и рот свело —
Не чувствую ни запаха, ни вкуса.

И все-таки скажу тебе, вино:
Мне так не хочется с тобой расстаться!

*

Два будды каменных* всю жизнь стоят
Друг против друга у большой дороги.

Снег падает на них порой ненастной,
И хлещет дождь по их нагим телам.

Но человеческой разлуки нашей
Они не знают: позавидуй им!

*

Наверное, великому Цзя И*
Я показался бы смешным и глупым:

Заботы и тревоги всех живущих
Взвалил на спину и несу один.

Не потому ль с утра до поздней ночи
Я плачу и вздыхаю тяжело?

*

С высокой башни, что парит доньше
Над громкой славою восьми веков*,

Литого колокола дальний звук
Плывет ко мне в беседку над обрывом,

Разносится над тишиной полей,
Сливается с безмолвием вечерним...

*

Два тела из единого создав,
Велело Небо: быть жене и мужу.

Вдвоем им суждено и жизнь прожить,
И в общую, в свой час, сойти могилу...

Средь безрассудных распрей и раздоров
Как можете об этом вы забыть?!

*

Твой сын, я слышал, «Сяоцзин»* прочел
И кое-что уже, конечно, смыслит;

Мой — послезавтра должен дочитать
В «Сяосюэ»* последние разделы.

Как думаешь, дождемся мы с тобой,
Чтоб наши сыновья ума набрались?

*

Покамест живы мать с отцом твои,
Их почитай, как требует обычай.

Что толку в сожалениях посмертных,
В словах, которых не услышать им!..

Свой долг, что ты родителям не отдал,
Оплакиванием не оплатить!

*

Когда сопровождаешь старика,
Поддерживай его двумя руками.

Когда на улицу гулять пойдет он,
Ты посох поспеши ему подать.

А после пира не забудь о том,
Что надо проводить его до дома!

*

Правитель — словно Небо над людьми,
А люди — как Земля под этим Небом.

Но если он проводит дни свои,
Раздумывая о печалях наших,

То почему же горькую похлебку
Из горных трав — мы без него едим?

*

Журавль уже куда-то улетел*,
Терраса над водою опустела.

А если вслед за ним и я уйду,
Смогу ль когда-нибудь сюда вернуться?..

Уйду ли я навек, вернусь ли я —
Давай-ка мы, дружище, сдвинем чаши!

ХАН ХО (Сокпон)

1543–1605

Не надо нам соломенной циновки —
Присядем на опавшую листву.

И зажигать светильник нам не надо —
Должна взойти вчерашняя луна.

Вот если есть закуска и вино —
Давай-ка их, неси сюда скорее!

ЧО ХОН
(Чунбон)

1544–1592

Над берегом в листве плакучей ивы
Порой весенней иволги гнездятся.

У заводи, где дождь осенний сеет,
Прибежище себе находят цапли.

И вечно на закате над водой
Покинувшая стаю вьется чайка.

*

На озеро и дамбу дождь закапал.
Туман сгустился у прибрежных ив.

А лодочника нет — ушел куда-то,
У пристани — один челнок пустой,

И чайка взад-вперед в лучах заката
Летает одиноко над водой.

*

Закинув удочку, весь день сижу
У своего излюбленного места.

Дождь прозвенел над чистой рекою —
Прекрасен на закате этот звук!

На прут жемчужных рыбок нанизал я,
Иду в селенье Абрикосов Цвет*!

ЛИ СУНСИН
(флотоводец, герой Имджинской войны)

1545–1598

Мечом вооруженный, в эту ночь
На острове Хансан* я был на страже.

Луна восходила над дозорной башней,
Глубокая печаль меня томила...

Но вдруг донесся вражьей дудки звук —
И словно полоснул ножом по сердцу!

ЛИ ВОНИК
(Ори)

1547–1634

Ветвями-нитьями зеленой ивы
Кто может вешний ветер привязать?

Что толку в грусти бабочек и пчелок,
Когда цветы роняют лепестки?

Как ни сильна, ни горяча любовь,
Что сделаешь, когда уходит милый?!

ЧАН ГЁНСЕ
(Сачхон)

1547–1615

Вчера минуло двадцать лет с тех пор,
Как я покинул суету мирскую.

Так конь, освобожденный от узды,
Средь пастбищ и лугов зеленых бродит,

Но иногда, как прежде, встрепенется
И ржанием хозяина зовет!

ЛИМ ДЖЕ
(Пэкхо, Кёмджэ)

1549–1587

В долину, где зеленая трава*,
Ушла ты отдохнуть? Или уснула?

Где красота твоя? Румянец щек?
Лишь кости белые в земле зарыты...

Нет никого, с кем мог бы я теперь
Поднять вином наполненную чашу!

ЧО ДЖОНСОН
(Чонгок, Ёнхо)

1553–1627

Эй, мальчик! Принеси мне плащ и шляпу!
В восточной речке поднялась вода.

Удилище возьму, прилажу леску
И привяжу крючок без острия...

Но вы, рыбешки, не тревожьтесь зря:
Мои приготовления — только шутка!

ЛИ ХАНБОК
(Пхирун, Пэкса)

1556–1618

Твердят, что времена пошли такие
И люди, мол, «разэтакими» стали.

Когда ж «разэтакими» люди стали,
Уж как не быть тут временам таким?

Все говорят: «О времена! О люди!..»
Об этом остается лишь вздыхать!

*

С мольбою к вам я обращаюсь, тучи,
Плывущие над горным перевалом:

Примите слезы горькие мои
И в дальнюю столицу унесите —

Дождем пролейте их над государем,
Напомните о верности моей!

*

И Цзя-тайфу*, правителю Чанша,
Слезам умыться приходилось.

И при У-ди*, в эпоху процветания,
Бывало, раздавался горький плач...

Нам ли, живущим в это злое время,
Не плакать и душой не унывать?!

ЛИ ДОКХЁН
(Ханым, Ссансон)

1561–1613

Я вижу: в синей высоте небесной,
Как прежде, круглая луна висит.

А ведь могла и перестать светить,
Когда стоял мороз и ветры дули?..

Пускай же вечно кубок золотой
Здесь для меня, хмельного, озаряет!

КИМ САНЪЁН
(Сонвон)

1561–1637

Дождь беспощадно хлещет целый день
По зеленеющей листве *одёна**.

Так много у меня тревог на сердце,
А тут еще печальный звук дождя!..

Зачем, скажи, *одён* широколистый,
Тебя сажают люди и растят?

ПАК ИННО
(Норе)

1561–1642

РОДИТЕЛИ

I

Трудиться стану я и день и ночь
И цепь составляю в десять тысяч звеньев.

В заоблачную высь ее заброшу
И солнце захвачу и задержу —

Чтоб время медленнее проходило,
Чтоб медленней старели мать с отцом!

II

Забиться о родителях своих,
Как преданному сыну подобает!

С утра, когда умоешься, спеши
Узнать, не холодно ли им? Не жарко ль?

От всей души стараясь угодить,
Будь всякий день при них и вместе с ними!

СТОИТ УТЕС*

I

Утес безмолвный среди гор поднялся,
Похожий на живое существо.

Но нам, живым, всегда прямыми быть,
Не опираясь на других, непросто.

А он, как встарь, стоит высок и прям,
И лик его от века неизменен!

II

Утес стоит на берегу реки.
Посмотришь — он всего на свете выше.

Над ним не властны ветер и мороз,
Ударишь — он еще несокрушимей.

Кто уподобится ему из смертных.
Того я великаном назову!

III

Стоит утес, высокий и прямой,
И может людям послужить примером.

Сумеешь ли ты отыскать вершину,
Ту, что скрывается средь облаков?..

Взойти б наверх, чтоб с высоты увидеть
Красоты, окружающие нас!

ЗА ВЫСОКИМИ ГОРАМИ

От всей ничтожной суеты мирской
Я отделен грядой Кёкчиллёна*.

К тому же все равно я глух давно:
Хоть и прочищу уши — толку мало.

Не вижу, и не слышу, и не знаю,
Где за горами истина, где — ложь!

ТЕРРАСА МИРНОГО УЕДИНЕНИЯ

Я не стремлюсь ни к выгоде, ни к славе.
Одевшись просто, посох в руки взял

И в поисках ручьев и рек красивых
Добрался до Террасы Пхиседэ*.

Не здесь ли дивные сады Улина*?
Не здесь ли Персиковый Ключ журчит?

ХУРМА НА БЛЮДЕ*

Лежит на блюде ранняя хурма.
Как нравится мне этот плод багряный!

Пускай он с померанцем не сравнится,
И все же я б его унес домой...

Но от меня никто не ждет гостинца —
Ведь я совсем один. И грустно мне.

ГРЯДА ЧОНУЛЛЁНА

Смотрю на голубые небеса,
На дальние вершины Чонуллёна*

Забраться бы туда — Пэнлай увидеть
В венце из пятицветных облаков*...

Но стариковские глаза слезятся —
Горы Пэнлай они не разглядят!

ДРУЖБА

Пусть будет искреннею наша дружба
И до ста лет мы проживем с тобой,

Всегда делясь своей одеждой бедной,
И скудным пропитаньем, и питьем.

Так станем жить, что даже не заметим,
Кто первый поседел и постарел!

ВОРОНА В СТАЕ ФЕНИКСОВ*

Туда, где стай фениксы собрались,
И черная ворона прилетела.

Она — как одинокий темный камень,
Попавший, в грудь белого нефрита.

Но все ж и феникс и ворона — птицы,
Должны прийти к согласию они!

РЫБКИ В РУЧЬЕ

В ручье глубоком так вода прозрачна,
Что, кажется, всех рыбок видно в нем!

Их сколько здесь? Одна. Вторая. Третья..
Никак не удается кончить счет!

Попробуй-ка, малыш, — и, не сбиваясь, —
Всех сызнава в ручье пересчитай!

ЛУНА НАД ГОРОЙ

Взошла луна на пик крутой горы —
И все окрестности вдруг посветлели.

На целых девяносто тысяч *ли*
Уходит ввысь огромный свод небесный.

И все же поднялась к нему гора
И острием луны его проткнула!

У ПОДНОЖЬЯ КАНСАНСАНА*

У самого подножья Кансансана —
Зеленая сосна над плоским камнем.

Здесь по утрам в голубизну туманов
Струится краска алая зари.

О, этот вид! Он так похож на ширму,
Украшенную блестками слюды!

СУПРУГИ

I

Нас создавали не поодиночке,
А по двое: как мужа и жену.

И велено нам жить, не разлучаясь,
Столетье целое, как день один.

Пусть *комунгб*, и барабан, и флейта
Перекликаются и в лад звучат.

II

Те, что на свет чужими родились,
Становятся потом женой и мужем.

Когда сто благ, что людям суждены,
Предназначаются и всем супругам,

То почему не в каждую семью
Взаимное согласие приходит?

III

Хоть говорят, что важен долг супруга,
Но разве этот долг важней любви?

И разве муж с женой живут достойно,
Когда друг к другу уваженья нет?..

Они должны любить и чтить друг друга,
Как дорогого гостя в доме чтят!

ВОСПОМИНАНИЕ

На землю иней пал — и все укрыл.
Иду один печальной дорогой.

Сквозь обветшавшую давно одежду
Прохватывает холод до костей.

А в сердце у меня глухая боль:
Родителей усопших вспоминаю.

ПРАВИТЕЛЬ И ЕГО СОВЕТНИК

I

Советником придворным я не буду,
Хоть государь наш мудр и добр ко мне.

Я и тогда себя в долгу считал бы,
Когда б сто жизней отдал за него!..

Но бедность и богатство не сойдутся —
На свете разные у них пути!

II

В ущельях горных наступает ночь,
И ветер северный все холоднее.

Наверно, задувает он под кровлю
И там, в Большом Нефритовом Дворце...*

Ночь долго длится. Я не сплю. Слежу я,
Как клонится к земле Небесный Ковш*.

ЗА ТРАВАМИ

— Где ваш отец? — спросил я у детей,
Игравших под сосною возле дома.

— За травами съедобными ушел
И должен был уже давно вернуться.

Но в черных тучах скрылись перевалы,
И, верно, заблудился он в горах...

ШАГИ НА ЯШМОВОМ МОСТУ

Я задремал, над удочками сидя.
Проснулся, вижу: месяц в небе светит.

С бамбукового палкою иду
По Яшмовому мостику над речкой.

В ночи прозрачный звук моих шагов
Услышать могут только птицы в гнездах.

ХИЖИНА В ГОРАХ

Здесь приютилась хижина моя —
На горном склоне, на скале отвесной.

Перед моими слабыми глазами
Два цвета только — сосен и бамбука.

И потому не замечаю я,
Ушла весна или настала осень.

УЙДЕМ ОТСЮДА...

I

Покиньте всё, о дети! Всё оставьте!
Отсюда вместе с вами мы уйдем!

Сад опустел уже, и поле голо —
Так разве нам в дорогу не пора?

Нескоро свежий ветерок подует
И ясная луна вернется к нам!

II

На Куинсане* выбрал я сосну
И из нее срубил ладью спасенья,

Чтоб все, кто в бездорожье заблудился,
К иному берегу могли уплыть...

Но лодочника нет. Заходит солнце.
Куда ж без кормчего направишь путь?

БРАТЬЯ

Их было трое, живших так согласно,
Что мы единым телом их считали.

Двоих давно уже в деревне нет,
А третий ждет, когда они вернуться,

И в сумерках выходит за калитку
И смотрит вдаль, вздыхая тяжело.

ВОДЫ РЕКИ МИЛО

О воды бурные реки Мило*!
О слезы вечной скорби Цюй Юаня!

Служил он государю и стране —
И преданность поэта не забыта.

Не умолкают, всхлипывают волны
И всё напоминают мне о нем!

С ТЕРРАСЫ КЕГУДЭ

Поднявшись на Террасу Кегудэ*,
Я посмотрел вокруг — и страшно стало!

Я с высоты на землю бросил взгляд —
И стало мне, увы, еще страшнее!..

Скажи, земля, слепая и глухая,
Тебя могу ли не страшиться я?!

СИН ХЫМ (Санчхон)

1566–1628

Деревню нашу снегом занесло.
Заметена кремнистая тропинка.

Мне не придется отворять калитку —
Никто в нее теперь не постучит.

С единственным своим и верным другом —
Луною — эту ночь я проведу.

*

Конечно, плохо пьянствовать всегда
И целый век свой проводить в безделье.

Но ведь известно, что давным-давно
Могилу Синьлин-цзюня* распахали!

Прожить сто лет в заботах и трудах?
А может, лучше пить и развлекаться?

*

Когда бы кровью сердца своего
Сумел его лицо нарисовать я,

Рисунок я повесил бы на стенке
И все смотрел бы, глаз не отрывал.

Кто выдумал слова «прощай навеки»,
Что убивать умеют наповал?!

*

В ночь накануне Дня Холодной Пищи*
Дождь прошумел — и все кругом в цвету.

Чувств человеческих не знают ивы,
Но помнят, что уже цвести пора...

Так почему ж любимый мой ушел
И больше никогда к нам не вернется?!

КИМ ДОННЁН

1567–1596

Ты, чайка белокрылая, не бойся:
Ведь я всего только узнать хочу,

Где те края прекрасные, в которых
Летала ты? Откуда ты, скажи!

И я туда отправлюсь за тобою,
И я найду там радость и покой!

ЧХОНГЫМ
(поэтесса-кисэн)

1568—?

Ночь наступила в горной деревушке.
Залаяла собака вдалеке.

Смотрю, открыв плетеную калитку:
В морозном небе надо мной — луна.

Ох, этот пес! Зачем в горах пустынных
Всё лает он на спящую луну?!

СОРИ или СОНЪИ
(в переводе «Сосна», поэтесса-кисэн)

конец XVI — начало XVII в.

Я слышу, как зовут меня: «Сосна!..»*
Вы о какой сосне, друзья, твердите?

Высокая и гордая, одна
Стоит она над крутизной обрыва —

Пожалуй, что добраться до нее
Мальчишки-дровосеки не сумеют!

КУДЖИ
(поэтесса-кисэн из Пхеньяна)

XVI в.

Я смастерила лодку из сосны,*
По Тэдонгану вниз ее пустила.

Теперь у берега стоит она,
Привязанная крепко веткой ивы...

А мне твердят какие-то безумцы,
Чтоб выехала я на быстрину!

ЧОН ОН
(Тонге)

1569–1641

Закрыв я книгу, отворил окно —
И вижу лодки на речном просторе.

Над ними чайка белая кружит.
Раскрой передо мною сердце, чайка!

Отбросил бы я почести и славу
И жил свободным — так, как ты живешь!

КИМ САНХОН
(Чхоным, Сонвон)

1570–1652

Я уезжаю, о гора Самгак!*
Прощайте, воды синие Хангана!

О, как не хочется мне покидать
Родные горы и родные реки!

Увы, настала смутная пора —
Не знаю я, смогу ль сюда вернуться!

ЛИ АННУЛЬ
(Тонак)

1571–1637

Шатер из Неба и Земли построю,
Луной и Солнцем освещу его,

А воды синие морей полночных
Я стану черпать чашей для вина —

И под звездой полуденной Ноин*
Забуду навсегда, что значит старость!

ХОН СОБОН
(Хаккок)

1572–1645

В тот день, когда любимый уезжал,*
Кровавыми слезами взор застлало,

И Амноккана* голубые воды
От этих слез свой изменили цвет.

И лодочник седой промолвил тихо:
«Такого — я не видел никогда!»

ЧОН ЧХУНСИН
(Манун)

1576–1636

Стоит в горах пустынных тишина,
Лишь слышится печальный крик кукушки.*

Возвысилось и пало царство Шу,
И то, что миновало, не вернется...

А если так, зачем же ты, кукушка,
Кричишь — и надрываешь сердце мне?

КИМ ГВАНУК
(Чуксо)

1580–1656

Пока в разгаре жаркий летний день,
На камышовой я дремлю циновке.

Но к вечеру, когда садится солнце,
Я пробуждаюсь ото сна и слышу:

Покашливает кто-то у ворот —
Пришел позвать меня на лов вечерний.

*

Родного края реки и холмы,
Могу я разве вас отдать кому-то?

Здесь все вокруг лишь мне принадлежит —
Никто со мной тягаться и не станет!

Пусть обвиняют в скупости меня —
Делиться я ни с кем не собираюсь!

*

На речке под осеннею луною
Сажу один в убогом челноке.

Удилищем нечаянно тряхнул —
И чайки задремавшие взлетели,

Издаেকে я слышу звук свирели —
И полон благодати неземной.

*

Подул восточный ветер над землею...
Снег покидает ближние поля.

И снова, как минувшею весной,
Лицо зеленых гор преобразилось.

Белеет и не тает только иней,
Который на висках моих лежит!

*

Давно забыты почести и слава,
Давно забыты знатность и богатство.

О треволненьях в мире суеты
Уже я много лет не вспоминаю.

Сам на себя уже махнул рукою...
Так сохранят ли память обо мне?!

ЮН СОНДО
(Косан «Одинокая гора»)

1587–1671

ИЗ ЦИКЛА «НОВЫЕ ПЕСНИ В ГОРАХ»*

ПЕСНИ О ПЯТИ ДРУЗЬЯХ

Лишь несколько друзей всегда со мною:
Бамбук прямой, Сосна, Вода, Утес.

Когда же над восточною горой
Луна восходит, я ее встречаю!

И, кроме этих пятерых друзей,
Никто на свете больше мне не нужен!

В о д а

Прекрасны в синем небе облака,
Но ведь, бывает, и они темнеют.

Чисты и звонки ветров голоса,
Но и они нередко замолкают.

И лишь одна Вода на радость мне
Движенья никогда не прерывает!

У т е с

Как были хороши цветы весной!
Зачем они так скоро облетели?

Как зеленели травы на лугах!
Зачем они так скоро пожелтели?

И только лишь в горах Утес один
Всегда все тот же, вечно неизменен!

С о с н а

Тепло придет — красуются цветы.
Наступит холод — листья опадают.

И лишь одна высокая Сосна
Ни снега, ни морозов не страшится,

И к Девяти Истокам* под землей
Ее могучие простерлись корни.

Б а м б у к

На дерево он вовсе не похож,
Но и травой его не назову я.

Нет ничего в природе совершенней,
Чем этот пустотелый крепкий ствол!

Люблю Бамбук за прямоту его,
За то, что круглый год он зеленеет!

Л у н а

Она над нами высоко плывет.
Мала, а света на весь мир хватает.

Кто может тьму ночную озарить,
Кто может яркостью с Луной поспорить?..

Когда Луна на землю молча смотрит,
Она ли мне не самый лучший друг?

ВРЕМЕНА ГОДА РЫБАКА*

Весна

I

Над отмелью песчаной тает мгла.
Из-за горы уже восходит солнце.
Спускай челнок! Спускай челнок, рыбак!

Ночной прилив от берегов отхлынул
И для дневного время наступает.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Как ярко деревушка над рекой
Окрашена рассветными лучами!

II

Сегодня будет очень жаркий день:
На мелководе рыба выплывает.
Отчаливай! Отчаливай, рыбак!

Повсюду чайки — по две, по три вьются:
Взлетят, опустятся — и вновь взлетят.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

На месте удочка моя? На месте...
А где ж поставил я кувшин с вином?

III

Внезапно свежий ветерок подул,
Играет набежавшими волнами.
Давай-ка парус поднимай, рыбак!

На западное озеро сегодня,
Восточное пройдя, я направляюсь.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Одну большую гору миновал —
И новая навстречу мне выходит.

IV

Чей это голос слышен вдалеке?
Кричит среди зеленых ив кукушка?
А ну-ка веселее! Налегай!

Рыбачьи хижины на берегу
То выплывут, то скроются в тумане.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

На быстрине и в заводях прозрачных
Рыбешки серебристые снуют!

V

Все выше солнце. Стало припекать.
Река спокойна и блестит, как масло.
А ну-ка веселее! Налегай!

Наверное, пора забросить сети?
Или закинуть удочку вначале?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Тут вспомнил я, как пел отец-рыбак
«Чиста вода...»* — и позабыл о рыбе.

VI

Уже склоняется к закату день.
Домой в деревню надо возвращаться.
Давай-ка парус убирай, рыбак!..

У каждого обрыва — нити ивы,
У каждой заводи цветы пестреют.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Мне ли завидовать вельможам надо?
Мне ль сожалеть о суетных страстях?

VII

Средь пышных трав я орхидеи рву
И дягиль по низинкам собираю.
Ты погоди отчаливать, рыбак!

Скажи-ка, чем за целый день заполнил
Челнок, похожий на сухой листок?..
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

На лов иду — туман грузу рассветный,
Домой плыву я — лунный свет везу!

VIII

Я охмелел и отдохнуть прилег.
Да как бы мой челнок вода не смыла!
Покрепче привяжи его, рыбак!

Здесь где-то Персиковый сад Улина —
Багряный цвет волна уносит вдаль.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Так далеко от мира я, что знаю —
Багряный прах сюда не долетит!

IX

Сворачиваю снасти не спеша
И на луну смотрю из-под навеса.
Причаливай, причаливай, рыбак!..

Неужто ночь прошла так незаметно?
Опять кукушкин голос в роще слышен.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Я восхищен красой того, что вижу,
И позабыл, что дома ждут меня!

X

А разве больше утро не придет?
Ночь не уйдет? Вокруг не посветлеет?
Причаливай, причаливай, рыбак!..

Держу, как посох, удочку в руке,
Ищу свою плетеную калитку.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Такая вот и есть, как день минувший,
Жизнь рыбака — среди озер и рек!

Л е т о

I

Дождь обложной в конце концов утих.
Вода опять кристально чистой стала.
Спускай челнок! Спускай челнок, рыбак!

Я удочку беру... И, оглянувшись,
Не в силах восхищение сдержать!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Пар тонкий над рекой, а выше горы
Уступами — кто их нарисовал?

II

В лист лотосовый рис я завернул,
А о приправе хлопотать не стоит!
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Мне плащ соломенный сейчас не нужен,
Бамбуковую шляпу надо взять...
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Ты ль, чайка, чуждая мирским заботам,
За мной пойдешь? Мне ль за тобой идти?

III

Марым-трава* колышется едва.
Покойно и прохладно под навесом.
Но парус подымать пора, рыбак!

Как угадать, куда подует ветер?
Пускай плывет челнок по воле волн!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Ручьи впадают в северную заводь,
Впадают в южную — прекрасны все!

IV

«Когда вода мутна, в ней ноги мыть*
Нам не заказано!» А так ли это?
А ну-ка веселее! Налегай!

«Поедем в царство У!» — Но реки там
Тысячелетний гнев хранят в пучине!*

«Поедем в Чу!» — Но в чреве чуской рыбы
Душа поэта скорбная живет!*

V

Там, где густая тень высоких ив,
Причудливы замшелые утесы.
А ну-ка веселее! Налегай!..

За место спор не надо затевать,
Как иногда у рыбаков бывает!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Ты, человека встретив, вспомни тех,
Кто Шуню* уступал свое жилище!

VI

Любуясь видами реки и гор,
Я не заметил, как подходит вечер.
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Рукой по мачте такт я отбиваю
И напеваю что-то про себя.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Кто из живущих ныне постигает
Смысл сокровенный песни вод речных?

VII

О, как хорош закатный этот час!
Но, кажется, уже смеркаться стало.
Причаливай, причаливай, рыбак!

Тропинка, что спускается по склону,
Наискосок сбегает под сосну.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Средь зелени, среди листвы деревьев
Свист иволги то там, то тут.

VIII

Я сети для просушки разложил.
Пора и отдохнуть мне под навесом.
Покрепче привяжи челнок, рыбак!

Хоть говорят, что комары* зловредны,
Но «мухи синие»* еще вредней!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Какой-нибудь наушник не подслушал*,
Не донесет опасные слова?

IX

Как можно было тихим утром знать,
Что к ночи вихорь налетит жестокий?
Причаливай, причаливай, рыбак!..

Кто же когда-то сочинил стихи
О «лодке на пустынной переправе»?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Чудеснее нет ничего на свете,
Чем «травы пышные на берегу»*!

X

Как дом улитки — хижина моя,
Сейчас окутанная облаками.
Причаливай, причаливай, рыбак!..

С широким веером из камыша
Вверх я иду дорожкой каменистой.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Пусть говорят: «Старик живет без дела!»
Нет, это — жизнь! Не надобно иной!

О с е н ь

I

Не правда ль, только рыбаку дана
Жизнь вне тщеты, для радостей высоких?
Спускай челнок! Пора спускать челнок!

Над старцем-рыбаком не насмехайтесь —
Не зря художники его рисуют!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

В любое время чуден вид реки,
Но осенью — нет для нее сравненья!

II

Уже настала осень на реке.
Набрала рыба жир — и веселится!
Отчаливай! Отчаливай, рыбак!

Среди просторов этих беспредельных
Находит наслаждение душа.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

О мире том, что бросил, так скажу я:
Чем дальше от него, тем лучше нам!

III

По небу пробегают облака,
Вершины сосен на ветру трепещут.
А ну-ка, парус поднимай, рыбак!

На западное озеро вначале,
Потом и на восточное пройду я.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Повсюду перец водяной алеет,
Цветами белыми *марьм* цветет!

IV

Гусь над горою тихо пролетел.
Туман, ее скрывавший, разошелся..
Давай-ка веселее! Налегай!

О рыбе я уже почти забыл —
Опять на вид осенний засмотрелся!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Закатным солнцем ослепляет взор,
А склоны гор все золотом расшиты!

V

Каких я рыб сегодня наловил!
Все крупные — из серебра и яшмы!
Давай-ка веселее, налегай!

Сейчас сгребу я камыша сухого
И на костре одну из них спеку.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Кувшин свой глиняный я наклоню
И ковшик для вина вином наполню!

VI

Попутный ветер вовремя подул —
Под парусом домой я возвращаюсь.
Причаливай, причаливай, рыбак!

На гладь речную темнота ложится,
А на душе совсем-совсем светло!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Глазам людским не надоеет вовеки
Багрец деревьев и прозрачность вод!

VII

«Легла на землю белая роса»*,
И ясная луна уже восходит.
Причаливай, причаливай, рыбак!

От Башни Фениксов* я далеко —
Кому же подарить сиянье это?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Когда бы мог я эликсир бессмертья*
Вручить тому, кто духом храбр и чист!

VIII

Повсюду есть земля, над нею — небо,*
А где здесь небеса и где земля?
Челнок покрепче привяжи, рыбак!

Пыль с запада сюда не долетает —
Не надо глаз ладонью прикрывать!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Где искушающих речей не слышно,
Там нет нужды и уши промывать!*

IX

Хоть на мою одежду иней лег,
Я холода не чувствую нисколько.
Причаливай, причаливай, рыбак!

Твердят мне, что непрочен мой челнок...
А жизнь средь распрей и тревог надежней?!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Здесь вечно неизменен ход вещей,
И знает человек, что будет завтра...

Х

К лачужке среди сосен на скале
Иду, чтобы луной полюбоваться
Причаливай, причаливай, рыбак!

В горах пустынных листья облетели,
Где ж затерялась узкая тропинка?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Меня сопровождают облака,
И мне легка накидка из соломы.

З и м а

I

Ни облачка в небесной вышине,
И солнце ярче, чем бывает летом.
Спускай челнок, спускай челнок, рыбак!

Все замерло между землей и небом,
И только море то же, что всегда.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Как шелк, разостланный до горизонта,
Сверкает предо мной простор воды!

II

Собрал я снасти, леску намотал,
Да щель в борту подконопатить надо.
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Мне говорили: сети в лед вмерзают
На Сян*-реке и в озере Дунтин.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

На лов идти в такое время года
Лишь на море и можно рыбаку.

III

Вся рыба из-под берегов ушла
И, сонная, на глубине таится.
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Пока безветренно и светит солнце,
Морские дали ожидают нас.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Была бы лишь наживка та, что нужно,
А рыбка будет, будет на крючке!

IV

Минувшей ночью землю снег покрыл,
И все окрестности преобразились.
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Передо мной — блестящее стекло,
За мной — ступени гор из белой яшмы!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Где я? Быть может, уж я в царстве Будды?
Быть может, это — некий мир иной?

V

Забыв об удочке и о сетях,
Рукою такт по борту отбиваю.
А ну-ка веселее! Налегай!

Куда же плыть? Пожалуй, мелководье
Пересеку — и выйду на простор.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Вот как бы ветер не разбушевался,
Подует с севера — совсем беда!

VI

Куда-то к ночи вороны летят?*

Черны они, а всё вокруг белеет.

Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Снег начался. И ничего не видно.

Густая мгла передо мной легла.

И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Кто и когда подаст сигнал тревоги?

Туман разгонит? С мира смоем стыд?

VII

Утес зеленый, красная скала —

Как ширмы расписные над волнами.

Причаливай, причаливай, рыбак!

Не все ли мне равно, какая рыба

Сегодня плещется и бьет о дно?

И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

В плаще широком, в шляпе из бамбука

Один сижу я в углу челноке.

VIII

Зачем здесь одинокая сосна?

Что нужно ей на берегу безлюдном?

Челнок покрепче привяжи, рыбак!

Завеса туч от глаз моих закрыла

Ничтожный мир волнений и страстей!

И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Пусть всегда гремят валы морские

И заглушают дальний шум мирской!

IX

Путь верности природе — правый путь.

Так с древности все мудрецы считали.

Причаливай, причаливай, рыбак!

Кто на «косе в семь ли»* в овечьей шкуре

Во времена Гуань-ди рыбачил?

И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Кто рыбу десять лет ловил в Вэйшуй*,

Когда от холода сводило руки?

X

Как быстро наступает темнота!

Уже поесть и отдохнуть пора мне.

Причаливай, причаливай, рыбак!

В лучах заката на сугробах снежных

Как будто красные цветы цветут.

И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Пока луна не скрылась за горами,

Любуюсь видом, стоя у окна!

ЛИ МЁНХАН
(Пэкчу)

1595–1645

Держась за твой рукав, рыдаю громко:
Не прогоняй меня, не уходи!

За мшистой дамбой солнце опустилось,
И стало вдруг совсем темно вокруг...

Меня поймешь ты, одиноко сидя
В ночи — у догорающей свечи!

ЧОН ДУГЁН
(Тонмён)

1597–1673

Вновь наполняю чашу золотую,
И пью из чаши доброе вино,

И во хмелю затягиваю песню,
Исполнившись блаженством неземным...

Ты не горюй о том, что солнце село, —
На небо поднимается луна!

СОН СИЁЛЬ
(Уам)

1607–1689

Зеленые горы — в согласье с природой.
И синие реки — в согласье с природой.

В согласье с природой — и реки и горы.
И я — среди них, и живу, как они.

Согласно судьбе и закону природы
Я тихо состарюсь и жизнь завершу...

ПОННИМ-ТЭГУН
(правитель Хёджон, псевд. Чуго)

1619–1659

Садится солнце, и вокруг стемнело,
И это значит — наступает ночь.

Но снова посветлели небеса —
И новый день опять ко мне приходит.

О время! Ты — как быстрая река!
И грустно сознавать, что я старею...

ЛИ ХВАДЖИН
(Мукчольчэ)

1626–1696

Я пробудился в хижине своей
От птичьего чирикания и свиста.

По веткам дерева, дождем омытым,
Луч солнца заходящего скользит.

Поддай-ка мне скорее снасти, мальчик!
Пойду на речку, рыбу половлю!

ЛИ ДЖОНХВАН
(Сонам)

?–1673

В низине под обильными дождями
Весенним соком налилась трава.

Нет у нее забот или волнений —
Судьба такая чем нехороша?

А я... не быть мне на нее похожим!
Своей печали мне не одолеть!

ПАК КВОН

(Квиам)

1658–1715

Мальчишка вслед за мной наживку нес,
Да, видно, потерял меня в тумане.

Ищу его и не могу найти,
Высматриваю место для уженья,

Слежу, как солнце за холмы заходит...
Как хорошо мне в этот тихий час!

Ю СУН

1666–1734

Стоящая у синего ручья
На ровном берегу белопесчаном,

Ты, цапля белая, не знаешь разве,
Какие мысли целый день со мной?

Прах суеты мирской я отвергаю —
Так есть ли разница меж нами здесь?

ЮН ДУСО
(Конджэ)

1668–?

У обочины дороги яшму
Бросили и затоптали в грязь.

Каждый, кто теперь проходит мимо,
Видит грязь — и больше ничего.

Только было ли когда на свете,
Чтобы яшма превратилась в грязь?

ЮН СУН
(Пэкха)

1680–1741

Мой дом стоит в предгорье Пэкхасана*.
Кто станет среди гор его искать?

Меня лишь свежий ветер навещает,
Приходит в гости ясная луна.

Журавль у самого двора танцует...
Они ли мне не верные друзья?!

СИН ДЖОНХА
(Соам)

1681–1716

Пусть люди ценят званья и чины,
А мне до этого какое дело?

На хромоногом ослике своем
Домой, в родные горы, возвращаюсь.

Внезапный дождь застиг меня в дороге
И пыль багряную с одежды смыл.

КУ ДЖИДЖОН

конец XVII — начало XVIII в.

Не хвастайся и не гордись, о коршун,
Что ловишь ты мышей — и сыт всегда!

Пусть отощал журавль у чистой речки,
Он станет ли завидовать тебе?

И, ото всех мирских забот свободный,
Я не печалюсь, что не разжирел!

КИМ САМХЁН

конец XVII — начало XVIII в.

Ни славы, ни почета не ищи —
Они всегда ведь пополам с позором!

И к знатности с богатством не стремись —
Ведет к ним путь неверный и опасный!

А я от этого всего свободен —
И потому ничто не страшно мне!

*

Здесь, у кумирни старой, под сосной
Я пробудился после сна хмельного.

В лучах заката чайка над водой
Без усталости летает и кружится.

Наверное, у этих гор и речек
Один-единственный хозяин — я!

ЧУ ЫЙСИК (Намгок)

конец XVII — начало XVIII в.

Конечно, небо далеко от нас,
Но все же во весь рост не распрямляйся!

Земля, конечно, под тобой прочна,
И все же не толкай ее ногами!

Да, небо далеко, земля прочна —
Но осторожность вовсе не мешает!

*

Луна, поднявшаяся в высоту,
И ветерок, подувший над рекою,

Свет в небесах и шум волны внизу —
У них единое начало в мире.

К единому началу приобщаясь,
И ты становишься с природой вровень!

КИМ ЮГИ

конец XVII — начало XVIII в.

Поднялся я на пик горы Тайшань —
Внизу раскинулись Четыре Моря*.

Границ не видно и предела нет
Просторам между Небом и Землею.

Здесь я постиг, каким великим духом
Муж истинный бывает одарен!

КИМ ДУСОН

конец XVII — начало XVIII в.

Взяв птицу ловчую с собой, иду
Через ручей, потом миную гору.

Вспугнул фазана... Где же сокол мой?
За горную грядку садится солнце,

И колокольчика чуть слышный звон
У края дальних облаков раздался.

*

Зачем ты, дикий гусь, кричишь так скорбно,
Когда луна и осень на дворе?

Холодный ветер, до небес взметнувшись,
На юг родной дорогу преградил?

От крика твоего я пробудился
И слышу, как летишь ты в вышине.

КИМ СУДЖАН
(Ногаджэ)

1690 — ок. 1770

Черным-черно, а говорят — бело.
Белым-бело, а говорят — чернеет!

Нет никого, кто смел бы нам сказать
Всю истину о белом и о черном.

Заткнуть бы уши и глаза закрыть,
Чтоб ничего не слышать и не видеть!

*

В долине Хвагэдона* под горой
Стоит мой дом, из камыша сплетенный.

И дождь, и ветер, и мороз, и снег —
Я знаю: все перетерпеть смогу я!

Но все-таки настанет ли пора,
Когда меня ты обогреешь, солнце?!

*

Над теми, кто внизу, ты не шути!
Не говори: «Я высоко забрался!»

Гром загремит, и ветер зашумит,
Тряхнет тебя — и ты слетишь с вершины.

Мы ж на земле стоим, на ровном месте,
И чужды тревоблениям твоим!

*

Домишко у соседа — как гнездо,
Другой сосед живет в землянке низкой,

Древесными питаются плодами,
Но оба мудры и добросердечны...

Так почему ж в домах, где вдоволь мяса,
Хозяева не могут быть добры?

*

Все думы стариковские и чувства
Цветущей хризантеме я отдам.

Печаль, которая меня терзает,
Я винограду черному отдам.

А седину, что на висках скопилась,
Своей протяжной песне я отдам!

*

Перед глазами — десять тысяч сосен,
Вверху над ними Башня Кёнхверу*.

Невдалеке стоят зеленой ширмой
Гора Инван и перевал Анхён*.

И на закате здесь летает цапля —
То прилетит, то снова улетит.

*

Пойдемте-ка, друзья, в веселый дом!
А может, на рыбалку мы поедем?

Виски у нас покрыты сединой —
Ее, увы, теперь никак не скроешь,

И предстоит нам долгий зимний путь,
Кисэн в котором мы уже не встретим!

*

Живу неприхотливо я, как жил,
И достоянье у меня все то же:

Лишь винограда несколько кустов
Да в доме одиноком сборник песен.

А из друзей, мне неизменно верных,
Назвать могу я ветер и луну.

*

То, что друг другу люди говорят,
Всегда на небесах бывает слышно.

То, что вершится в темноте ночей,
Увидят непременно злые духи.

Услышит Небо иль увидят духи —
Будь осторожен всюду и везде!

*

Ты станешь пить вино или не станешь,
Жбан для вина пустым не должен быть.

Нужна тебе подруга или нет,
Пускай она с тобою рядом будет.

Мы в этой жизни на постое кратком —
Пусть утешеньем здесь нам служит всё!

*

Ты о лазурном облаке* мечтаешь,
А мне о белом думать суждено.

Стремишься ты к почету и богатству,
Я бедность предпочту и с ней — покой.

Пускай тебе покажутся смешными
Мои поступки — я ли изменюсь?!

*

Земля и Небо мне — отец и мать,
Мир окружающий — жена и дети,

Холмы и реки — братья для меня,
А верные друзья — луна и ветер.

О государь! Здесь, среди них, живу я,
Но разве позабуду о тебе?!

*

Вы, жаждущие власти и чинов,
Подумайте-ка, что вас ожидает!

На солнечном местечке вам тепло,
Как голым ребятишкам на припеке!..

А что вы делать станете, когда
За горы западные солнце сядет?

*

Мой дом — не больше домика улитки.
Зато прекрасен вид окрестных мест!

Здесь в тесной комнатке — картины, книги,
Предмет забот моих и размышлений.

Здесь места нет пустым и праздным мыслям...
Кто скажет мне, что надо жить не так?!

*

Цветы опали — и весна минует.
Вино кончается. Пишу стихи.

Торопится, как гость проезжий, время,
Меня одаривая сединой.

А тут еще находятся такие,
Что говорят: «Не пей!» и «Не гуляй!»

*

Чтоб покормить быков, я рано встал.
Две-три звезды еще горели в небе,

И вереница желтых облаков
Тянулась над широкою долиной...

В такой минуте счастье земледельца,
Крестьянской нашей жизни благодать!

*

На скуку и на бедность не пеняй —
Ведь жить без дел совсем не так уж плохо!

Не жалуйся на то, что одинок, —
Ведь жить без слов совсем не так уж плохо!

Быть верными призванью своему
Мы можем только в близости к природе!

ЛИ ДЖОНБО
(Самджу)

1693–1766

С тех пор как я живу на белом свете,
Я все мечтаю крылья обрести.

Хочу на них подняться над землею
И тучи в синем небе разогнать,

Чтоб никогда они не застилали
Ни солнца, ни сияния луны!

*

Когда Ли Бо* навеки нас оставил,
Так пусто стало среди гор и рек!

И только в синей пустоте небесной,
Как встарь, висит полночная луна.

Эй ты, луна! Пускай Ли Бо не стало,
Но я-то здесь — не покидай меня!

*

Цвет груши с дерева стряхнуло ветром —
И всюду разлетелись лепестки.

Им не подняться до своих ветвей,
Они повисли в нитях паутины.

И к ним уже торопится паук —
Он думает, что бабочки попались!

*

Ответь мне, хризантема, почему
Ты не цвела при ветерке весеннем,

Когда ж деревья голы, небо мрачно,
Во всей красе раскрылся твой цветок?

Я знаю, в одиноком постоянстве
Ты можешь противостоять зиме!

*

За горы западные солнце село,
Чтоб над Восточным морем* снова встать.

Осенняя увядающая трава,
Когда придет весна, зазеленеет.

И только человеческая жизнь,
Уйдя однажды, больше не вернется!

*

Стоял высоко в небе Млечный Путь,
И дикий гусь, крича, летел куда-то.

В ту памятную ночь мои виски
Покрылись инеем — и он не тает...

Как грустно видеть в зеркале своем
Седую голову, лицо в морщинах...

ЧО МЁННИ (Ноган)

1697–1756

Гусь одинокий мимо пролетел,
Холодный иней покрывает землю.

О, как темна сегодняшняя ночь!
Как много их, печальных дум, со мною!

Когда же озаряет двор луна,
Мне кажется, я в край родной вернулся!

*

В глухую ночь заезжий двор в Сонджине*.
В огромном море волны холодны.

Сижу один, светильник догорает,
А родина — за много сотен *ли*!

За мною — перевалы Мачхоллёна*,
И страшно думать, как я далеко!

*

Я встретил странника, он шел неспешно
От Кэгольсана* вниз на Сораксан*.

«Красивы ль клены там?» — его спросил я,
И он ответил: «Иней пал в горах,

Вся в багреце осенняя листва —
Как раз пора пойти полюбоваться!»

ЛИ ДЖЭ

XVIII в. (?)

Звезда зашла, и жаворонок взмыл.
Мотыгу взяв, я вышел за калитку.

От утренней росы в траве высокой
Короткие штаны мои намокли.

Да это не беда: ведь нам роса
Хорошую погоду предвещает!

КИМ ЧХОНТХЭК (Нампха)

XVIII в.

У шумной славы спутник есть — позор,
С богатством тоже нелегко на свете.

А здесь, всему хозяин, я живу
Среди зеленых гор и синих речек.

По берегу речному в час заката
Один брожу я с удочкой в руке.

*

Возьми наполненную мною чашу
И, не отказываясь, пей вино!

Цветы раскрылись, иволги поют —
Кто скажет, что сегодня пить не время?!

Как знать, с кем через год нам суждено
Весенними цветами любоваться!

*

Окутаны ущелья мглой густой.
Вверху над ними облака клубятся.

Багряная листва осенних кленов
Прекрасней, чем весенние цветы.

Я верю: это Небо для меня
Так разукрасило леса и горы!

*
—

Слуге одежду отдал я, чтоб он
В залог ее оставил в винной лавке.

И вот теперь смотрю на небеса
И с ясною луной веду беседу.

Луна, скажи мне: в древности седой
Был на меня похож Ли Бо бессмертный?

*

В оконной раме из бамбука — ночь.
Луна восходит над оградой сада.

На семиструнном *цине* я играю,
Звук *циня* — как журчание воды.

И, слушая мою игру, журавль
Пришел во двор и в плавном танце кружит.

*

Сказав «иду», иди, но не беги!
Не отдыхай, твердя «идти не в силах»!

Не делай остановок на пути —
В дороге долгой береги мгновенье.

Уж если шел да вдруг остановился —
Пожалуй, не сумеешь ты дойти!

*

Не радуйся четверке лошадей*,
В высокую повозку запряженных!

Когда бывают зайцы перебиты,
Тогда и гончие идут в котел.

Ни славы, ни позора я не знаю —
И, значит, нечего бояться мне!

*

Проснувшись, всякий раз вино я пью,
И, охмелев, я снова засыпаю.

И потому не знаю, что такое
На нашем свете слава и позор...

Пусть в жизни у меня не будет дня,
Когда бы я проснулся протрезевшим!

*

К заре рассветной утки взмыли ввысь.
Вода и небо — как одна стихия.

Я сталкиваю с отмели челнок,
К другому берегу переплываю.

Старик-крестьянин в камышовой шляпе
Там ждет меня и просит поспешить.

*

Кисть для письма и меч — не для меня,
И ничего я в жизни не добился.

Свою пятидесятую весну
Здесь провожу я, от всего свободный...

Но разве я тебе не мил, не дорог,
О край зеленых гор и синих рек?

*

Кувшин с широким горлышком наполню
Еще не отстоявшимся вином;

Слегка ошпарив редьку кипятком,
Ее заправлю соусом из сои...

Конечно, вам, кто мясо ест на ужин,
Откуда знать вам вкус подобных яств?!

*

Рыбачья песня, и свирели звуки,
И голос ветра — всё слилось в одно.

Я пробудился от дневного сна,
С трудом глаза хмельные открываю.

Из-за горы друзья с вином пришли
И что есть сил стучат в мои ворота.

*

Что слава громкая или почет?
Позор обычно следует за ними.

Пусть лучше заполняют дни мои
Кувшин вина и звуки *каягыма*.

Блаженна и светла такая жизнь —
И старость в ней проходит незаметно.

КИМ ДЖИНТХЭ
(псевд. Кунхон)

XVIII в.

Когда луна восходит молодая,
На небесах она — как узкий серп.

А в середине месяца луна,
Как зеркало, становится округлой.

Пора расцвета и пора упадка,
Должно быть, Небом определены!

*

Вон та ворона, что кричит вдали,
Как угадать — она самец иль самка?

То облако, что по небу плывет,
Как угадать — прольет ли дождь на землю?..

Наверное, на свете так во всем:
В делах житейских, в чувствах человека!

*

Над тем, кто очевидно слеп и глух,
Друзья мои, не надо насмехаться!

Он среди зеленых гор глаза раскроет,
Промоет уши синевой водой!

Болезнь неведения и глухоты
Леченью, как известно, поддается!

*

Подобное воде, уходит время,
И в волосах все больше седины.

Седые волосы я вырываю,
Мне хочется казаться молодым —

Чтоб мать с отцом мои не огорчались,
Не думали о том, как мы стары!

СОН ДЖОНВОН
(по прозвищу Кунсон)

XVIII в.

В ночи, когда осенний ветер дул,
Со всех деревьев листья облетели.

В ночи, когда луна стояла в небе,
Гусь пролетел, пронзительно крича...

Тебе, за десять тысяч *ли* от дома,
Наверно, в эту пору не спалось.

*

Когда морозной ночью светит месяц,
Я слышу крик твой в небе, дикий гусь!

Спеша на юг со стороны полночной,
Над городом столичным ты летишь...

Неужто, вести из родного края
Не передав, исчезнешь ты вдали?

*

Уже по гнездам разлетелись птицы.
Туман вечерний на долину лег.

Поднявшись над восточным перевалом,
Здесь прямо в сердце смотрит мне луна.

В мой кубок глиняный налей вина —
И петь я стану, и играть на *цине*!

ЛИ ДОНСАН

XVIII в.

Кто отрезает от луны краюшку?
Кто полноликой делает луну?

Вода в реке бежит, не иссякая,
Но исчезает утренний туман.

Зачем и что явилось, и исчезло —
Как может знать об этом человек?

СОНГЕ ЁНВОЛЬ

XVIII в.

Поднявшись на вершину Мачхоллёна*,
Я на море Восточное смотрю.

Здесь кроме синих волн лишь облака,
А кроме облаков — одно лишь небо!

Величественнее на свете нет,
Чем этот вид с вершины Мачхоллёна!

*

Луна взошла. Пробили третью стражу.
Тень от сосны упала под окном.

В такую пору общий смысл вещей
Всего отчетливей мы постигаем.

Вы ж, опьяненные, в пыли багряной
Всё спите? Или встали ото сна?

ЧОН СУГЁН
(псевд. Чхиын)

XVIII в.

Пригнал баранов я, привел быков.
Луна вошла над темными горами.

И добрые друзья ко мне пришли,
Чтоб в этот вечер вместе веселиться.

Ты процеди созревшее вино —
Сегодня выпьем мы и будем пьяны!

СИН ХИМУН
(по прозвищу Мёнъю)

XVIII — начало XIX в.

На ближних кручах — поздняя весна.
За сосны на холме заходит солнце.

Уже туман рассеялся в долине.
Как на картине — вид далеких гор.

В беседке над рекой луну встречаю
И напеваю ветерку стихи.

I

В штанах коротких, на плече мотыга,
Пошел на пашню, сорняки полел.

Под вечер, напевая про себя,
Луну с собою взяв, домой вернулся.

Вино подав, жена мне говорит:
«С утра на дальнее пойдем мы поле!»

II

Вспахал я поле, сорняки я выбрал.
Табак нарезав, трубку закурил

И песенку под нос мурлыкать начал,
Притопывая, как заведено.

«Давай, давай!» — кричат мне ребяташки.
И радуемся, и смеемся мы!

ХО СОККЮН

XVIII — начало XIX в.

Там, где расцвели уже цветы,
Юноши и девушки собрались.

Вешний ветер будит чувства в них,
Внемлют они чистым звукам песни

И, наверно, будут развлекаться
До поры, пока взойдет луна!

*

— Челнок уходит по реке осенней.
Куда-то свой он направляет путь?

Скажи, куда везешь ты лунный свет,
Что ночью, словно белый снег, сверкает?

— Плыву я, как подскажет вдохновенье,
Далек мой путь иль близок — все равно!

КИМ ЁН
(Чхунбан)

1837-?

Луна отшельника восходит снова,
Как над Стеною Красной* у Янцзы.

Она все та же, что была когда-то,
Но где же сам отшельник Су Дун-по?

Наш бренный мир покинул он навеки,
А мне оставил полную луну!

ПАК ЁНСУ
(по прозвищу Саджун)

XIX в.

Он обещал прийти в восточный флигель.
Но вот взошла луна — его все нет.

Бумагою оклеенную дверь
Приотворив, жду до глубокой ночи.

Луна проходит. Тени пробегают.
И мне все чудится, что он идет.

КИМ МИНСУН
(Мэволь-сонпхун, Мэон)

XIX в.

Зеленый посох у меня в руках,
И волосы седые треплет ветер.

Я, покрасневшись от вина, прилег
И задремал среди травы высокой...

И был на родине своей, пока
От пенья желтых иволг не проснулся!

*

Поднялся птичий гомон за окном.
День начался. Я с ложа поднимаюсь.

Кувшин вина поставив пред собой,
На *комунго* наигрываю песню.

И жду друзей, которые свой век,
Как я, проводят в праздности беспечной.

*

О суете мирской забыл давно я,
Лежу один под северным окном.

О, как смешны все те, кто ищет славы!
Ведь наслажденья жизни — только здесь!

Под вечер жду я гостью дорогую —
Луну, навеки преданную мне!

*

Нет, никаких болезней я не знаю,
Бессонница — одна моя болезнь.

Светильник догорел. Петух кричит.
И скоро новое наступит утро...

Не то я сплю, не то не засыпал
И думаю всю ночь о государе...

*

Я посадил цветы, чтобы всю жизнь
Весеннею красотою любоваться.

Но на рассвете ветер налетел,
Мороз ударил — и они поникли.

И бабочек, которые кружились
Среди цветов, теперь не вижу я.

ПАК ХЁГВАН
(Унэ)

XIX в.

В те дни, когда опять пахнёт весной,
Тигровой бабочкой* я стать хочу.

Порхая над полями и лугами,
Вдохну благоуханье ста цветков.

Все наслажденья нашей жизни в нем!
Найду ль ему сравненье в этом мире?

АН МИНЁН
(Чуон)

XIX в.

Вчера я снова видел тот же месяц,
Что мне светил в минувшие года.

И в эту ночь взошел на небо месяц
И светит так же ярко, как светил.

Сейчас я понимаю: все на свете
Меняется, лишь месяц — никогда!

*

Взошла луна и разметала облака
По небу, распростертому над нами,

И, перекаtywаясь, поднялась,
Чтоб стать вверху — на самой середине...

Не в эту ль ночь открылась предо мной
Эпоха мудрости и процветанья?!

*

Я вам не верил, тоненькие ветки,
Дрожащие на ледяном ветру.

Но вижу: вы сдержали обещанье
И этой ночью снова расцвели.

Я вышел со свечой взглянуть на вас
И запах чувствую — едва заметный.

*

Скажи мне, хризантема, почему
Ты ветерка весеннего не любишь?

Наверно, лучше замерзнуть одной
В холодный день осенний у ограды,

Чем с прочими цветами отцветать
И вместе засыхать под ярким солнцем?

*

Цветы у каждой хижины цветут.
Над берегом пруда склонились ивы.

И слышу я, как иволги поют,
И вижу я, как бабочки танцуют.

Цветы краснеют, ивы зеленеют,
И среди них брожу я, как хмельной.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

Мы соберем кинжалы и мечи
И свяжем их в одну метлу большую,

Чтоб вымести метлой железной этой
Всех недругов своих — и *мань*, и *ди**.

Потом мотыгу из нее скуем
И станем на своем работать поле.

*

О светлая луна, ты заглянула
В дом к милому, в восточное окно!

Скажи, луна, он спит сейчас один?
Или в объятьях девушки любимой?

Поведай обо всем, что увидала:
Я буду знать — мне жить иль умереть!

*

Когда бы мы на свет родились снова,
Ты стала б мною, я бы стал тобой

И, обменявшись чувствами своими,
Любили бы друг друга так, как любим, —

Тогда б ты поняла мои страдания
И знала бы, как грустно было мне!

*

Рукою знак мне подает соседка,
Жена мне говорит, чтоб шел домой.

Не знаю, возвращаться ли к жене
Или отправиться, куда позвали?

Душе, которая во мне сидит,
Для обитанья надобно два тела!

*

Зачем ты передал письмо с чужим?
Ты б лучше сам пришел ко мне, любимый!

И разве хорошо, когда чужой
Становится к чужим делам причастным?..

Письму, которое принес чужой,
Как я могу, скажи ты мне, поверить?

*

Две бабочки летают средь цветов,
Две иволги средь ив зеленых вьются.

Те, кто летает, те всегда вдвоем,
И те, кто ползает, всегда вдвоем.

И если снова к нам любовь вернется,
Сто лет с тобою будем мы вдвоем!

*

Я захотела на луну взглянуть —
Ту, что на милого сегодня смотрит.

Жду, отворив восточное окно,
Когда она появится на небе.

Как дождь осенний, слезы льются, льются...
Взошла луна, но мне темно и с ней!

*

Со мною рядом ты — и так далек!
И вот теперь за сотни ли ты едешь.

Там горы высоки, там реки бурны —
О них подумать даже страшно мне!

В луну хотела бы я превратиться,
Чтобы тебе дорогу осветить!

*

Чем жить, как я живу, о нем тоскую,
Наверное, уж лучше умереть!

Пусть лунной ночью среди гор безлюдных
Душа моя кукушкой обернется*.

Я притаюсь и тихо закукую...
Тогда меня услышит милый мой!

*

Лишь слово написал я — и вздохнул,
Второе вывел — и слеза скатилась.

От слез начертанные тушью строки
В причудливый рисунок превратились.

О друг мой! Плача, я тебе писал!
О чем письмо — ты можешь догадаться!

*

И на стене звенит мой меч тяжелый.*
Волною в сердце закипает кровь.

Готовые и днем и ночью к бою,
Могучей силой руки налились.

О долгожданный час! О час желанный!
Когда настанешь, позови меня!

*

Один твердит, что ворон слишком черен,
Другой — считает цаплю слишком белой.

Кто говорит, что аист — длинноногий,
Кто утку коротышкой называет.

Лишь я, должно быть, ничего не знаю
О черном, белом, длинном и коротком!

*

Луна, что светит над жемчужной шторой,
Звук флейты, что пришел издалека, —

Зачем они всю ночь меня тревожат,
Моей печали не дают уснуть?..

Три тысячи меж нами долгих *ли** —
И я один, и сердцу нет покоя!

*

Пока луна, что встала над сосной,
Не спустится до камышей у речки,

На камне у воды сидеть я буду,
Держа в руках безмолвный *каягым*...

А дикий гусь, отставший от своих,
Летит куда-то и кричит в тревоге!

*

Мой вол, с которого я снял ярмо,
Исчез куда-то. Солнце опустилось.

С охапкою съедобных трав в руках
Ищу следы вола, а все без толку.

Густая мгла долину затянула —
Как угадать, куда он мог уйти?

*

Хочу к луне с вопросом обратиться.
Я чарку взял и отворил окно.

Ты, полная луна, так ясно светишь,
Как в давние светила времена.

Но с той поры, как мир Ли Бо* покинул,
Дружил ли кто еще, как он, с тобой?

*

Цветы ли расцветают на лугах,
Кукушка ли в зеленой роще плачет,

Сегодня милого я встречу вновь —
И ничего на свете мне не надо!

Кто там заплакал, что там расцветает —
Ни до чего мне дела нет теперь!

*

Ссудили люди мне немного риса,
А рыбы в речке сам я наловил.

Вино созрело — можно пить его.
Луна встает над темными горами.

Цветут цветы. Есть *каягым*... Всё это значит,
Что я сегодня жду к себе друзей!

*

На снег ложится ясный свет луны.
Ее лучи окошко освещают.

Я у свечи сижу один и слышу,
Как ветер стороны чужой шумит.

И мысли, всё ненужные, пустые,
Спать не дают до самого утра...

I

Набрала молодая редька сок,
А скороспелый рис колосья клонит.

И рыба стала хорошо клевать,
И ловятся легко большие крабы.

Наверно, лишь в таком житье-бытье
Крестьянин радости свои находит!

II

Я в поле скороспелый рис полую,
Начну прополку хлопка и закончу.

Я у забора огурцов нарву
И приготовлю ячневую кашу.

Вино уже созрело у соседа —
Я у него возьму немного в долг!

*

Не бойся, чайка белая, меня:
Я за тобой охотиться не стану.

В немилость к государю я попал —
Нет мне приюта, некуда мне деться.

Теперь уже ненужный никому,
Как ты, я здесь найду покой и счастье.

*

О бабочка тигровая! С тобою
Давай-ка вместе в горы улетим!

А если нас в горах застанет вечер,
Среди цветов найдем себе приют.

А будет неуютно нам в цветах,
Мы отдохнем и на опавших листьях!

*

Ты не меняешься, моя душа,
Года идут, а ты все молодая!

Ты, верно, и не старилась, как я,
И остаешься той же, что когда-то?

Хотел бы я, чтоб мы не разлучались...
Но разве это не было б смешно?!

*

— О всех восьми красотах Кымгансана*,
Где побывал ты, Расскажи, монах!

— На отмели, что в десять *ли* длиною,
Я видел диких алых роз кусты.

Там парами над бухтой чайки выются
И тихий редкий дождик моросит.

*

Мир вечной суеты и пустословья
Покинул я и вновь пришел туда,

Где восемь сотен тутовых деревьев
Среди озер и брошенных полей.

Пусть жизнь моя теперь неприхотлива,
Зато в душе — покой и тишина.

*

Наверно, милого будить пора —
Восточное окошко посветлело...

Нет, это вовсе не рассвет еще —
Луна взошла и небо освещает!

Отбросив одеяло и подушку,
Ворочаюсь в постели и не сплю...

*

О том, что опадает вешний цвет,
О птицы, вам печалиться не нужно!

Пусть лепестки уже развеял ветер —
Но в этом нет вины самих цветов!

Не надобно завидовать весне —
Она уйдет, ее не остановишь!

*

Любимого лишилась — и теперь
Тебя своим любимым называю.

Не безразлично ли в конце концов,
Что он, что ты! Мне никого не надо!

Он или ты, мой милый, тот иль этот —
Не лучше ли пойти мне спать одной?!

*

Я говорил не раз, что брошу пить,
Да вот вино никак отстать не хочет!

Я ль виноват, что слова не сдержал,
Оно ли, что за мной повсюду ходит?

Наполню чашу и спрошу луну:
Кого из нас двоих считать виновным?

I

На поле и в сады пришла весна —
И сразу набралось так много дела:

Цветы посеять, огород вскопать
И высадить лекарственные травы.

И, чтоб калитку новую сплести,
Нарежь, малыш, бамбуковые стебли!

II

На поле и в сады пришла весна —
И сразу набралось так много дела:

Я сети рыболовные чиню,
Сын собирается идти на пашню.

И на холме восточном нам пора
Уже копать лекарственные травы.

*

Гордясь своей весенней красотой,
Цветы, не прогоняйте мотыльков!

Пора расцвета слишком быстротечна —
Неужто это непонятно вам?

Лист развернется, и плоды созреют —
А мотыльки назад не прилетят!

*

На цвет весенний груши капал дождь.
Не уезжать тебя я так просила!

Теперь листва опала, ветер дует.
Ты вспомнишь ли, любимый, обо мне?

Издалека, за десять тысяч *ли*,
В мой сон приходишь ты — и вновь уходишь!

*

Неужто предназначено судьбой,
Чтобы с тобой простились мы сегодня?

Ведь тот, кто раз с подругой разлучился,
Тот от нее — за десять тысяч *ли*!..

Вернись, когда цветы покроют землю
И ночью полная луна взойдет!

*

Гусь закричал — я глянула в окно
И вижу: снег в лучах луны сверкает.

Она сияньем заполняет мир
И милому, наверно, где-то светит.

И только у меня, в душе моей,
Такая тьма, такая безысходность!

*

В долине горной, где ручей струится,
Я дом построил из обломков скал.

Распахиваю лунной ночью поле,
Днем отдыхаю среди облаков.

Меня позвали Небо и Земля,
Чтоб вместе стали жить мы, не старея!

*

О заяц яшмовый*, куда бежишь ты?
О ворон золотой, куда летишь?

Зачем, безумные, спешите вы,
Как будто кто-то гонится за вами?

А надо было б каждый раз, друзья,
Вам отдыхать, как десять *ли* пройдете!

*

Хотя уже пробили третью стражу,
Луна на небе — и светло, как днем.

И ветер свеж, как будто на земле
Сейчас не лето жаркое, а осень.

Луною ясною и свежим ветром
Как в этот час ты можешь пренебречь?

*

Предназначение ль у меня такое?
Подчас ни риса в доме, ни вина.

Под облаком дневным пашу я поле,
Рыбачу ночью лунной на реке.

Да, только так нам жить велело Небо!
Кому еще так хорошо, как мне?

*

Дождь моросил весенний. Ехал я,
На ослика добро свое навьючив.

«Скажи мне, мальчик, где здесь кабачок?» —
Я пастушка спросил, и он ответил:

«Наверно, это там, где носит ветер
Цвет абрикосовый*... Наверно, там!»

*

Мой милый появляется, как гром,
Я ж, молнией блеснув, его встречаю.

Как дождик, то придет он, то уйдет,
Как облачко на небе, исчезает...

А вздох, как ветер, рвется из груди
И стелется туманом предрассветным.

*

Вчера, а может быть, позавчера,
Быть может, днем, быть может, поздней ночью,

Куда я уходил и с кем встречался,
С кем был вдвоем — уже не помню я!

Но мы сегодня встретились с тобою —
Так разве ты не лучше всех других?!

*

И свет луны, что на снегу блеснул,
И колокола звук в холодном небе —

Всё, как в эпоху древних государей.
Сижу один, исполнясь горьких дум,

И над развалинами стен старинных
Вечерний поднимается туман.

*

Трудился я усердно десять лет
И хижину в горах себе построил.

В ней половину занял свежий ветер,
И половину — ясная луна.

Для гор и рек здесь не осталось места,
Они вокруг — и я на них смотрю.

*
Как посмотрю я на тебя, ворона,
Обидно мне становится и грустно.

Ну где, скажи, достала ты лекарство,
Чтобы черноголовой оставаться?

Давно белеет голова моя —
Лекарства нужного не нахожу я!

*
Я посадил у дома хризантемы,
Поставил рядом с ними жбан с вином.

Цветы цветут, вино мое созрело,
И на небо луна уже взошла...

Возьми-ка *комунгó*, струны коснись —
И до утра мы будем наслаждаться!

*
Возьми *чиге** и выведи вола!
Уже Звезда Рассвета* в небо вышла.

Когда б на дальнем поле рис убрал ты,
На ближнем я управился бы сам.

Чиге наполним и вола нагрузим —
И надобно сегодня всё кончать!

*
От ветра, что подул минувшей ночью,
Весь персиковый цвет с ветвей опал.

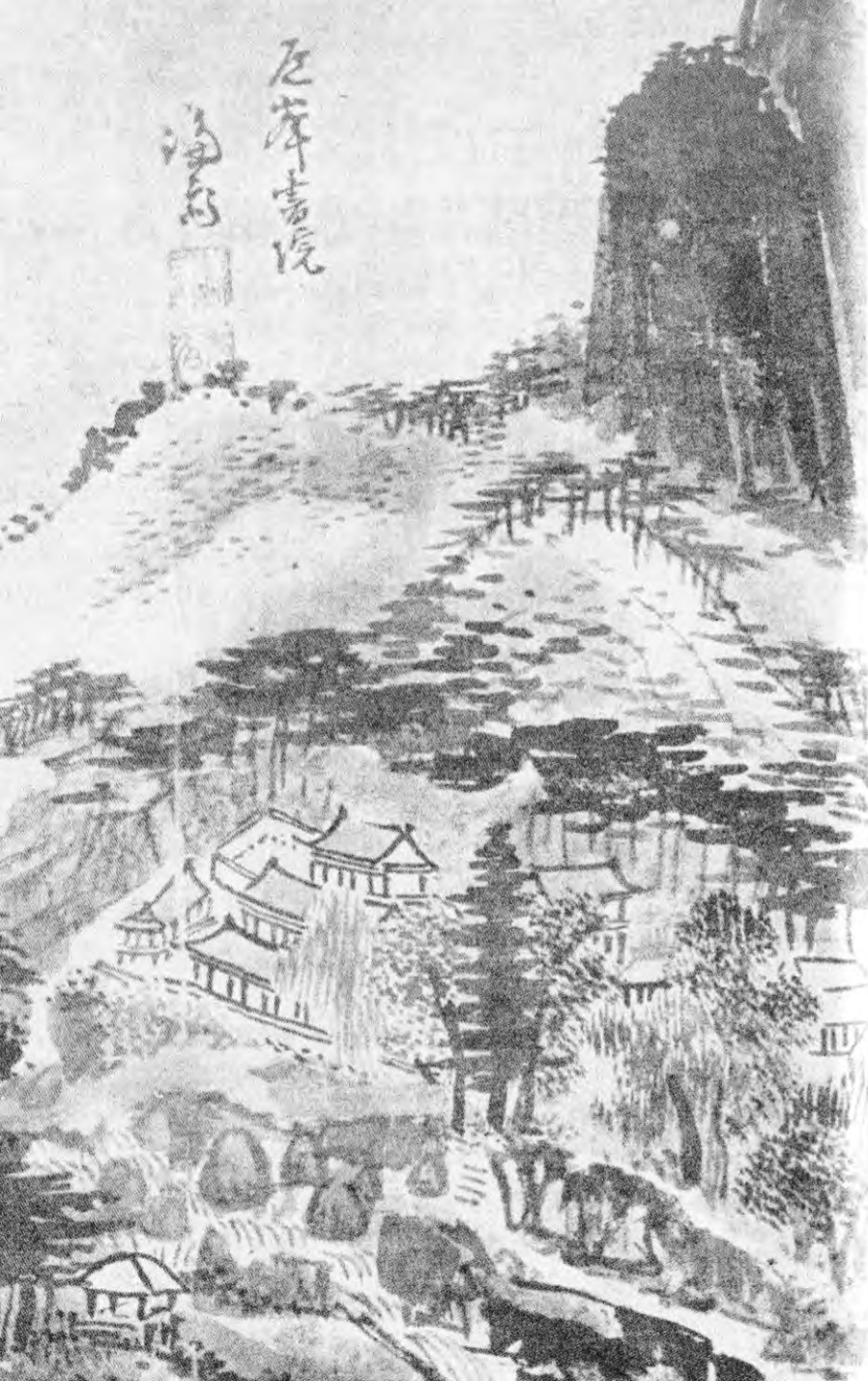
Выходит мальчик с веником из дома,
Чтоб подмести и во дворе прибрать.

Но ведь цветы — и на земле цветы!
Зачем же ты их убираешь, мальчик?!

ПЕСНИ НОВЫХ ВРЕМЕН

Чан-сиджо

ЧОН ЧХОЛЬ

ВРЕМЯ ПИТЬ ВИНО*

Выпьем, друг, и вновь наполним чашу,
И другую, и за нею третью,
Каждую из них цветком отметим*,
Время пить еще не миновало!..
Ведь когда уснешь ты вечным сном,
Завернут тебя в кусок дерюги,
На носилки взвалят и прикруют,
И куда положено потащат;
Правда, может быть и по-иному:
В паланкин, украшенный шелками,
Тело бездыханное уложат
И свезут на кладбище друзья!
Будешь ты лежать среди бурьяна,
Средь хвощей или глухой крапивы,
Или под высокою осиною,
Или под широкими дубами.
Солнце желтое на небо выйдет,
Белая луна на страже станет,
Будет дождь идти осенний, частый,
Будет падать снег густой и мокрый,
И холодный ветер будет дуть...
Кто же, кто тогда тебе предложит
Эту чашу, полную вина?!

Только обезьяны крик тоскливый
Над забытой прозвучит могилой...*
И что толку будет в сожаленьях*
Обо всем, что ты покинул здесь!

ЛИ ДЖОНДЖИН
(Пэкхведжэ)

XVIII в.

Смастерив сачок из паутины,
Ловят стрекозу и так кричат
Голые детишки* у канавы:
«Стрекоза, послушай, стрекоза!
Полетишь туда — там пропадешь ты!
Полетишь сюда — жива ты будешь!»
Ох, уж эти голые детишки!
В мире нашем суетном, наверно,
Все дела людские таковы!

КИМ МИНСУН
(Мэволь-сонпхун, Мэон)

XIX в.

Ох, ох! Замучили меня недуги!
Присматриваюсь — ничего не вижу,
Прислушиваюсь — ничего не слышу,
И нос не чует запаха совсем,
И рот закрылся — все слова пропали,
Живот болит, и в пояснице ломит,
В груди хрипит, кружится голова,
И без конца тошнота нападает...
Ох, ох! А ведь, пожалуй, это всё
Лишь от одной болезни — от разлуки!

*

Я вспоминаю молодость свою —
Такую близкую, как день вчерашний:
Игру в *чанги**, и состязанья в силе,
И змеев тех, что к небу поднимал,
И горы дальние, где мы бродили,
И «терема зеленые»*, в которых
Когда-то пил вино и битым был...
Наверно, счастье суждено мне было,
А ведь могла меня настичь беда!

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

С чем молодую девушку сравнить?
Одна покажется орлицей в скалах,
Другая вьется ласточкой у крыши,
А третья — словно цапля возле речки,
Иная пестрой уткой плывет
По глади озера, зеркально чистой,
И есть похожие на пустельгу
Или сову в лесу на пне трухлявом.
Но каждая любимого находит
И, значит, для кого-то хороша!

*

Скажите-ка, друзья, как жить на свете,*
Где столько кровососов развелось?
Вши крупные — с ячменное зерно,
Вши мелкие — размером с просяное,
Вши мелюзга — и глаз не разглядит;
Упившиеся свежей кровью блохи,
И блохи, отощавшие без крови;
Клопы, на *комунго* похожие;
Слепни и оводы, клещи и осы;
Тьма тараканов — черных, желтых, рыжих,
И всяческих жуков, жучков и пьявок,
И тучи длинноногих комаров,

Коротконогих мошек и москитов,
Одних — отъевшихся, других — голодных!
Они ни сна, ни отдыха не знают,
Терзают, мучают и днем и ночью!
Кто жалит, кто кусает, кто сосет —
И каждый жаждет крови человеческой!
Куда от нечисти подобной скрыться?
Чтоб не болело, чтобы не зудело?..
А хуже всех бесчисленные мухи —
От них спасения и вовсе нет!
Скажите-ка, друзья, как жить на свете,
Где столько кровососов развелось?!

*

— Там, за рекою, на крутой скале,
Что называют Лунною Горой,
Кричит в ночи зловеющая сова.
Поверье говорит: она вещает
Смерть молодой наложнице супруга,
Которая дурна собой и зла...
— Нет, госпожа! Поверье говорит
Совсем не так: сова вещает гибель
Жене законной, у которой муж
Заботы женской никогда не знает,
Жене, которую лишь зависть гложет
К удачливой наложнице его!

*

Остановить коня на всем скаку,
Сказав ему «тпру-тпру», конечно, можно!
Строптивного быка согнать с пути,
Сказав ему «но-но», — и это можно!
И даже тигра, что спустился с гор,
Уговорить назад уйти — возможно!
Ты ж, девушка, упрямая такая,
Какого рода-племени ты дочь?!

*

Сколько бы ни каркала ворона,*
Разве я и мой старик умрем?
Разве мой сынок умрет за плугом?
Или дочь моя умрет за прялкой?
Пусть уж лучше смерть возьмет невестку,
Ту, что за гору сейчас пошла
Взять воды из ближнего колодца!

*

Ты улыбнешься — зубы хороши!
А взглянешь ты — глаза твои красивы!
Когда сидишь, стоишь, бежишь, идешь —
В тебе прекрасно все и совершенно,
И хочется назвать тебя своей!..
Я знаю, только одного меня
Родители твои в виду имели,
Когда тебя на свет произвели!

*

Слепой незрячего взвалил на спину,
И на босые ноги *намусин**
Со скользкими подметками надел он.
По мостику — трухлявому бревну —
Без посоха плетется через речку,
Еще мгновенье — и сорвется вниз!
А тут же Будда каменный стоит,
Глядит на них и от души смеется.

*

Ох, эта любовь, любовь,
Завязанная узлами,
Сплетенная, словно сети,
Те, что бросают в море,
Вьющаяся, как в поле

Плети дынь и арбузов,
Что через межи ползут!
Она у меня такая!
Милого так люблю я,
Что это любовь, наверно,
Не имеет конца!

*

Пускай мне грудь продырявят,
Сквозь грудь веревку протянут,
Свитую из соломы,
Толстую и с узлами;
Пусть, взяв ее за концы,
Два человека будут
Без устали, час за часом
Тело мое пилить —
Всё вынести я сумею!
Но если однажды скажут:
«Без милого жить должна ты!» —
На это не хватит сил!

*

В том доме, что стоит в тени софоры*,
Над вышиванием склонилась ты.
О девушка! Скажи, кто был с тобою,
С кем веселилась ты и с кем играла?
Я вижу, над лицом прекрасней яшмы
И над бровями тонкими твоими
Прическа, пышная, как туча, смята,
И шпилька, птица-феникс, набок сбилась...
Я знаю, ты противиться не стала
Тому, кто ищет девичьей любви!
Так надо ли печалиться о том,
Что, как цветок, лицо твое увянет?!

*

Ох, беда! Беда пришла...
Кисточка из шерсти лиса,
Что живет в краю полночном,
Очень хорошо писала;
Я ее макала в тушь
Лучшую из самых лучших!
То-то было наслажденье!..
Только раз недосмотрела,
Положила на окно,
А она во двор упала,
Покатилась — закатилась,
Разве я ее найду?!
Но зато теперь я знаю:
С кисточкой из шерсти лиса
Можно сравнивать любую!
Тот, кто кисточку имеет,
Дорог тем, как пишет он!..

*

Эй, жаба! Эй, кривая и хромая!
Чем загордилась так, ты мне скажи!
Козявку однокрылую поймала
И думаешь теперь, что всех смелей?
Вскарабкавшись на верх навозной кучи,
Резвишься ты и прыгаешь весь день,
Потом сидишь на ней, надменно пыжась...
А люди лишь смеются над тобой!

*

Беда тебе, поблекшая краса!
Ты — как сухая ива возле речки,
Та, от которой ствол один остался,
Прогнивший и давно готовый рухнуть,
А все твердишь: «Помолодеть бы мне!

Когда б мои пятнадцать лет вернулись!
Всего лишь десять лет да пять еще —
И больше ничего уже не надо!»

*

— Эй, косматый парень, погоди-ка!
Ты, который гонишь там вола!
Слушай, рыжая башка, получше:
Видел я недалеко отсюда —
В озерке после дождя ночного
Рыба разная кишмя кишит.
Ты возьми плетеную корзину,
Доверху ее наполни рыбой,
На вола взвали, прикрой соломой
И моей любезной отвези!
— Господин! Судьба несчастна наша,
В батраках всю жизнь свою живем:
Утром пойло для волов готовим,
Днем в полях спины не разгибаем,
Вечер на дворе — плетем веревки,
А в ночи *онмун** одолеваем.
Покурить и выпить тоже надо...
Некогда мне рыбу отвозить!

*

Когда любовь захочется купить,
Нигде ты не найдешь ее в продаже.
Когда захочется продать разлуку,
Поймешь, что не возьмет ее никто.
Не оттого ль разлука и любовь
Не покупаются, не продаются?
Наверно, нам они даны навек!

*

Монах схватил за волосы монашку,*
Монашка, растрепав ему прическу,

Вцепилась мертвой хваткою в вихор —
Не могут друг от друга оторваться,
И каждый о себе кричит, что прав!
Изо всех сил тузят один другого,
Да звонко так, как будто бьют в ладоши!
Тут и слепые громко зашумели —
Какое это зрелище для них!
Тут и глухие тоже в спор вступили
И судят, кто здесь прав, кто виноват!

*

Ну что ты так настойчиво стучишься?
Как ни ломись, а я не отворю —
Здесь у меня другой, намного лучший!..
Уж если хочешь быть со мною, милый,
Пожалуй, послезавтра приходи!

*

Водку хлещет, словно воду бык;
Если сядет есть, как лошадь, жрет он;
Руки толсты, ноги растопыркою;
Согнут в пояснице, косоглаз;
И к тому же не мужчина — мерин,
Кукла деревянная, чурбан!
Любоваться на него мне, что ли?!
Эй ты, бондарь, у ворот кричащий:
«Обручи на бочку набиваю!»,
Подойди сюда, мой друг любезный!
Можешь у меня заночевать!

*

Как ни гони ты черную корову,
Что втихомолку в поле забралась
И объедает у бобов листочки, —
Уйдет ли прочь она, оставив их?
И милый, что залез под одеяло, —

Как ни толкай его, ни бей ногами,
Ни повторяй: «Ступай-ка ты отсюда!» —
Уйдет ли он средь ночи от меня?..
Наверно, только тот и есть любимый,
Кто не уходит, как с ним ни воюй?!

*

Когда ты меня добивался,
Сто раз приставал — и, бывало,
Служанок и слуг обещал мне,
Богатый дом и поля...
Я верила каждой клятве
(Достойному мужу верят!),
Но ты из ста обещаний
Не выполнил ни одного...
Три года я ожидала:
Ночью, глаз не смыкая,
Имя твое повторяла,
В печали звала тебя!
Но если теперь придешь ты,
С презрительною усмешкой
Слова твои слушать стану
И не взгляну на тебя!

*

Ты, как арбуз, — со всех сторон округлый,
Твои слова, мой друг, как дыня, сладки,
И всё, о чем бы ты ни говорил, —
Всегда один обман или притворство.
Не надобно мне больше слов таких,
Пустых внутри, как огурец осенний!

*

— Покупайте мои белила!
Покупайте мои румяна!
— Хороши ли они, торговец?

— Наложил на лицо румяна,
Наложил на лицо белила —
И какая бы ни была ты,
Обхождением своим и нравом
Сразу станешь ты всем желанна,
Сразу милый тебя полюбит!
Вот какие мои белила!
Вот какие мои румяна!
— Так давай же всё, что имеешь,
Заворачивай поскорее!

*

Кто объяснит, как выглядит любовь?
Она кругла? А может, угловата?
Какой она длины и ширины?
Какая мерка для нее годится?..
Когда ж любовь измерить невозможно,
Как знать нам, где кончается она?

*

Пауков больших и круглых,
Малых пауков и плоских,
Об одном я всех прошу:
Вы сплетите паутину,
Протяните через горы,
Пропасти и перевалы
Нити тонкие ее!
Протяните по долинам,
По равнинам растяните
И от края и до края
Вы покройте всю страну!
Чтобы вести о любимом,
О котором я тоскую,
Шли по этим тонким нитям,
Днем и ночью шли ко мне!

*

Мой милый, уезжая в дальний край,
Оставил мне слова на «ай» и «ой»:
«Домой» и «твой», «прощай» и «ожидай».
А мне совсем не надо слов на «ай»,
Пусть остаются лишь «домой» и «твой»!

*

В славный день восьмой луны четвертой*,
В Праздник Любования Фонарями
Хорошо подняться на террасу
В час, когда еще не село солнце
И всё видно далеко вокруг.
Фонари развешаны повсюду:
Здесь висит фонарь «Дракон и Рыба»,
Там висит фонарь «Журавль и Феникс»,
Рядом с ним фонарь «Один Журавль»,
Тут качается «Фонарь Бессмертных»,
Фонари «Арбуз» и «Колокольчик»,
«Барабан», «Чеснок» и «Черепашка»!
А в бутонах лотосов бумажных
Маленькие девочки укрылись;*
Лотосы раскроются — и дети
Журавлей прожорливых прогонят,
Тех, которые клюют цветы.
И Небесная Ткачиха* тоже
Ждет, когда ее пора настанет,
Чтоб лететь к Серебряной Реке*.
Фонари развешаны повсюду:
«Домики», «Подмости», «Челноки»,
И «Узор Причудливый», и «Малый»,
И «Кувшин Высокий», и «Оградка»,
И «Настенный Шкафчик», и «Котел»!
Здесь же Лев, уже готовый прыгнуть,
Рядом Варвар, Тигра оседлавший,
И над всем — Небесного Ковша

Семь высоких фонарей трепещут...
Зажигаются огни направо,
Зажигаются огни налево.
На востоке поднялась луна.
Разливается вокруг сиянье,
Будто солнце загорелось снова.
Фонари горят. Луна сияет.
Светятся и Небо и Земля.

*

Я думаю о милом так же часто,
Как Мэнчан-цзюнь*, бывало, вспоминал
Суровую зимой о лисей шубе.
А обо мне любимый вспоминает
Так редко, как зубцы у гребня редки,
Того, которым на Горе Трехрогой
В обители священной Чунхынса*
Причесывается монах беззубый!..
Известны только Небу одному
Страдания любви неразделенной.
Так пусть же Небо милого заставит
Ко мне вернуться, вновь меня любить!

*

Тридцать ударов по заду
Мне всыпали за недоимку,
Забрали котел последний
За невыплату ссуды,
Служанку, мою красотку,
Которую так любил я,
Вытолкали взашей
И увели за проценты.
Эй, малыш, посмотри-ка,
Нет ли в собачьей миске
Немного жидкой похлебки?
И этого хватит мне!

*

Сколько б ни читал монах молитву,
Ни твердил «Наму-Амитхабуль»*,
В Будду все равно не превратится!
Сколько бы ни изучал он Кун-цзы*,
Сколько бы ни разбирался в Мэн-цзы* —
Разве человек постигнет *Дао**?
Буддой стать и Правый Путь найти —
Очень непростое это дело!

*

Слушай-ка, любезная монашка:
Только дела у тебя весь день
В темном храме повторять молитвы!
Не успеешь дочитать — умрешь!
К погребенью тело подготовят,
Сунут, как положено, в корзину,
И корзину крышкою прихлопнут,
И сожгут, и в пепел превратят, —
Как бы ты, мой друг, не обернулась
Духом злым, что среди гор пустынных
Воеет от тоски, когда на землю
Льются благодатные дожди!..
Так послушай, лучше брось молитвы
И уйди со мной в мое жилище:
Станем жить мы в счастье и согласье,
Будет полон дом детей и внуков,
Радость и достаток будут в нем!

*

Монах с монашкой встретились в горах.
Она его спросила: «Вы откуда?»
И он ее спросил: «А вы куда?»
Здесь горы зелены, красивы реки,
Здесь можно хорошо «сыграть в *коккаль*»*!
...Средь гор, прильнув друг к другу, два *коккаля*

Колышутся над травами густыми,
Похожие на белые пионы,
Трепещущие под весенним ветром,
Дрожащие на тонких стебельках...
Наверное, всегда бывает так,
Когда в горах, высоких и пустынных,
Встречаются монашка и монах!

*

— Крабы в соусе! Берите крабов!
— Что такое у тебя, любезный?
— Крабы, господин! Берите крабов!
Панцирь сверху, мясо в середине,
Круглые глаза на небо смотрят,
Длинные клешни хватают цепко!
Малые клешни ногами служат!
Краб гуляет в соевой подливке,
В соусе зеленом или красном!..
— Не вопи! Чего ты разошелся?
Мы и так не прочь отведать их!

*

Нить крутится вокруг веретена,
И вертятся вокруг оси колеса.
Маньчжурский сокол, сокол с гор высоких
И обитающий у моря сокол,
Раскинув крылья, вьются целый день
Вокруг горы Тхэбэк*, как будто жаждут
Ее скорей в объятья заключить...
И я, с любимым встретясь, поспешу
Его обнять, вокруг него обвиться!

*

Моя любимая — как тот цветок,
Что распускается на диком склоне
В расщелине Горы Целебных Трав*.
Смотрю — и не могу я насмотреться!

Другие тоже не проходят мимо:
Снуют они весь день вокруг нее,
Как мыши на поле чумизы ранней,
Что на восточной стороне холма!

*

Эй, дочка потаскушки в синей юбке,
Распутница в малиновой накидке,
Ты шляешься без дела целый день!
Позавчера меня ты обманула,
Кого собралась обмануть теперь?..
По нашей улице в вечерний час,
Покачивая бедрами, идешь ты!

*

На ширме я рисунок увидал:
Над маленькою мускусною крысой
Оскалилась отъевшаяся кошка —
Должно быть, хочет эту крысу съесть!
Не так ли, в вечной жадности своей,
И мы преследуем чужих красоток,
От них не отставая ни на шаг?!

*

Стать бы снова, снова молодой!
Чтобы вновь пятнадцать лет вернуться!
Но лицо, красивое когда-то, —
Как трухлявый пенёк плакучей ивы,
Что стоит на берегу реки...
Это было, кажется, вчера —
Годы юности и дни веселья!

*

Монашескую одежду
Я распорол и отдал
Милой на юбку с кофтой,

А янтарные четки
Ослу на лоб нацепил.
Десять лет размышлял я
О неземном блаженстве,
К Будде и *бодхисатвам**
Молитвы свои вознося.
Теперь же лежу в объятьях
У молодой монашки
И о божественном думать
Я никак не могу!

*

Тень промелькнула за моим окном —
Я выбежала милому навстречу.
Нет никого, мой милый не идет!
Лишь по ночному небу облака
При тусклом свете месяца проплыли.
Когда б такое днем произошло,
Меня бы, верно, люди засмеяли!

*

— Я всем расскажу, соседка,
Ни от кого не скрою,
Что мужа ты обманула!
Сказала: «Иду к колодцу!» —
Сама же ведро пустое
Поставила у колодца
И господина Кима,
Того, что в доме напротив,
Моргнув ему, позвала.
Потом, пошептавшись о чем-то,
За руки взявшись, вместе
Вы в коноплянике скрылись —
И что-то случилось там.
Ни от кого не скрою,
Что видел, как толстые стебли

Качались, словно под ветром,
А тонкие были примяты...
Все мужу я расскажу!
— Ах, ты болтливый мальчишка!
Всё ты врешь понапрасну!
Туда я, как все другие
Женщины нашей деревни,
Ходила рвать коноплю!

*

Вороны то друг друга догоняют,
То, собираясь стаями, летят,
То на верхушку ясеня большого
Садятся все на северном холме,
То на рассвете в воздух вновь взлетают
И в драку шумную вступают снова —
Не разобрать, кто прав, кто виноват!

*

— Эй, филин, ухающий среди ночи
Там, на вершине Шелковичный Червь*!
Из многих тысяч жителей столицы
Кому вещает смерть твое «ух-ух»?
— Повесам, изменяющим любимой!

*

Домик свой соорудил я
У подножия холма.
Крыть его мне было нечем —
Я покрыл его травой.
По ночам я слышу только:
Где-то булькает и каплет —
Но дождя я не боюсь!
Не во что одеться было —
Из травы я сплел одежду.
Пусть в «гусиной коже» тело,

И краснеет, и синееет —
Мне и холод нипочем!..
Я всегда и всем доволен —
Только б ты была со мной!

*

— Цвет грушевый роса уже покрыла.
Что ж все не шел ты? Кто тебя держал?
— Так ведь она меня не отпускала,
Всё говорила мне: «Не уходи!»
И не было причины вдруг подняться,
Ее оставить и уйти к тебе!..
А если уж по правде говорить,
То чем, скажи, одна другой вы лучше?!

*

Кричал за окном лудильщик:
«Лужу и чиню посуду!»
Я вышла к нему с вопросом:
«А можешь ли ты, лудильщик,
Залить, заклепать ту дырку,
В которую проскочила
Разлука с моим любимым?»
И так мне ответил он:
«Даже У-ди* с Ши-хуаном*,
По воле Неба достигнув
Невиданного величья,
Ее удержать не могли!
И Чжугэ Лян* мудрейший,
Что мог бы вселенной править,
И чуский *баван** всесильный
Ее одолеть не сумели!
Так не смешна ли просьба
Такую дыру заделать?!»
— Если сказал ты правду,
Значит, разлука навек?!

*

Мой старый муж в лиловой ходит шляпе*,
Из волоса из конского сплетенной,
А милый ходит в шляпе камышовой.
Мой старый муж в своей лиловой шляпе,
Из волоса из конского сплетенной, —
Как пугало на опустевшем поле!
А тот, кто ходит в шляпе камышовой,
Когда посмотришь ночью на него,
Напоминает мне Звезду Рассвета!

*

Уподобившийся человеку,
Как-то ночь провел со мной монах.
Он моею юбкою прикрылся,
Верхнею одеждой гостя — я;
*Чоктури** под голову он сунул,
Подложила я его *соннак**;
До краев наполнились любовью
Чоктури мое в стеклянных бусах
И его монашеский *соннак*!..
Так, как мы любили с ним друг друга,
Верно, в мире не любил никто!

*

Корабельщики и моряки,*
Кто по рекам плавает и морю,
В дальний путь выходят за зерном,
Взятым с урожая в счет налога;
В третью и четвертую луну,
Обновив суда и подготовив —
Маленькие, средние, большие, —
В барабаны бьют, и в дудки дуют,
И приносят жертву духам рек
И дракону из глубин морских

Трех сортов отменными плодами.
«По дороге трудной и к Чолла*,
По дороге и к Кёнсан* опасной
Миновать бы нам благополучно
Скалы близ Ульсана и Чхильсана*,
Миновать бы мели у Анхына*,
У Сондоля*, около Канхва*!
Нам пройти бы по волнам бескрайним,
Словно по воде, налитой в блюде,
И вернуться снова в край родной!»
Жертву щедрую приносят духам
И при этом повторяют так:
«Вы не дайте нам в волнах погибнуть!»
И затем: «Пошли! Плещи весло!»
Слава Будде Амитабе*! Слава!

*

Из тварей, что живут на белом свете,
Нам первым делом извести бы надо
Всех петухов, а вместе с ними псов!
Лишь только за темно-зеленой шторой
В моих объятьях милый засыпает,
Как, шею вытянув, кричит петух
И хлопает отчаянно крылами —
И милый тотчас покидает дом!
Когда же он в другой раз подойдет
В безмолвии ночном к моим воротам,
Пес, зарывав, бросается к нему —
И мой любимый в дом не входит даже!
Если увижу я торговца птицей
Или собачника, свяжу я крепко
Пса с петухом — и сразу им отдам!

*

Если пряжу из *моси* прядут,*
Вверх и вниз, свивая, тянут нитку,

А когда она, бывает, рвется,
Два конца оборванных берут,
Белыми зубами зажимают,
Смачивают между алых губ,
Яшмовыми нежными руками
Ссучивают и соединяют...
Если вдруг любовь моя порвется,
Я ее, как эту нить, скреплю!

*

Сначала стемнеет, потом рассветет,
Потом рассветет — и уйдет мой любимый,
Уйдет — не вернется, а я затоскую,
А я затоскую, и я заболею,
И я заболею — и жить не смогу...
А если он знает, что жить не смогу я,
Пусть спать остается — потом уж уйдет!

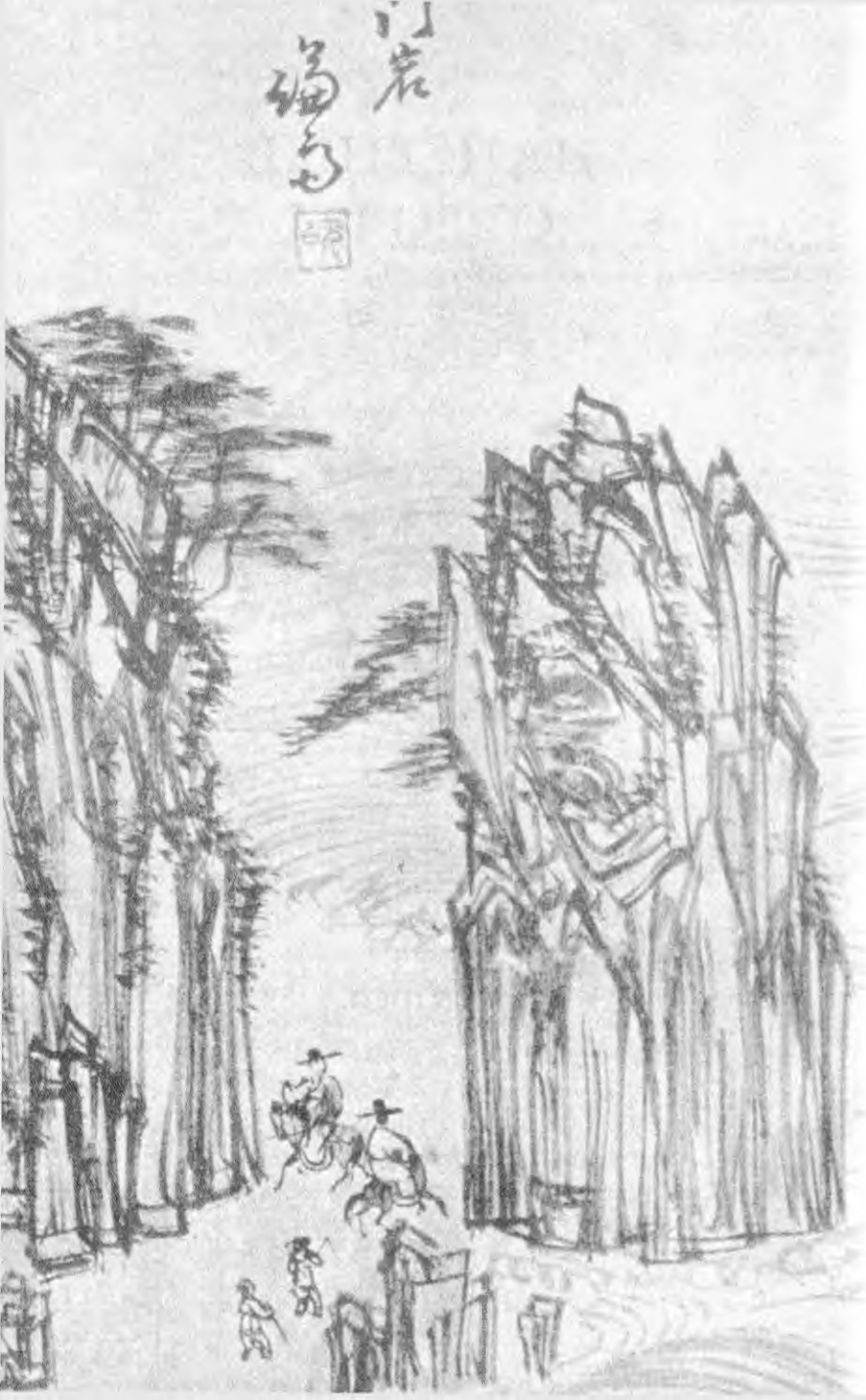
*

Почему ты ко мне не приходишь?
Отчего тебя нет так долго?..
Может быть, у тебя на дороге
Встала крепость из чугуна?
Может быть, в ней стену воздвигли,
И построили дом за стеною,
И сундук в том поставили доме,
А тебя посадили в него,
По рукам и ногам связали
И, двойную скобу навесив,
На замок золотой закрыли?
Отчего не приходишь ты?..
Год — двенадцать месяцев долгих,
В каждом месяце дней — по тридцать.
Разве дня ты найти не можешь,
Чтоб прийти — навестить меня?!

НАПЕВНЫЕ СТРОФЫ

*Каса
Чанка*

ЧОН ГЫГИН
(Пурухон)

1404–1481

СЛАВЛЮ ВЕСНУ

По нраву ль мною избранный удел
Вам, погребенные в пыли багряной?
Чему учили древние мужи,
Постигшие «дух ветра и потока»*?
На свете, между небом и землей,
Дороги у людей многообразны.
Но разве тот не знает наслажденья,
Кто средь лесов и гор нашел приют?..

Поставил я у синего ручья
Свою лачужку с кровлей травяною.
Я чувствую себя в сосновой роще
Хозяином над ветром и луной.
Зима недавно только миновала,
И ранняя весна настала вновь.
Смотрю, как персики и абрикосы
Уже в лучах заката расцвели.
Под редким дождичком на берегу
Взошла трава, зазеленели ивы.
Чья это кисть все так нарисовала?
Чей нож искусно вырезать сумел?
Чудесна на земле любая вещь,
В которой мы Владыку Неба видим!

В лесах повсюду распевают птицы —
Они не в силах свой восторг сдержать,
И песен этих каждый звук прекрасен!
Все сущее вокруг и я — одно!
Как я могу не восхищаться миром?!
Стою ли у ограды возле дома
Или, задумавшись, сижу в беседке,
Хожу ли по горам, стихи читая, —
В уединенье дни мои текут.
Здесь жизни смысл, ото всего свободной,
Среди людей лишь я один постиг!

Послушайте, соседи, вас зову
Горами и ручьями любоваться!
Сегодня будем средь полей бродить,
А завтра — в светлой заводи купаться.
С утра мы травы станем собирать,
А к вечеру поближе — порыбачим.
Мы станем молодое пить вино,
Через холстину процедив его,
И каждую из чаш цветком отметим.
Лишь теплый вешний ветерок повеет,
Челнок направьте к дому моему!
Здесь ароматом будут полны чаши.
Здесь алый цвет деревьев, осыпаясь,
Покроет платье дорогих гостей.
Вина не хватит — вы лишь мне скажите,
И мальчика я в кабачок пошлю.
Из дома выйдем — и вино за нами
В корзинах ребятишки понесут.

Стихи читая про себя, брожу,
Сижу у речки с дном белопесчаным
И вниз смотрю. И, чашу сполоснув,
Вновь наполняю... А поток прозрачный
Цвет персиков уносит по волнам.

Не здесь ли дивные сады Улина?
Не за соседней ли они горой?
Между кустов цветущих, между сосен
По узенькой тропинке пробираюсь
К вершине, утонувшей в облаках.
Внизу я вижу тысячи селений.
Под ярким солнцем, в чуть заметной дымке
Земля вся кажется расшитой шелком.
Еще недавно темные долины
Вновь заиграли красками весны!

Богатство с знатностью мне ненавистны,
И почести и слава — ненавистны.
Друзьями верными назвать могу я
Лишь свежий ветер, ясную луну!
Покой и бедность для себя избрав,
Тщеславию в мыслях не даю я места.
Что может быть прекрасней вольной жизни
Среди зеленых гор и синих рек?!

ЧОН ЧХОЛЬ

ТОСКУЮ О МИЛОМ

1

На свет я родилась лишь потому,
Что мне предназначалось быть с тобою.
И разве в небесах о том не знали,
Что путь земной нам проходить вдвоем?
Лишь для тебя была я молодой,
Одну меня любил ты в целом мире.
Такой любви, как эта, не бывало,
И для нее сравненья не найти!
С тобой в покои Лунного Дворца*
Еще недавно мы входили вместе.
Так почему же старость я встречаю
Совсем одна, от милого вдали?

За что меня услали в мир людей
И всех небесных радостей лишили?
С тех пор уже три года миновало*,
Как не причесывала я волос,
Румян не доставала и белил;
К чему мне украшенья и наряды,
Когда, как снежные сугробы в поле,
Лежит в душе глубокая печаль?..

Что бы ни делала — вздыхаю я,
Куда бы ни пошла — роняю слезы
И думаю: предел положен жизни,
А горю моему предела нет!
Минует время, как бежит вода,
И в свой черед приходят зной и стужа.
Зима идет за летом — и окрестность
Свой облик изменяет на глазах.

2

Мне всё вокруг о милом говорит,
Всё будит отклик и воспоминанье.
Восточный теплый ветерок повеял,
Последние сугробы растопил.
На ранней сливе* под моим окном
Покрылись ветви первыми цветами.
Зачем они так свежи и прекрасны?
И для кого благоуханье их?*

В вечерних сумерках встает луна,
Ее лучи касаются подушки.
Я плачу и смеюсь: мне показалось,
Что это ты незримо в дом вошел.
Когда бы, ветку сливы отломив,
Ее послала я тебе, любимый,
Как прочитал бы ты письмо такое?
Что стал бы думать, на него взглянув?

3

С деревьев вешний цвет уже опал,
И тень от них на землю опустилась.
За занавеской, на которой вышит
Цветущий лотос, я сижу одна.
Откинув занавеску, вновь смотрю
На ширму с нарисованным павлином.
Всегда ли время тянется так долго,
Когда скорбит о прошлом человек?

Отмерив золотою меркой шелк,
Крою его и подбираю нитки:
Хочу, чтоб пара уток-неразлучниц*
Украсила твой праздничный халат.
Я в вышивке искусна и в шитье —
И глаз обрадует моя работа!
Кладу халат в ларец из белой яшмы,
Ларец укладываю на *чигё*.
Хотела бы послать его тебе —
Через высокие крутые горы,
Всегда затянутые облаками,
Где нет ни перевалов, ни дорог.
Кто мой подарок сможет отнести?
Кто десять тысяч *ли* пройти сумеет?
А если бы сама я одолела
Опасный этот путь, ты был бы рад?

4

Осенний иней выпал на поля.
С прощальным криком гуси улетели.
Поднявшись на последний ярус башни*,
Через хрустальное окно смотрю.
Над темною горой взошла луна*.
Полярная Звезда стоит на небе,
Всегда прекрасная, как мой любимый, —
И слезы набегают на глаза!

Собрав в охапку свет луны и звезд,
К Палате Фениксов* его отправлю.
Пусть яркими лучами воссияет
Над городом, где милый мой живет,
Чтоб все четыре стороны земли
Прозрачным этим светом озарились,
Чтоб на горах и в глубине ущелий,
Как в летний полдень, стало вдруг светло!

5

Зима и на земле и в небесах,
И снег уже окрасил белым цветом
Окрестные холмы, поля и рощи,
И реку Сяосян* сковало льдом;
Не слышно голосов людских нигде,
Не видно птиц, летавших здесь недавно.
А если и у нас похолодало —
Как холодно в Нефритовом Дворце!
Он мрачен и высок, в нем солнца нет —
Над ним оно, наверно, и не всходит...
К тебе сама широким опахалом
Я погнала бы внешнее тепло!

6

Малиновую юбку подоткнув
И аккуратно засучив до локтя
У темно-синей блузки рукава,
По рощице бамбуковой брожу я.
Понять стараюсь, в чем моя вина?
День на исходе. Долго ночь продлится.
В дом воротясь, сижу я неподвижно,
О локоть подбородком опершись.
Придвинувшись поближе к фонарю,
Прикрытому светло-зеленым шелком,
Беру я в руки цитру, на которой
Из перламутра выложен узор...
Ложусь под одеяло, а на нем
Красуются две уточки, как прежде.
И ночь всё не кончается, всё длится.
И зябко мне, и не приходит сон...

Всего двенадцать месяцев в году,
Но в каждом тридцать дней таких, как этот.
Где каждый час и каждое мгновенье
Исполнены печалью о тебе.

Она таится в сердце у меня,
Подобная неведомой болезни:
С ней совладать не мог бы и Бянь Цяо*
И от нее лекарства нет нигде!

О, если б мне скорее умереть
И вновь родиться бабочкою пестрой!*
Порхала бы я солнечной порой
С цветка и на цветок в траве зеленой,
И над плащом пурпуровым твоим
Я вечно крылышками трепетала б,
Тебя овеивая ароматом...
А ты бы и не знал, что это я!

РАЗГОВОР ДВУХ ЖЕНЩИН

Первая

Постой, я тебя узнала!..
Поведай мне, что с тобою?
Ты прежде жила в покоех
Нефритового Дворца!
В такую позднюю пору,
В час, когда солнце заходит
И тени на землю ложатся, —
Зачем и куда идешь?

Вторая

Послушай, всё расскажу я...
Ни обликом, ни обхождением
Милого я не достойна —
И знала об этом всегда!
Но, встретившись с ним однажды,
Я стала его подругой
И с той незабвенной минуты
Верно служила ему.

Думала только о милом,
Во всем ему угождала.
Что же переменился
Любящий взор его?
Лежу ли ночью в постели,
Стою ли днем у калитки —
В памяти перебираю,
В чем согрешила пред ним.
Небо ли так велело?
Люди ли в том виновны?
Наверно, всему начало
В самой природе вещей!

Первая

Тебя я прошу: не надо,
Не надо об этом думать!..
О том, что в сердце таится,
И я рассказать могу.
Я милого тоже любила,
Я знала его тревоги:
Только со мною, бывало,
Вкушал он покой и мир.
Кто же теперь ему служит
Весною сырой и зябкой?
Летом жарким и душным?
Осенью и зимой?
Кто вечером или утром
Еду поднесет к постели?
В долгие-долгие ночи
Как может он спать один?
Как бы хотела знать я,
Что он делает, милый?
Но день уже на исходе —
Кто мне весть принесет?

Темно на душе и мрачно.
Куда же теперь идти мне?

Всхожу по крутому склону
На вершину горы.
То ли туман над нею,
То ли сходятся тучи.
Где здесь пробиться сиянью
Солнца или луны?
Кругом и горы и реки
Мглою густой покрыты.
За тысячи *ли* отсюда
Что различить я могу?
Иду я на берег речки —
Взглянуть хоть на след от лодки.
Вижу пустую лодку,
А лодочника все нет!
В час, когда солнце заходит,
Там только ветер и волны,
И призрачной кажутся тенью
И милый, и весть о нем.

Возвращаюсь под кровлю
Одинокого дома.
Для кого у окошка
Зеленый фонарь горит?
То лягу, то снова встану,
Брожу по комнатке тесной,
То в чутком сне забываюсь —
И с милым встречаюсь вновь!
Увы! Я вижу: украло
Беспощадное время
Красоту неземную
Яшмового лица.
Всё, что в сердце хранится,
Спешу я сказать — но слезы
Сами собою льются,
И слов не могу найти!
А в это самое время

Петух рассвет возвещает —
И исчезает виденье..
Где ж он, любимый мой?
Я поднимаюсь с постели,
Распахиваю окошко:
Лишь луч луны заходящей
Заглядывает в лицо.
О, если бы умерла я
И стала луною в небе,
Чтоб тихим светом проникнуть
В окна покоев его!

В т о р а я
Лунным светом — не надо!
Пролейся над ним дождем!*

ПУТЕШЕСТВИЕ В КВАНДОН*

Мучимый тяжким недугом,
Долго я ждал исцеленья,
Жил в бамбуковой роще
Среди рек и озер.
Но государь повелел мне
В Квандон необъятный ехать,
И тотчас за назначеньем
В столицу я поспешил.

О государь, безграничны
Твоя доброта и милость!..
В Воротах Западных* спешась,
Я к Башне Торжеств* прошел.
Затем, ко двору представясь,
Получил на служенье
Нефритовую дощечку* —
Доверья и власти знак.

И вот пустился в дорогу:
Доехал до Пхёнгуёка*,
Потом лошадей сменил я
И повернул на Хыксу*.
Сомган* осталась за мною,
Чхиак* впереди поднялся.
Куда вы стремглав несетесь,
Воды реки Соянган*?

Я стар, одинокий сановник*,
Покинувший двор и вана.
Давно уже поселилась
В моих волосах седина.
На дворе постоялом
Ночью глаз не сомкнул я.
Едва рассвело, поднялся
К Башне Полночных Пространств*.

Отсюда, казалось, я вижу
Дворец Кунъе* знаменитый,
Над которым сегодня
Только сороки кричат.
Им, быть может, известны
Тайны паденья и взлета,
Расцвета и возвышенья
И гибели государств?

О, если бы можно было
Вернуть величье и славу
Добрых времен минувших
Правления Цзи Чжан-жу*!
К Кленовым Вершинам* дорога
Идет по берегу речки.
Оставив поклажу, бреду я
Каменистой тропой.

Здесь, среди Гор Алмазных,
В Манпхоктонской долине*
Стою, опершись на посох, —
Любуюсь радугой я;
Цветистей, чем хвост дракона,
Она поднялась над ущельем,
Где гром непрерывно грохочет
И словно бы снег идет.

Над гребнями Гор Алмазных
На самых крутых вершинах
Гнездится журавль священный,
Выводит своих птенцов.
Весенний ветер, играя
На свирели из яшмы,
Баюкает их ночами,
Будит их ото сна.

В своей черно-белой одежде
Парят журавли в поднебесье
Или, резвясь и играя,
Носятся взад-вперед.
И смотрит Линь Бу-отшельник*
На полет журавлиный —
И поселяется радость
В старом сердце его.

...Уже далеко остались
Две вершины, что схожи
С парой больших курильниц, —
Если сверху смотреть.
Поднимаюсь все выше.
Потом сижую, отдыхая,
На Террасе Покоя
В обители Чонъянса*.

Славлю тебя, создавший
Все, что нас окружает!
Одна за другою горы
Громоздятся вдали;
Каждая — словно лотос,
И тысячи лотосов ярких
Шелковым поясом белым
Связал Владыка в букет.

Гора Мангодэ* на востоке
Вздывает голову к небу,
На западе, в отдаленье,
Пик Хельманбон* стоит.
О чем бы мог он поведать,
Могучий и одинокий?
Проживший тысячелетья,
Как не согнулся он?..

С Террасы Добра* я вижу
Город белых утесов —
Там легкой дымкой повиты
Двенадцать тысяч вершин.
Там в чистоте первозданной
Облаков и туманов
Воплощена от века
Душа благородная гор.

О, если бы можно было
Вновь создать человека
Из этой волшебной дымки,
Из красоты неземной!
Он был бы велик, как горы,
Как горы, был бы прекрасен...
Но мир — увы! — пребывает
Таким, каким сотворен!

Кто и когда по кручам
На пик Пиробон* поднялся?
Никто... Но люди стремятся
Достичь вершины вершин.
Конфуций с высот Дуншаня*
Всю землю увидел — и понял,
Что царство Лу в мирозданье —
Как веревки кусок!

Простор Поднебесной тоже —
Всего лишь лоскут вселенной,
До рубежей которой
Не доходил никто.
Тому ж, кто решил однажды,
Что подниматься не надо,
И не достиг вершины,
Так ли уж страшен спуск?..

По Вонтхонской долине*
До Львиной Скалы* я добрался.
Здесь из-под серого камня
Течет ручей Хварёндам*.
Тысячелетним удавом
Вьется он по ущелью,
К синему морю бежит он,
Спешит он и день и ночь.

Здесь горные склоны и кручи
Иссохшей травой покрыты,
Ждет трава не дождется
Сливового дождя*.
Здесь, в монастырском храме,
В Манпхоктонском ущелье
Изображение Манджушри*
Паломник мне показал...

Но — хватит смотреть на горы.
Восточное море близко.
Конь мой тащит повозку
К Башне Горная Тень*.
Здесь, радуясь нашей встрече,
Птицы щебечут и свищут.
И вот лазоревым флагом
Море взметнулось ввысь!

Как трубы и барабаны,
Волны гремят и грохочут
И разгоняют тучи,
Нависшие над водой.
И очарованный путник
С моря взора не сводит.
А конь по песчаному плесу,
Покачиваясь, идет.

Потом, в стороне оставив
Красоты бурного моря,
Сворачивает дорога
В заросли диких роз.
Белая птица взлетела,
Крыльями затрепетала.
Белая чайка, не бойся —
Я издавна друг тебе!

Окольным путем я добрался
К Кымнангульской пещере*.
Здесь от Нефритовой Башни
Остались руины одни!*

О чем они повествуют,
Белые эти колонны?
Об искусстве Гун Чуя*?
О том, кто разрушил их?

Косон позади я оставил
И к Бухте Трех Дней* подъехал:
Шесть иероглифов красных
На склоне горы видны.
Где же четыре *хварана*,
Которые их написали?
Куда они удалились,
Ушли на четвертый день?

К Озеру Развлечений*?
Или к Пруду Бессмертных*?
Неужто они не присели
В Беседке Горный Ручей*?
Печально кричит кукушка.
Слива свой цвет роняет.
Мне никто не ответит —
И я продолжаю путь...

Заночевать решил я
На склоне восточном Наксана*.
До рассвета поднялся,
Чтобы встретить восход.
Увидел я в это утро,
Как дракон шестиглавый
Грядущим облакам пятицветных
На небо поднимал*.

Когда ж запывавшее солнце
Отделилось от моря,
Замерли в восхищенье
Все десять тысяч царств!
Оно поднялось так быстро
И всё вокруг осветило,
И каждая волосинка
Стала тогда видна!

Давно уже нет поэта,
Но он рассказал об этом.*
Кто утверждать решится,
Что слов его тоже нет?
Сердце другому сердцу
Раскрывает так много!
И благодаря поэту
Мир открывается нам!

...Вдоль подножья Хёнсана*
Тащит мой конь повозку.
В лучах заходящего солнца
Спускаюсь к бухте Кёнпхо*.
Здесь, на пологих склонах,
Кусты *чхольчук** расцветают,
Группами стройные елки
Выбежали на мыс.

Не шелохнется море —
Поверхность его простерлась
Куском серебряной ткани,
Проглаженной утюгом.
Сквозь прозрачную воду
Дно песчаное видно.
Сажусь в одинокую лодку,
Взмахиваю веслом.

В час предвечерний заводь
Спокойна и величава.
Лодка моя проплывает
Под мостом Канмунгё*.
Что на свете прекрасней,
Чем эти места у моря,
Где живо воспоминанье
О юной красе Хонджан*!

А вот и Каннын обширный,
Где девушкам добронравным
И юношам благородным
Ворота посвящены*.
Все вокруг — как когда-то.
В эпоху Яо и Шуня*,
Когда благодатью небесной
Был каждый дом осенен!

Где-то предел положен
Скитаниям человека,
Но нет предела надеждам,
Которыми он живет;
Он в высоту стремится,
Чтоб на плоту бессмертных
От северных звезд до южных
По вечному небу плыть.

...Землю от края до края
Пристальным взором окинув,
Стою, по ступенькам поднявшись
К Беседке Над Синей Водой*.
Кто бушевать заставляет
Эти громадные волны?
Кто швыряет их в небо
Серебряною горой?

Кто друг на друга несет их?
Кто могучим ударом
На тысячи мелких осколков
Вдруг разбивает их?
Зачем, кто может ответить,
Над гневно шумящим морем
Разносит ветер весенний
Вишневые лепестки?

...И снова стихает море.
Сумерки наступают.
Скоро из-за Фусана*
Взойдет молодая луна.
Жемчужную занавеску
На небе она поднимет —
И ярко блеснут на море
Яшмовые островки.

Восходит Звезда Рассвета.
Лотос цветы раскрывает.*
И всё, что меня окружает,
Подарено Небом мне.
И всё, что глаза мои видят
В этом чудесном мире,
Я непременно должен
И другим показать!

Я к луне обращаюсь:
Пусть она мне ответит,
Где те четверо славных?
Куда удалились они?
Где те четыре *хварана*,
Что путь на восток держали?
Из заповедного края
Кто весточку мне подаст?

Устал я в долгой дороге.
Однажды остановившись,
Прилег под старой сосною
И вскоре крепко уснул.
И мне явился бессмертный,*
И в чудном сне я услышал:
«Должно быть, ты провинился
Перед Владыкой Небес?*

И грешника он низринул
В человеческий омут...
Но погоди немного,
Вина моего испей!
Неиссякаемой чашей
Будет нам Ковш Небесный.
Синей водой океанов
Мы наполним его.

Раз, и другой, и третий
Пригубим волшебный напиток —
И божественный ветер
На крыльях поднимет нас.
Край заповедный снова
Откроется перед глазами...
Выпьем волшебный напиток.
Всех людей напоим!»

Так сказал небожитель,
И на журавле вознесся
Ввысь, к Девятому Небу*,
Откуда спускался ко мне.
В воздухе раздавались
Звуки нефритовой флейты.
Проснулся я — и увидел:
Только море внизу.

Его глубин я не знаю,
И что вокруг — я не знаю.
А свет луны озаряет
Землю, и воды, и твердь...

СОНСАНСКИЕ НАПЕВЫ

В Сонсан* пришел однажды некий странник
И к Ким Сонвону* обратился так:
«Не мог бы ты, любезнейший хозяин
Беседок Сигёнджон и Сохадан*,
Мне разъяснить мое недоумение:
Так много радостей доступно нам —
Зачем же ты всему предпочитаешь
Уединенье среди гор и рек?»

Подмел хозяин под большой сосной,
Потом на лавку положил подстилку.
К бамбуковому столику присев,
Они окинули окрестность взглядом.
По небу проплывали облака
К горе Сосок*, что служит им жилищем,
То собирались у нее на склонах,
То снова уходили от нее.
Внизу сверкала горная река:
Небесная Ткачиха* с громким шумом
По солнечной долине расстилала
Свои шелка, чтоб выкроить из них
Невиданные на земле одежды.

И вот что страннику сказал хозяин:
«Здесь я не помню о календаре,
Здесь время года узнают по краскам
Холмов окрестных и листвы деревьев.
И всё, что видишь ты перед собою,
Есть мир отрেকшихся от суеты.

*

Весна ко мне приходит тенью сливы,
Что расцветает под моим окном:
Меня ее благоуханье будит;
И с первыми лучами с ложа встав,

Я выхожу на солнечный участок,
Где высадил рассадку огурцов.
Здесь много дела у меня всегда:
Окучиваю, грядки подправляю
Или выпалываю сорняки,
Как тот старик, что у Ворот Зеленых*
Нашел себе занятие по душе.

Обув соломенные башмаки
И прихватив бамбуковую палку,
Иду я мимо персиков в цвету,
Потом вдоль луга по тропинке узкой.
А каменные ширмы скал прибрежных
В зеркальной отражаются воде,
И тень от них меня сопровождает,
Как верный друг, до Западной реки*...
Не здесь ли дивные сады Улина?
Не здесь ли Персиковый Ключ течет?

*

Внезапно налетевший ветер с юга
Ветвей густую сень пошевелил.
Трель несравненная слышна из рощи —
Откуда прилетел ты, соловей?..
В беседке над узорчатой водой
Дремлю я на подушке Си-хуана*,
Про все дела мирские позабыв;
Халат из мешковины подобрал
И шляпу из дерюжки нахлобучив*,
Любуюсь долго стайками рыбешек,
Резвящимися на песчаном дне.
В долине ночью дождик прошумел,
И лотос розовый, и белый лотос,
Испив прохладной влаги, расцвели.
Затишье. Всё вокруг благоухает.
Как будто встретил я сейчас Лянь-си*

И тайну бытия он мне поведал
Или даос, постигший мудрость мира,
Открыл мне книгу Яшмовых писем*.

Скалу Бакланов* обойдя, стою
У отмели, на тропке каменистой.
Укрывшись от полуденного солнца,
Сижусь под сосной на берегу.
Из синей речки выйдя на песок,
Со мною рядом мирно утка дремлет
Или, внезапно отряхнувши сон,
Заводит дружбу с хлопотливой чайкой.
На целом свете нет существ свободней,
Чем утка, чайка белая и я!

*

Сквозь сень *одбна** лунный луч скользнул.
Уже четвертую пробили стражу,
А тысячи ущелий и оврагов,
Равнин и гор освещены, как днем.
Не во дворце ли я сейчас Хрустальном,
Воздвигнутом на озере Сиху*?
Или через Серебряную Реку*
Перемахнул и на луне стою?..

Двойняшки-сосны над рекой склонились.
Пониже — рыболовные мостки.
Челнок отвязываю. Среди ряски
И зарослей ореха водяного
Плыву один — неведомо куда.
А на зеленом берегу реки
Пасут коров крестьянские мальчишки.
Я слышу в предвечерней тишине
Далекий звук пастушеской свирели.
И чудится, что от него проснется
Дракон, живущий в омуте речном.

И журавли, свои покинув гнезда,
К заре закатной взмоют в высоту.

Су Ши* в поэме «Красная Стена»
Воспел Седьмого месяца красоты.
Но разве кто доказывать решится,
Что середина месяца Восьмого
Не так же хороша, когда в ночи
Прозрачна даль и плещется порою
Волна у берега? Луна взошла
И посреди реки на якорь стала...
Вот так Ли Бо заморожен был сказкой*
И утонул, когда ловил луну!

*

В горах сметает ветер нелюдимый
Опавшую поблекшую листву.
Он стаи туч перед собою гонит,
Поля пустые инеем покрывает.
Владыка Неба вырезал искусно
Из яшмы белоснежные цветы
И разукрасил ими десять тысяч
Безлистных рощ и тысячи садов.

У переправы реку лед сковал,
И мостик обветшал и покосился.
Бредет через него старик-монах,
Настил ощупывая толстой палкой.
В какой обители покой найдет он?
Я знаю, что безмерно он богат,*
Но тайн обогащенья не откроет:
Пусть сам отыщет человек дорогу
В тот храм, что убран серебром зимы!

Нет собеседника в горах пустынных.
Здесь, летописи ханьские* читая,

Воображением я постигаю
Деяния глубокой старины.
О, сколько воинов и мудрецов
Стремилась к истине и совершенству!
Но с той поры, как твердью мир накрыт,
Он неустойчивостью отличался.

Непостижимы судьбы царств земных,
Эпохи процветанья и паденья!
Немыслимо печален путь, которым
Мятущийся проходит человек!
Прав был Сюй Ю*, когда в горах Цзишань
Водой источника промыл он уши.
Звук черпака, звеневшего под ветром,
Напоминал ему об искушеньях
И укреплял решимость. Он остался
Душою чистым, совестью прямым.
Подобно туче, приносящей бурю,
Мирская суета несет беду...

Вино есть молодое у меня,
И я к нему недавно пристрастился.
Кувшин придвинув, чашу наполняю
И пью, чтобы забыть о всех печалях.
Перебирая струны *комунгбó*,
Я начинаю петь про «Ветер в соснах»*...
Ты знаешь, я уже почти забыл,
Кто гость сегодня здесь, а кто — хозяин.
Должно быть, господин долины этой,
И гор зеленых, и прозрачных рек —
Журавль, тот, что парит сейчас над нами,
Тот, кто нас ждет в Нефритовом Дворце!»

И так хозяину промолвил странник:
«А разве ты не из бессмертных сам?»

ПАК ИННО

СЛОВО О ВЕЛИКОМ МИРЕ*

От Страны Равнины Серединной*
На Восток — лежит земля родная,
Край, где с незапамятных времен
Люди почитают справедливость,
Край, который среди всех иных
Книжною премудростью известен,
Край радушных и великодушных,
Государство прадедов моих!

На рассвете памятного дня
Вышло десять раз по десять тысяч
Пришлецов японских у Пусана*.
Сто колен корейского народа
Обнажили длинные мечи.
И война засеяла долины
Белыми костями. И Сеул,
Ближние и дальние селенья
Стали логовом для волчьей стаи,
И в великой скорби *ван** укрылся
За стенами крепости Иджу.

Но тогда на северных дорогах
Пыль взвилась и вновь запахло дымом:
Из Страны Равнины Серединной

На подмогу к нам друзья спешили!*
Две руки взметнули меч тяжелый,
И тяжелый меч тот опустился —
И враги бежали к побережью
Моря Южного... Свершилось так!

Счастлива земля, где полководцем
Был в ту пору храбрый Ли Сунсин*,
Тот, чью доблесть громко прославляют
Сто колен корейского народа,
Тот, который спас от самураев
Государство прадедов моих!

...Не забыть великого сраженья!
Словно тучи, словно тьмы драконов,
Развернув на десять тысяч *ли*
Пятицветные свои знамена*,
Наши воины вперед пошли!
Стало слышно, как холмы и горы
С места сдвинулись и строй сомкнули.
Молния сверкнула, гром ударил,
По долинам буря пронеслась,
И в руках у храбрецов осталась
Голова злодея Киёмаса*...

То была пора дождей муссонных.
Воины, измучившись в боях,
Не преследовали уходивших.
И хотя по-прежнему казалась
Крепость самурайская твердыней,
Знали мы, что только пепел там.
Нет, не оттого они погибли,
Что в горах Чосона* заблудились
И тропы в ущельях не нашли!
Вану нашему теперь забота:
Ста колен корейского народа

Благодарность обращает он
К братьям из Китая... Слава Небу!
Справедливо рассудил творец!

Мир! О мир! Тебя я ждал так долго.
Но чиста душа пред государем:
Я на поле битвы был семь лет,
Каждый час и миг готовый к смерти,
Чтобы это утро наступило.

Светит солнце. Стройными рядами
Мы идем — и мир несем желанный
Хижинам родимых деревень.
Слышишь флейты? Слышишь барабаны?
Слышишь, трубы славят этот день?
Свежий ветер западный колышет
В вышине знамена полковые.
Словно с поднебесья вниз спустились
Стаи пятицветных облаков,
Чтобы радость разделить с народом.
Перекинув лук через плечо,
Воины возвращаются домой
И поют — и песню слышно всюду.

Воины, взмахнув мечами, пляшут,
И под яркими лучами солнца
Блеск стальных клинков глаза слепит.
Над дорогой не смолкает песня,
И веселой пляске нет конца.
Испокон веков не знали люди
Торжества такого не земле!

И пришла пора, настало время
Луки все со стрелами собрать
И забросить далеко-далёко
За вершины поднебесных гор,

И заняться важными делами
Государства прадедов моих.

Видишь, как усталые бойцы
Сладко у обочины уснули.
И во сне они, наверно, видят,
Будто век вернулся золотой,
О котором говорят преданья,
Вещие преданья старины.

Люди, прятавшиеся в ущельях,
Женщины, и старики, и дети,
Словно ласточки с весенним ветром,
Возвращаются в свои дома.
Их истосковавшие души
Радостью охвачены великой.
Кто же не порадуется нынче,
Не восславит мужество народа?
Кто же не порадуется нынче,
Не восславит мудрость государя?
Это он вознес и возвеличил
Государство прадедов моих.

Помоги ж отчизне нашей, Небо!
Дай благополучье нам и счастье!
Ниспошли нам вечное согласие,
Солнцем незакатным обогрей!
Пусть живет, цветет страна в покое
Ровно десять тысяч долгих лет.
Пахаря за мирною сохою
Пусть прославят песнями поэт.
Пусть правитель правит справедливый
Десять тысяч лет страной счастливой
Государством прадедов моих!

ПЕСНЯ О ЁННАМЕ*

Что стали делать люди, возвратясь
На землю разоренного Ённама,
Когда стремглав от нас враги бежали
И кончилась Имджинская война?
Среди руин, заросших лопухами,
На пустырях землянки стали рыть,
И надо было вновь пахать и сеять
На брошенных давно уже полях!
Забот и тягот у людей хватало,
Повинностей у них не стало меньше!
В трудах своих о времени забыв,
Всегда голодные, в одежде ветхой,
Они хранили верность государю,
Который видит все и знает все!

О государь наш совершенномудрый!
На десять тысяч *ли* вокруг он видит.
Его добросердечью нет предела,
И добродетели границы нет!
Чтоб люд простой мог к жизни возродиться,
Вас, достославного, он к нам послал!

Лишь тот, чья мысль, как море, глубока,
Чьи помыслы светлее белой яшмы,
Мог «девять основных установлений»*
Народу бедствовавшему явить!
Вы поступаете, как Цзи и Се*,
Вы правите, *сангук**, как Шунь и Яо, —
Дух вечной истины и просвещения
Вы рассеиваете в толпе людской!
Вы, как отец, печетесь обо всех
Семидесяти областях подвластных;
Вы — словно мать, что днем и поздней ночью
Больное пестует свое дитя;

Вы — словно дождь, пролившийся с небес
На нивы в пору Засухи Великой*;
Вы — словно тот, кто в пруд родной вернул
На суше задыхавшуюся рыбу;
На тысячи семейств, на много тысяч
Всегда хватает вам забот и благ!

Как будто вешним ветром веет там,
Где добродетель стала основанием
Всего, что, о *сангук*, вершите вы
Для дела ратного и земледелья.
Здесь мирно трудится простой народ:
Крестьяне пашут, ткут холсты крестьянки.
Но войско храброе готово к бою,
И крепкий лук и стрелы под рукой.*
Подобная луне после дождя,
Ясна ваша душа, и дух ваш светел.
Вы государю преданы всегда
И государственным делам, в которых
Стремитесь строго следовать закону
Незыблемых естественных начал.*
Вы знаете: решением мудрым было
Назначить вас правителем сюда.
Не диво ли неслыханное в том,
Что свой народ правитель осчастливил?
Кто может оставаться равнодушным
К деяниям подобным, зная их?
Любовь у простолюдинов снискав,
Чиновники, поставленные вами,
Преобразили нищие селенья
В обетованную страну Улин.

Бамбуковая роща предо мной.
В ней школа, где Конфуция читают.
В беседке средь зеленых тополей
О веке золотом я слышу песню*.

Да, славные настали времена,
Такие, как при Гэтянь-ши* когда-то.
Сердца, не ведавшие благодати,
Открылись для ученья и добра.
Все тяжбы прекратились навсегда;
Темницы ворота свои раскрыли;
Судейские подворья опустели,
Не стало жалобщиков и сутяг.
В тысячелетье раз бывает так,
Чтобы судья без дела оставался:
Покой и тишина стоят повсюду,
И некого и не за что судить!
Своей дорогой женщина идет,
Своей дорогой следует мужчина.
И на полях возделанных не спорят
О том, где полагалось быть меже.

Поведай мне, кукушка, расскажи,
Встречала ли ты край такой, как этот?
«Ку-ку... ку-ку! Я далеко летала,
Такой страны, как эта, не нашла!»
Не забывайте, люди, ни на миг
Благодеянья своего *сангука*!
Купите шелку белого побольше,
Того, что прежде ткали в царстве Ци*,
Пусть краски рисовальщики возьмут
И все дела правителя опишут —
Так, как уже когда-то описали
Великие деянья Сыма Яня*!
Пусть вывешат полотнища в селеньях,
Чтобы о Ли Гынвоне знали все!

ПЕСНЯ ОТШЕЛЬНИКА
ИЗ МЕСТЕЧКА НОГЁ*

Стар я уже для странствий
По горам и долинам,
И все ж, наконец, решился
Исполнить свою мечту:
Надев одежду простую
И деревянную обувь,
Взяв бамбуковый посох,
В Ноге отправился я.

Край этот благословенный,
Горы его и воды,
Наверно, Землей и Небом
Предназначены мне.
Взойдя на утес высокий,
Увидел я спину дракона,
Узнал уснувшего тигра
В очертаньях хребтов.
Внизу, где речка сверкает,
Безветренно и прохладно,
И хижина приютилась
У зарослей камыша,
А чуть повыше над нею
Сосна одинокая встала,
И медленно белая тучка
Сквозь эту сосну плывет.
Только сюда пришел я,
Стал я всему хозяин —
Ключам, и лугам зеленым,
И ветерку, и луне.
Мои эти стаи чаек,
Стада быstroногих оленей,
И поле, не ставшее пашней,
И рыбная заводь реки.

Я здесь, как отшельник древний,
Сущность вещей постигаю,
И передо мной природа
Свой раскрывает лик.
И я становлюсь мудрее,
И я становлюсь счастливей
Под покровительством духов
Неколебимых скал.
Душа чиста и покойна,
Свободна от всех печалей,
Горным воздухом чистым
Грудь моя дышит легко.
Птицы и дикие звери
Уже меня не боятся,
И с каждым днем все прекрасней
Мир, открывшийся мне.

Остаться бы здесь навеки,
Рыбу удить ночами
Или на горном склоне
Поля пахать клочок!
Усадьбу и землю можно
Отдать сыновьям и внукам.
Но как разделить меж ними
Горы, ветер, луну?
Пусть я кажусь безумцем,
Но я завещаю детям,
Ближним и домочадцам
Все, чем в жизни владел.
Сын мой! Себя совершенствуй,
Приняв от меня наследство —
Знание вечной природы
И понимание ее!
Не книжник я, не философ,
Но это не променяю
Даже на должность министра

При королевском дворе.
Глупцом меня назовите.
Смейтесь — но я презираю
Богатства и пышной славы
Лазурные облака!

Ранним утром весенним.
Надев камышовую шляпу,
В руках с удилищем длинным
На берег я выхожу.
Дождик прошел недавно,
Теплеет с каждой минутой,
Прозрачна заводь речная,
Рыбки снуют по дну.
Они меня не боятся —
Я их ловить не стану.
Слежу, как плывут по речке
Белые облака.
Блеснула на солнце рыба,
Среди облаков играя.
Все одинаково сине —
Небеса и вода.
Резвые птицы беспечно
Взад и вперед летают.
Стоит плакучая ива
Темнозеленым шатром.
Пригорок в цветах и травах
Высится шелковой ширмой.
Звуки рыбацкой свирели
Ко мне ветерок несет...
Зову я детей. Мы вместе
Станем обед готовить.
Конечно, морской капусты
Нам в горах не найти.
Но папоротник отличный
И *тангвичхо** мы отыщем.

Можно сварить их с мясом
Дикого кабана.
Свежую дичь зажарим.
Замаринуем карпа.
Вино молодое я буду
До опьянения пить.
Потом отдохнуть прилягу
В тени расцветающей вишни,
На камень, мохом поросший
Голову положив...

Да будет вечен правитель!*

Ему я, как прежде, предан.
Мир и благополучье
Дал он родной стране.
Пусть о народе печется,
Чтоб были счастливы люди!
А я хочу жить, не старея,
В этом зеленом краю!

ХО НАНСОРХОН (ПОЭТЕССА)
(наст. имя — Хо Чхохи)

1563–1589

ТОСКА НА ЖЕНСКОЙ ПОЛОВИНЕ
ДОМА

Так недавно была молодой,
И красивой была, и счастливой!
Застревает в горле комком
Это грустное слово — старость...
Мать с отцом любили меня
И, лелея, меня взрастили,
И не князя искали они,
А достойного человека.
Но явился однажды сват,
Вслед за ним — гуляка столичный,
И, как водится, навсегда
Жизни наши соединили.
Я служила ему от души.
(Как по тонкому льду ступала!)
Дважды восемь девичьих лет
Мне тогда едва миновало.
Небом данная красота
Расцветала сама собою —
И казалось, что за нее
Приготовит судьба награду!

Но спешили прийти и уйти
Вешний ветер и месяц осенний,
Тот, который среди облаков —
Как челнок на станке средь нитей...
На щеках румянец горит,
Кожа белая, словно яшма, —
Куда ж все это исчезло вдруг?
Для кого я теперь желанна?
Посмотрю на свое лицо —
И глаза отвожу в испуге,
И стыжусь себя, и сержусь,
На кого я сержусь — не знаю!
...Говорят, в селенье у нас
Люди новые появились.
Как стемнеет, гуляют все
По окрестным лугам и рощам.
Но сижу я дома одна
И гадаю, где привязал ты
Белоснежного скакуна
С золочеными удилами.

...Если ты далеко от меня,
Значит, я навсегда забыта?
Если ты не видишь меня,
Значит, больше уже не любишь?
Год — двенадцать месяцев долгих!
В каждом месяце дней — по тридцать!
Сколько раз под моим окном
Отцветала ранняя слива!
Зимней ночью мороз суров
И метель метет, не стихая.
Летним днем обложные дожди
От зари до заката льются.
И весенней порой, когда
Зеленеют над речкой ивы

И пестреют в поле цветы, —
Ничего я не замечаю.
И осенней порой, когда
Лишь луна меня навещает
И стрекочет в углу сверчок,
Я вздыхаю и горько плачу.
От жестокой судьбы такой
Смерть одна несет избавленье.
Только силы нет у меня
Этот камень поднять и сбросить!

Зажигаю во мгле свечу.
Комунгó беру и играю.
И струна *комунгó* звучит
В лад печали моей глубокой.
Так в дождливую ночь бамбук
У реки шелестит одиноко.
Так кричит под луной журавль
У могилы тысячелетней.
Я играю — и жду, когда
Голос твой у дверей раздастся.
Но за пологом — никого,
И никто меня не услышит!
Изболелось сердце в тоске,
Разорваться в куски готово...
О, когда б я могла уснуть,
Чтоб во сне с тобой повстречаться!
Но шуршит на ветру листва,
И кричат непрестанно птицы —
Как враги, ни ночью ни днем
Ни на миг не дадут забыться!

Волопаса Ткачиха ждет
За Серебряною Рекою*.
В день седьмой, в седьмую луну
Суждена ей с любимым встреча.

Ты же, верно, у той реки,
Что в далеком краю бессмертных, —
Потому ли весть не подашь?
Никогда уже не вернешься?..

На дорогу молча смотрю,
По которой милый уехал.
На траву упала роса,
И вечерние тучки скрылись,
Средь бамбука в роще густой
Закричала тоскливо птица.
Говорят, на земле у нас
Хватит горестей и печалей.
Только той, что мучит меня,
Не встречали люди ни разу...
И сама не могу понять —
Умерла я или жива я!

ЛИ БАНЪИК

1757—?

СКИТАНИЯ ПО МОРЮ

(Отрывок)

...На судно я поднялся в день двадцатый
Луны девятой, в год «пёнджин»*, в тот час,
Когда волна прилива набегала.
Казался крохотным кораблик наш.
Со мною вместе были Ли Юбо
И шестеро бывалых мореходов.
Отдав себя во власть попутных ветров,
Мы парус подняли и вышли в путь.
Над западной грядой далеких гор
Садилось солнце, в море отражаясь.
Оно застало водные просторы
Шелками красными и голубыми.
Где небо тут? И где вода? Кто знает?
«Цвет у воды и у небес един!...»*
Вина отведав, охмелев немного,
В блаженстве такт рукою отбивал я,
Когда с северо-запада внезапно
На море вихрь могучий налетел.

Тут волны, высотой с Тайшань, взметнулись
Над безднами морскими до небес.

И страшно стало мне и мореходам,
И растерялись все — куда здесь деться?
Ведь мы, как птицы, улететь не можем!
Так где же нам спасение найти?
Сгущалась быстро мгла, и в темноте,
Как лепесток, носилось наше судно.
О, горе нам! В чем согрешили мы?
За что должны мы мать с отцом покинуть?
И Жизнь, и Смерть нам посылает Небо.
Таким от века был удел людской.
Но стать «голодным духом» в чреве рыб* —
Что может быть печальней и ужасней?
Подумаешь о детях и жене —
И словно перехватывает горло!
А если надо так — зачем еще
Терзанья голода, мученья жажды?..

Должно быть, небеса к нам снизошли —
И ливень ниспослали благодатный.
Тогда, руками мачту обхватив,
Мы ртом ловили капли дождевые.
Мучительную жажду утолили,
Но холодом сковало нам гортань...
Когда светлело — день мы узнавали,
Когда темнело — узнавали ночь.
И вот на горизонте перед нами
Три острова высоких показались.
Япония! — Мы догадались сразу
И стали поднимать поникший парус.

Но тут опять переменялся ветер —
И острова исчезли вдалеке.
А волны снова уносили нас,
И мы, как милости, просили смерти.
Вдруг слышим, как, по палубе ударив,
Забилось что-то — страх нас охватил!

Взглянули — рыба размер в *чхок**,
 Вся черная, по мокрым доскам скачет!
 Живую плоть на части разорвав,
 На восьмерых мы рыбу разделили.
 Так поддержали мы и берегли
 Жизнь, что чуть тлеет в ослабевшем теле.
 Кто скажет: Небо пищу нам послало
 Иль духи океана принесли?
 Когда бы эту рыбу мы не съели,
 В живых остался бы хоть кто-нибудь?

Шли дни... В четвертый день луны десятой
 Пред нами новый остров показался.
 Где ж силы взять, чтоб до него доплыть?
 Но в этот раз порыв могучий ветра
 Понес корабль — нас к острову прибило,
 И восемь человек с трудом великим
 На берег северный его взошли —
 И наконец вздохнули с облегченьем!
 Взглянули мы назад, на наше судно.
 Оно разваливалось на куски
 И уходило. Но куда — кто скажет?
 И, ужаснувшись, Небо мы спросили:
 На этом свете мы или на том?
 И все заплакали...

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

ПЕСНЯ О СКАЛЕ ДОЛГА*

К Павильону Чхоксонну* взойдя,
 Прошлое охватываю мыслью.
 Думаю о подвиге великом,
 Слезы перехватывают речь.
 Пусть века пройдут — но кто забудет
 Имя славное *кисэн* Нонгэ?!

Здесь у нас, где люди с давних пор
 Сохраняли верность Трем Началам,
 Вечным Добродетелям Пяти,*
 Расцветал мой город всем на диво.
 Здесь Намган — как пояс золотой,
 Здесь гора Летящий в Небо Феникс*.
 Здесь, в Чиняне*, дух вершин и рек
 Воплотился в девушке красивой.
 У нее душа была — как яшма,
 Помыслы — всегда чисты, как иней.
 Но увы! Красавице пришлось
 Стать «цветком у самого забора,
 Ивою у людного пути»!*

Наступил несчастный год «*имджин*»*.
 Преданность стране и государю

Малым ручейком едва журчала,
А рекой могучей не была!

Горе нам!.. И каждому — свое,
Каждому свой жребий предназначен!
Гневом праведным Нонгэ зажглась!
Здесь, у Павильона Чхоксонну,
В красной юбке и зеленой кофте
На скалу, похожую на спрута,
Поднялась она и стала ждать.

Вражеский военачальник к нам,
Как свирепый тигр, тогда явился.
Но, как мотылек летит к цветку,
Поспешил он к той, что ожидала!
Обхватила девушка его
Яшмовыми белыми руками,
Увлекла его с собой в пучину,
Погрузилась в синюю волну!
Потемнели небо и земля,
Духи зарыдали-застонали,
Оттого что госпожа избрала
С древности благословенный путь!..

Кто владыке своему служил
Так самоотверженно и верно?!
Есть ли кто на свете среди женщин
Добродетельней *кисэн* Нонгэ?!

Лунным светом юный лик ее
В зеркале Намгана отразился.
Так печальны были над долиной
Ветра гул и шум дождя глухой.
И собрались все *кисэн* Чинджу,
Над рекою памятник воздвигли,
Надпись высекли и принесли

Жертву духу светлому усопшей...
Думаю о подвиге великом,
Слезы перехватывают речь!

БЕЛАЯ ЧАЙКА*

Чайка белая! Не улетай!
Я тебя ловить не собираюсь.
К государю я попал в немилость —
И пришел сюда вослед тебе.
Чайка белая! Давай с тобой
Мы отправимся в тот край далекий,
Где пять ив стоят в уборе вешнем*,
Где невиданно прекрасно всё!
В край, где облака всегда белы,
Реки сини и цветы багряны,
В тысячи ущелий водопады
Низвергаются с крутых вершин.
В том краю невиданно прекрасном
Лишь бессмертные одни живут!

В том краю вершины высоки,
Сосны стройные стоят над ними,
Рвется ввысь бамбук темно-зеленый,
Зелень покрывает склоны гор.
Роза дикая на берегу,
Расцветая, жарко пламенеет,
Отцветая, лепестки роняет,
И они кружатся на ветру —
То опустятся, то вновь взметнутся...
Это ли не образ красоты?!

Вижу белку на крутой скале,
Черепашу возле быстрой речки.
В таволге весь день звенят пичуги,
Над пионами жужжит пчела.

Тельце небольшое у нее,
Лапки тоненькие, крыльца слабы:
Трудно спорить ей с весенним ветром,
Налетит — бросает вверх и вниз.
В солнечных лучах она танцует...
Это ли не образ красоты?!

Словно золотая, среди ив
Иволга счастливая летает.
Радостные бабочки-белянки
Вьются, как снежинки, над цветком.
Крыльями в полете трепеща,
Прилетят и снова улетают:
Далеко, как звезды среди неба,
Высоко, как полная луна.
Вьются, и порхают, и кружатся...
Это ли не образ красоты?!

ЖЕЛТЫЙ ПЕТУШОК

На рассвете мы расстались с милым —
И с утра ни вести, ни привета! —
Почему же нет тебя так долго?..
Ведь подумать только — не идет!

Сумерки спускаются на землю,
На луну залаяла собака —
Потому и нет тебя так долго?..
Ведь подумать только — не идет!

«Вешнею водой полны озера»*.
Глубоки озера в половодье! —
Потому и нет тебя так долго?..
Ведь подумать только — не идет!

«Тучи летние в горах сгустились»*.
Высоки причудливые горы! —
Потому и нет тебя так долго?..
Ведь подумать только — не идет!

Может, ты забрел куда не надо?
Как Сонджин, послушник у Юкквана*,
Тот, что на мосту остановился,
Встретив восьмерых прекрасных фей?
Верно, ты придешь, когда на ширме
Желтый петушок зашевелится,
Вытянет коротенькую шею,
Крыльями разок-другой взмахнет,
Словно он большой и длинношей,
Гордо голову свою поднимет
И о том, что утро наступило,
Громким кукареку возвестит?
Или ты уже, любимый, умер,
Стал волнами Хуанхэ широкой?
Если так, я парусною лодкой
Поплыву с тобой меж берегов!..

Эй, луна! Тебе все сверху видно —
Опусти над милым свой светильник,
Освети то место, где живет он!..
Ведь подумать только — не идет!

«От луны осенней свет струится»*.
Лунный свет лежит на всех дорогах.
Как же мог ты где-то заблудиться?
Что же до сих пор ты не пришел?

ПРИМЕЧАНИЯ*

С. 29. Астролог Юн (ок. 579–632) — астролог в Силла, создавший *хянга*, чтобы сгинула комета — небесное знамение, грозящее вторжением с Японских островов.

Город, над коим гандхарвы, вечно кружат. — То есть места божественной красоты; здесь: горы Кымгансан («Алмазные»), куда отправились *хвараны*. *Гандхарвы* (индийск.) — небесные музыканты, улаждающие богов.

...японское войско войной пошло. — Имеются в виду японские войска, которые не раз использовали одно корейское государство Пэкче в борьбе против другого корейского государства Силла.

Хваран — особый, весьма влиятельный социальный институт в эпоху Объединенного Силла (VII–X вв.), ведавший воспитанием юношества. *Хвараны*-наставники, объединявшие вокруг себя десятки (иногда до двухсот — трехсот) учеников, были призваны следить за физическим и нравственным воспитанием ученика, воинской подготовкой, образованием, в том числе усвоением «основ того, как управлять государством»; отстаивать интересы ученика в случае несправедливости, допущенной кем-либо из властей по отношению к ученику, и т. д. *Хваран*-наставник мог претендовать на преданность ученика только при условии соблюдения определенных нравственных норм, которые определялись «кодексом *хваранов*». В противном случае ученик мог покинуть наставника. Из *хваранов* вышли многие полководцы и государственные деятели. *Хвараны*

* В стихах примечания отмечены «звездочкой».

выполняли и шаманские функции; ведали государственным ритуалом; были хранителями и творцами местной поэтической традиции.

С. 29. «...звезда, подметающая путь» — комета, появление которой считалось дурным знаком.

С. 30. *Тыго* (конец VII в.) — *хваран* в Силла, ученик Чукчи, о тоске по которому он сложил *хянга*.

Чукчи — знаменитый *хваран*, много сделавший для объединения племенных союзов южнокорейских племен хань в сильное государство.

В переулке, где разрослась полынь? — Образ убогого захламления вдали от столицы; здесь поэт дождался вести — назначения на должность.

С. 31. *Синчхун* (VIII в.) — просвещенный государственный муж в государстве Силла. Согласно преданию, правитель Силла Хёсон-ван, будучи наследником престола, как-то отдыхая в дворцовом саду под тую, пообещал Синчхуну всегда помнить о нем. Но сев на престол, Хёсон-ван забыл внести его имя в список для награды, и тот, обидевшись, сочинил эту *хянга* (две последние строки ее утеряны). Следовательно, поводом к ее созданию было нарушение нравственных норм государем, а целью — стремление восстановить порядок в мире. «Песня о тую» — своего рода зеркальная параллель «Песне о *хваране* Кипха» (см. ниже).

С. 32. *Вольмён* (VIII в.) — в юности был *хвараном*, впоследствии стал монахом и принадлежал к секте «Чистая земля», почитавшей будду Амитабу. Его *хянга* «Молитва о покойной сестре», призванная помочь духу усопшей сестры, была включена в состав погребального ритуала.

Мир Амитабы — «Чистая земля Амитабы», мыслится в простонародном буддизме как рай где-то на западе. Амитаба — одно из прозваний Будды — «Будда Просветленный».

...путь до конца пройду! — Здесь: «...проживу остаток жизни, верно служа будде Амитабе».

С. 33. *Чхундам* (ок. 742–765 гг.) — силлакий монах, написавший *хянга* о *хваране* Кипха. Сведений о Кипха не сохранилось; видимо, он был *хвараном*-наставником, в «свите»-школе которого состоял в юности Чхундам. *Хянга*, как и «Песня о *хваране* Чукчи» (см. выше), отражает идеальный

вариант отношений между учеником-*хвараном* и его наставником.

С. 33. *Река Иро* — местонахождение неизвестно.

С. 34. «*Молитва слепого ребенка...*» — В сочинении Ирёна «События, оставшиеся от времен Трех государств» («Самгук юса», около 1285 г.) сообщается, что эту *хянга* сочинила женщина по имени Химён (середина VIII в.), пятилетнее дитя которой внезапно ослепло. Она заставила ребенка исполнить *хянга* перед изображением *бодхисатвы* тысячерукой и тысячеокой Гуаньинь, после чего он прозрел.

Гуаньинь (кит.; кор. *Кваным*; инд. *Авалокитешвара*) — в буддизме на Дальнем Востоке богиня милосердия, покровительствующая рождению и исцелению детей, а также защищающая людей от всяких напастей.

С. 35. «*Песня Чхоёна*». — Входит в состав сюжетного повествования о Чхоёне, помещенного в упомянутом сочинении Ирёна под 879 г. Чхоён — должностное лицо в Силла и, видимо, шаман; с помощью песни он изгнал духа болезни, завладевшего его женой. Дух болезни поклялся впредь не посещать те дома, где на воротах будут изображения Чхоёна. Подробно об этом см. далее в примечаниях к одноименному сочинению в песнях Корё.

С. 36. *Перерождения прежние* — живые существа проходят через цепь рождений, возрождаясь то в одном, то в другом облике в зависимости от поступков, совершенных в предыдущих перерождениях. Достижение просветления, состояния *нирваны* означало выход из цепи перерождений. Состояние просветления было достигнуто Буддой в итоге длительного самосовершенствования и подвигов самоотречения, совершенных им в прежних рождениях, до своего явления миру в человеческом виде как Гаутама из рода Сакья.

Все будды — достигший просветления становился буддой; будд было бесчисленное множество, и последним из них был Будда Гаутама.

Колесо Закона — согласно буддийским представлениям, процесс бытия подобен безначальному вращению колеса — Колеса Закона, Колеса Дхармы, Колеса Бытия. Цель буддиста — выйти из круговорота бытия, которое есть страдание, и достичь состояния *нирваны*. В данном случае поворот

Колеса Закона — шаг на пути к просветлению, к освобождению от бытия-страдания. Здесь публикуется шестая *хянга* из одиннадцати, принадлежащих Кюнё.

С. 37. «Тон-дон». — Название песни происходит от *тон-дон-дари*, подражания звуку барабана, которым сопровождается ее пение. В ней каждый куплет кроме первого, являющегося зачином, связан с определенным месяцем года, с первого по двенадцатый.

Первая луна — ранняя весна; в это время лед на реках становится хрупким: он то тает, то вновь подмерзает; по такому льду опасно ходить.

Фонарики сверкают. — Речь идет о народном празднике фонарей, который отмечался в ночь на пятнадцатый день второй луны. Лицо любимого, покинувшего девушку, сравнивается со светом этих ярких фонарей.

С. 38. В пятую луну на пятый день — «праздник дракона», когда собирали пустырник — лекарственное растение, которое, по народным поверьям, продлевало жизнь; его растирали, замешивали с рисовой мукой и затем делали из теста рисовые лепешки в форме колеса, откуда и сам день стал называться «днем колеса».

День пятнадцатый луны шестой — «день омовения (или расчесывания) головы»; в древности в этот день исполнялся обряд омовения головы и расчесывания волос. По окончании обряда гребни бросали в воду. Смысл обряда состоял в том, чтобы «смыть беды» со своей головы.

День пятнадцатый луны седьмой — буддийский праздник. В этот день совершался обряд подношения Будде земных плодов.

Денек искусных бабьих ножниц — пятнадцатый день восьмой луны; в этот день в старину при дворе собирали женщин со всей страны, делили их на две группы и каждую заставляли прясть и ткать. Побежденные в этом соревновании выставляли угощение победителям.

Девять лун прошло. Девятый день. — В этот день в Корее принято было выпекать рисовые колобки, подмешав к рисовой муке цветы желтой хризантемы, которые якобы имели целебные свойства.хлопоты, связанные с этим обычаем, напоминали корейцу, что приближается конец года. Девушка

переживает это особенно остро, ибо время идет, а она по-прежнему одинока. А ведь круг времени, положенный в песне, исчисляется всего двенадцатью месяцами.

С. 39. Пунди — колючий кустарник, плоды которого использовались в пище и при изготовлении лекарств, а из семян давили ароматичное масло. Из его веток иногда делали палочки для еды (*чоккарак*).

Две такие другу б подарить... — Подбирать пару палочек для еды, чтобы подарить их другу — мечтать о подходящем человеке, выходить замуж.

...другой их взял без спроса. — Эти слова надо понимать так: весь год иногда мечтаешь о любимом, а окажешься в руках у немилого.

С. 40. Чхоёнга. — Впервые сказание о Чхоёне появляется в древнем корейском памятнике «События, оставшиеся от Трех государств» («Самгук юса»):

«В царствование сорок девятого князя Хонгана (875–886) столица царства Силла простиралась до самого моря: плотно, стена к стене, стояли дома; ни один из них не был крыт соломой. Ни днем, ни ночью не смолкали в том царстве песни; днем и ночью звучала музыка на дорогах. Благодатное время! В строго положенное время лили дожди и бушевали бури.

И вот однажды великий князь решил побывать в Кэунпхо. Отправившись в обратный путь, он вскоре достиг реки, как вдруг пал туман, нависли тучи, все кругом потемнело, и князь, сбившись с дороги, заблудился. Потрясенный и испуганный, обратился он к спутникам. И тогда один из них, звездочет, так изрек ему: „Все это накликал дракон Восточного моря. Только добрым деянием можно отвести от себя эту беду“. И тогда великий князь повелел, чтобы в честь дракона воздвигнут был храм. И как только была объявлена воля великого князя, тучи рассеялись, туман разошелся. Потому и зовется ныне то место „Бухта рассеявшихся туч“ — Кэунпхо.

Дракон Восточного моря был очень доволен. Вместе с семью сыновьями явился он перед очами великого князя, восседавшего в паланкине. Восхваляя доблести князя, они плясали и вели игрища перед ним. А один из юных сынов дракона последовал за князем в столицу и стал ему верным помощником в управлении страной.

Звали его Чхоён. Великий князь дал ему в жены самую красивую женщину в княжестве и пожаловал ему чин *кыпкана*.

Жена Чхоёна была писаная красавица. И дух Оспы, узрев это, влюбился в нее, и, приняв человеческий облик, ночью, когда никого не было дома, пробрался в ее покои, и втайне от других спал с ней. Но вот вернулся домой Чхоён и видит: в опочивальне его не один, а двое. И тогда Чхоён, сложив песню, пропел ее и, придумав пляс, проплясал его. А в той песне пелось:

По столице под луною
До рассвета прогуляя я.
В дом придя, взглянул на ложе.
Вижу там две пары ног.
Две ноги — жены любимой.
Ну, а две другие — чьи?!

(Здесь в пер. Анны Ахматовой;
ср. пер. А. Жовтиса на с. 35)

И тогда дух Оспы явился ему и, преклонив колени, сказал: «Воспылав страстью к твоей жене, я совершил этот грех. Клянусь, что отныне, увидав твое изображение, я не посмею войти в двери человеческого жилья».

Вот почему жители нашей страны с тех пор вешают на дверях изображение Чхоёна, веря, что оно отгоняет напасти и приносит им счастье».

С. 40. *Торжественный зачин* представляет собой прославление эпохи государства Силла (до X в.), под эгидой которого произошло объединение трех королевств на Корейском полуострове.

Рахура (санскритское слово) — демон, пожирающий солнце и луну, персонификация солнечного затмения. Чхоён явился во время солнечного затмения, поэтому его сравнивают с демоном Рахура.

Три бедствия — потоп, пожары и ураганы.

Восемь напастей — потоп, пожары, войны, мор, иссякание источников питьевой воды, холод, жара, междоусобицы.

Шаньсян — букв. «слон на горе».

Пять ароматов — здесь подразумевается, согласно китайской легенде, благоухающее дерево с пятью корнями

и одним стволом, на котором было пять ветвей, а на каждой ветке по пять листьев, разделенных в свою очередь на пять прожилок, распускавшихся как цветы на одиннадцатый день и испускавших аромат до самых небес.

С. 41. *Семь сокровищ* — золото, серебро, лазурит, раковина тридакны, агат, коралл и горный хрусталь или жемчуг и биотит.

С. 42. *Ли* — мера длины, равная ныне 0,392 км.

С. 45. *Согён* («Западная столица») — старое название Пхеньяна. В период Корё (X–XIV вв.) были четыре столицы: Западная, Восточная, Южная и Центральная — современный город Кэсон.

С. 46. *Тэдонган* — река, на которой стоит Пхеньян; одна из пяти крупных рек Кореи.

С. 52. «*Туда, где галки черные кружатся...*» — *Сиджо* написано матерью Чон Монджу, государственного мужа, ученого, поэта.

С. 53. «*Пусть Небом суждено мне умереть...*» — Чон Монджу выразил в этом *сиджо* свою непоколебимую верность прежней династии, когда Ли Сонге захватил трон. Основатель новой династии Ли пытался склонить Чон Монджу на свою сторону, но тот остался непреклонным и вскоре был убит сторонниками Ли Сонге. Это одно из самых известных в Корею *сиджо*.

С. 54. «*Нет истины в словах, что облакам...*» — В этом *сиджо* обыгрываются два китайских поэтических образа: «бесстрастные облака», не имеющие отношения к миру суеты (из стихов Тао Юань-мина), и «облака, застилающие солнце» — дурные чиновники, окружающие государя (из стихов Ли Бо). Поэт намекает на обстановку в стране, когда, по существу, все государственные дела вершил советник правителя Конмин-вана (1352–1374) буддийский монах Синдон.

С. 55. «*Кто говорит, что зимнею порой...*» — В соответствии с традицией, идущей от «Бесед и суждений» («Лунььюй») Конфуция, «только сосна и туя не вянут, когда год холоден». «Сосна и туя» символизируют верных подданных. Автор, приверженец прежней династии, не видит вокруг себя преданных государю людей: все «сосны и туи» поывелись. Устоял лишь бамбук. Возможно, поэт имеет в виду

себя. С приходом Ли Сонге к власти Вон Чхонсок в знак несогласия с существующим правлением уходит со службы.

С. 55. *Где пять столетий царства протекли...* — Подразумевается государство Корё (X — конец XIV в.).

Манвольдэ — место в Кэсоне, где находился дворец государей Корё.

С. 56. *Объехал я руины городов // Когда-то процветающего царства.* — Речь идет о государстве Корё, и прежде всего о столичном городе Сондо (ныне Кэсон), пришедшем с воцарением династии Ли в запустение (столица была перенесена в Хансон).

О времена «покая при луне»... — В переносном смысле: правление совершенного мудрого государя; здесь: время правления династии Корё.

С. 58. *Нуёк* — соломенная накидка от дождя.

С. 60. *Мансусан* — гора в окрестностях Кэсона. Существует предание, будто с этим *сиджо* на пиру обратился к Чон Монджу сын будущего основателя династии Ли, предлагая ему примкнуть к сторонникам Ли Сонге. Ответом было знаменитое *сиджо* Чон Монджу (см. с. 53).

С. 61. *«Над Чанбэксаном взвили мы знамена...»* — Как и предыдущее стихотворение, это *сиджо* написано видным военачальником Ким Джонсо, прозванным «Большим Тигром» за победы над чжурчжэньскими племенами на севере Корейского полуострова. *Чанбэксан* (кит. Чанбайшань) — плоскогорье, расположенное на севере Кореи и в Северо-Восточном Китае.

Туманган (кит. Тумьшьцзян) — река, берущая начало на плоскогорье Чанбэксан и впадающая в Японское море.

Линъяньгэ — павильон, в котором по указу танского императора Тай-цзуна в 644 г. были помещены портреты двадцати четырех преданных подданных, прославившихся в Китае в разные времена.

С. 62. *«Когда летит на землю белый снег...»* — Стихотворение одного из «шести казенных сановников», поддерживавших государя Танджона (см. Предисловие М. Никитиной).

С. 63. *Пэнлай* — в китайской мифологии одна из трех гор-островов в Восточном море, обитель бессмертных.

Здесь подразумеваются горы Кымгансан (Алмазные). О Сон Саммуне см. Предисловие М. Никитиной.

С. 65. *Комунго* — корейский шестиструнный щипковый инструмент, изобретение которого традиция приписывает когурёскому музыканту V в. Ван Санаку. Когда тот впервые заиграл на *комунго*, сообщает легенда, с неба спустился черный журавль и стал танцевать. Отсюда и другое название *комунго* — «лютя черного журавля» (*хёнгым*).

С. 66. *«Мне люди говорят: минувшей ночью...»* — В этом стихотворении автор, один из «шести казенных сановников», скорбит о гибели талантливых людей своего времени, с которыми расправился Седжо, узурпировавший трон в 1456 г.

С. 67. *«В журчанье волн речных, бегущих мимо...»* — Стихотворение является откликом на незаконное восшествие на престол Седжо. В знак протеста поэт оставил службу и стал отшельником.

С. 68. *«Взошел я на вершину Пэктусана...»* — В этом *сиджо* прославленного полководца, в возрасте 28 лет казенного по навету завистников, отражены его думы о судьбах родины. *Пэктусан* (кит. Байтоушань) — гора на границе между Кореей и Китаем; считается национальным символом Кореи.

Юэ и ху — здесь: чжурчжэни и японцы, совершавшие в XV в. набеги на Корею.

С. 70. *«О, если бы ты все-таки остался!»* — Государь Сонджон (годы правления 1469–1494) не хотел отпускать со службы преданного сановника — князя Хоина, который неоднократно отпрашивался, мотивируя свою просьбу тем, что должен навестить престарелую мать. Государь уступил и на прощальном пиру сложил это *сиджо*.

С. 71. *Багряная пыль* — символ мирской суеты.

С. 72. *«Покамест эта утка-коротышка...»* — Это *сиджо* своего рода заздравный тост поэта в честь государя Чунджона (1506–1544).

С. 74. *Из цикла «Двенадцать напевов Тосана».* — Цикл *сиджо* написан Ли Хваном, крупнейшим философом-конфуцианцем и незаурядным поэтом, в селении Тосан близ Андона провинции Северная Кёнсан. Часть стихов цикла посвящена раздумьям о природе вещей в духе учения китай-

ского мыслителя XII в. Чжу Си, а часть — размышлениям о воспитании.

С. 75. *Белый жеребенок* — образ необратимого и быстро течения человеческой жизни; он противопоставляется образу «белой чайки», которая, улетая, возвращается обратно. Истоки его в китайском даосском трактате «Чжуан-цзы», в нем сравнивается жизнь человека с прыжком белого жеребенка через скальную расщелину: мгновение — и она промелькнула. Сходный образ встречается в древнекитайском памятнике «Книга песен» («Шицзин»), в песне о «Светло-светлом жеребенке», которого, стреножив, тщетно пытаются удержать, чтобы он не уносил седока и чтобы «утро длилось вечно» и «вечер длился вечно».

«Пусть даже гром грохочет над горами...» — Здесь воплощена основная идея всего цикла: хотя очевиден вред борьбы придворных группировок, но ничего не предпринимается для ее устранения.

«Тот путь, что прежде избран был тобою...» — Здесь выражена решимость поэта следовать учению Чжу Си (см. примеч. к с. 74).

С. 76. *Хоннянсан* — горы в провинции Северная Кёнсан.

С. 78. «Ты не гордись своим течением быстрым...» — С этим *сиджо* связано следующее предание. Отпрыск царствующего дома по имени Пёкке (Синий Ручей) хвастался тем, что ему не страшны женские чары. Услышав об этом, поэтесса Хван Джини, известная под литературным именем Мёнволь (Ясная Луна), решила испытать его. Через друзей она посоветовала Пёкке поехать в Кэсон полюбоваться лунным пейзажем, а сама последовала за ним. И когда он стоял, зачарованный луной, на Манвольдэ, до него донеслось пение этого *сиджо*. Вскоре перед ним предстала Хван Джини. Неожиданное появление красавицы в ночной тиши тронуло сердце юноши. В *сиджо* обыгрываются имена «Синий ручей» и «Ясная Луна».

Третья стража — время от 11 до 1 часа ночи. В старину в странах Дальнего Востока время от 7 вечера до 5 часов утра делилось на пять страж по два часа каждая. Наступление новой стражи возвещалось ударом в колокол, гонг или барабан.

С. 81. *Тайшань* — одна из священных гор в Китае, находится в провинции Шаньдун.

С. 85. *Железная Крепость* (Чхоронсон) — хорошо укрепленная крепость на северных рубежах Кореи.

С. 86. *Единым двум началам внемлю я...* — Согласно дуалистическому учению в китайской натурфилософии, полярные космические силы *Инь* (Тьмы) и *Ян* (Света) суть раздвоение единой природы, формы проявления Единого Изначального. Эта дуалистичность распространяется на все сущее в мире.

С. 87. *Каягым* — корейский двенадцатиструнный щипковый инструмент, создание которого приписывается Урыку (VI в.), знаменитому музыканту страны Карак на самом юге Корейского полуострова.

С. 90. «Девять излучин Косана». — Цикл из десяти *сиджо* (включая пролог), написанный Ли И в 1577 г. В нем воспеты живописные излучины небольшой речки в горах Косан (уезд Хэджу) на западном побережье Кореи, где жил Ли И, погружившись в изучение трудов китайского философа Чжу Си.

Уи — гора в провинции Фуцзянь (Китай), где вел жизнь отшельника Чжу Си и где он создал стихи «Девять излучин Уи».

Ильгок — букв. «Первая излучина», *Игок* — букв. «Вторая излучина» и т. д. Первые слоги обозначают порядковые номера излучин реки.

С. 92. *Цинь* — китайский струнный инструмент типа люти. Согласно китайской легенде, когда правитель Пин (IV в. до н. э.) заиграл на *цине*, прилетели журавли и стали танцевать в его покоях. Сходная легенда существует и о корейском *комунгё* (см. примеч. к с. 65).

С. 95. *...И молча мне на небо указал.* — Речь идет о даосском отшельнике, цель жизни которого — достигнуть на земле бессмертия, а затем вознестись на небо.

С. 96. *Лю Лин* — китайский поэт, живший в начале правления династии Цзинь (265–420) и посвятивший много стихов вину.

«Одинокий журавль». — Журавль — священная птица, на которой будто бы возносятся на небо небожители; символ уединения и долголетия. В образе одинокого журавля, не стоящего с другими птицами, поэт изображает себя, а под земным миром подразумевает мир, из которого он был

изгнан, т. е. жизнь корейского двора, раздираемого борьбой группировок.

С. 97. *Канвон* — провинция на восточном побережье Корейского полуострова, куда Чон Чхоль был назначен губернатором в 1580 г.

«О, как безжалостно в густом лесу...» — Здесь поэт под «высокими деревьями», пригодными на стропила, подразумевает опору государства («большой государев дворец») — способных чиновников, подвергшихся гонениям в 1545 г.

С. 98. «Мой добрый конь с обвислыми ушами...» — В первых двух строках *сиджо* содержится намек на эпизод из древнекитайского исторического сочинения Лю Сяна «Планы воюющих царств» («Чжаньго цэ»): «Одряхлевшему скакуну пришлось везти однажды в гору повозку с солью. Он выбился из сил, а на него взирал печально Бо-яо, знаменитый знаток лошадей. Конь от ярости заржал, да так громко, что на небесах все всполошились».

Чхоллима — мифический конь, пробегающий за день тысячу *ли* (1 *ли* = 0,393 км).

С. 99. *Сон Хон* (1535–1598) — корейский ученый и государственный деятель. Находясь в ссылке, он занимал должность «попечителя земледелия в том же селении, где опальный поэт был старостой.

С. 100. *Крепость Тэбан* — старинное название города Намвона в провинции Северная Чолла. Здесь потерпели поражение войска корейского государства Пэкче от армии тайского Китая, здесь в период Объединенного Силла была одна из четырех «малых столиц».

Пятая стража. — См. примеч. к с. 78.

Каннам (букв. «Земли, лежащие к югу от реки [Ханган]») — старое название провинции Чолла, куда в 1585 г. поэт был отправлен в ссылку. Здесь и в других стихах Чон Чхоля под «милым», «любимым» подразумевается государь.

...*На девяносто тысяч долгих ли...* — По представлениям народов Дальнего Востока, таковы ширина и высота небесного свода.

С. 101. *Отмели Хангана* — пороги на самой крупной в Центральной Корее реке Ханган близ столицы Хансон

(Сеул), где находилась резиденция государя, о котором тоскует опальный поэт.

С. 101. «*Неужто лес, пригодный на стропила...*» — В этом и следующем *сиджо* поэт говорит о гибельности для пришедшей в упадок страны постоянных распрей между двумя враждующими придворными группировками — «западной» и «восточной».

С. 102. «*Мне ли завидовать чужому смеху...*» — Поэт, временно отлученный от двора с приходом к власти «восточной» группировки, смеется над ее пирровой победой и верит, что государь одумается и вспомнит о своих верных помощниках — представителях «западной» группировки.

С. 106. *Приятель Ко* — имеется в виду Ко Гёнмён (1533–1592), ученый и поэт, друживший с Чон Чхолем.

Южный Холм (Намсан) — здесь: название горы к югу от Кёнджу в провинции Южная Кёнсан.

С. 107. «*Любуясь яшмовым старинным кубком...*» — Поэт, возвратившись в столицу в разгар борьбы придворных группировок, вспоминает, как десять лет назад, в 1567 г., государь преподнес ему кубок с вином во время избрания его в члены придворной академии Октан («Яшмовый зал»).

Два будды каменных — во многих местах Кореи возвышались каменные изваяния Будды и буддийских божеств.

С. 108. *Цзя И* (201–169 гг. до н. э.) — китайский ученый, поэт, государственный деятель, сосланный по навету в Чанша (в провинции Хунань). Там он сочинил «Оду о зловещей птице», в которой призывал спокойно принимать и благословение и изгнание. Но вот случилось так, что император пожаловал Цзя И должность «великого наставника» при своем младшем сыне, который вскоре разбился насмерть, упав с коня. Цзя И очень сокрушался: более года он проливал горькие слезы и вскоре тоже скончался. Чон Чхоль, познавший горечь опалы, сравнивает себя с Цзя И.

«*С высокой башни, что парит доньне // Над громкой славою восьми веков...*» — Автор имеет в виду эпоху возвышения и расцвета могущественного корейского государства Силла (I в. до н. э. — VIII в. н. э.). Упомянутый в стихах колокол был отлит в VIII в. для монастыря Пондокса.

С. 109. «Сяоцзин» («Книга о сыновней почтительности») — конфуцианское каноническое сочинение, приписываемое одному из учеников Конфуция — Чжэн-цзы.

«Сяосюэ» («Сяосюэ цзичжу» — «Малое учение, с комментариями») — конфуцианский учебник для детей, комментирование которого приписывают сунскому ученому XII в. Чжу Си.

С. 110. «Журавль уже куда-то улетел...» — Этот стих навеян стихотворением Ли Бо «Поднимаюсь на Террасу Фениксов в Цзиньлине». Чон Чхоль с грустью покидает место своего изгнания — Чханпхён, будучи вызван ко двору.

С. 113. *Селенье Абрикосов Цвет* — название деревушки, где есть кабачок; образ из стихотворения китайского поэта IX века Ду Му.

С. 114. *Остров Хансан[до]* — остров у южного побережья Кореи, где во время Имджинской войны (1592–1598) флотоводец Ли Сунсин нанес японским захватчикам сокрушительное поражение.

С. 117. «В долину, где зеленая трава...» — Стихотворение написано на смерть поэтессы Хван Джини (см. ее стихи в этой антологии).

С. 120. *Цзя-тайфу* — см. Цзя И в примеч. к с. 107.

У-ди (141–87 гг. до н. э.) — китайский император династии Хань, превративший страну в централизованное бюрократическое государство на конфуцианских началах и укрепивший в ней деспотические порядки. Поэт сравнивает правление корейского тирана Кванхэ-гуна (1608–1623) с временами У-ди.

С. 122. *Одён* (кит. «утун») — одна из пород масличных деревьев, на которых будто бы жили фениксы.

С. 124. «*Стоит утес*». — Цикл *сиджо* посвящен военачальнику Чану, герою Имджинской войны против японских захватчиков.

С. 125. *Кёкчиллён* — вымышленное название хребта, означающее «Отделенный от мира».

Терраса Пхиседэ — вымышленное название террасы; букв. «Мирное уединение».

Улин — местность в китайской провинции Хунань, где будто бы находилась утопическая страна счастья, воспетая великим китайским поэтом Тао Юань-мином (365–427) в произведении «Персиковый источник».

С. 125. «*Хурма на блюде*». — *Сиджо* написано поэтом в 1601 г. в связи с кончиной отца. Он посетил дом своего друга поэта Ли Докхёна, где получил в подарок раннюю красную хурму.

С. 126. *Вершины Чонуллёна* — вымышленное название гор; букв. «Хребет, где останавливаются облака».

Пятицветные облака — благовестные облака.

«*Ворона в стае фениксов*». — *Сиджо* написано в 1611 г., когда поэт, вынужденный из-за придворных интриг оставить службу, уезжает к себе на родину в Ёнчхон.

С. 127. *Кансансан* — вымышленное название горы; букв. «Гора над рекой».

С. 129. *Большой Нефритовый Дворец* — сказочный дворец верховного божества; здесь: государевы покои.

Небесный Ковш — созвездие Большой Медведицы.

С. 131. *Куинсан* — вымышленное название горы; букв. «Девять наполнений», символизирует заслуги человека, которые возрастают благодаря его непрестанному труду.

С. 132. *Мило* — река в Китае, в которой утопился великий китайский поэт Цюй Юань (340–287 гг. до н. э.), будучи оклеветан завистниками перед правителем.

Терраса Кегудэ — вымышленное название террасы; букв. «Избавление от страха».

С. 133. *Синьлин-цзюнь* (или У-цзи) — младший сын вэйского князя Чжао-вана в Китае; жил в период «Сражающихся царств» (V–III вв. до н. э.), был видным государственным деятелем, окружавшим себя достойными людьми и пользовавшимся их советами на благо своего царства; ему было пожаловано владение в Синьлине, отчего был прозван Синьлин-цзюнем, т. е. «правителем Синьлина».

С. 134. *День Холодной Пищи* — в старой Корее на 105-й день после дня зимнего солнцестояния в очагах не разводили огонь.

С. 137. «*Я слышу, как зовут меня: „Сосна!“*» — Стихотворение строится на игре слов: «Сори» — имя поэтессы и «сори» — по-корейски «сосна».

С. 138. «*Я смастерила лодку из сосны...*» — Стихотворение строится на игре слов: Куджи — имя поэтессы звучит

так же, как и наречие «крепко», а имя ее возлюбленного — Лю Ильджи — созвучно словосочетанию «ветка ивы».

С. 140. «Я уезжаю, о гора Самгак!..» — Сиджо о разлуке поэта с родиной. В 1637 г. корейский двор капитулировал перед войсками империи Цин. Китайское правительство потребовало в качестве гарантии выполнения Кореей «вассальных обязательств» присылки главных противников капитуляции. В их числе был и Ким Санхон, занимавший пост первого министра. На чужбине он несколько лет провел в заточении. *Гора Самгак[сан]* — гора в окрестностях Сеула; букв. «Трехрогая».

С. 141. *Ноин[сон]* — по представлениям древних корейцев, звезда долголетия, от которой будто бы зависела судьба человека.

С. 142. «В тот день, когда любимый уезжал...» — Поэт был крупным государственным деятелем. В стихотворении он пишет о безграничной преданности государю, с которым он вынужден был разлучиться в тяжелые годы маньчжурского нашествия.

Амноккан (кит. Ялуцзян) — большая пограничная река между Кореей и Китаем.

С. 143. *Стоит в горах пустынных тишина, // Лишь слышится печальный крик кукушки.* — Согласно китайскому преданию, кукушка в горах — это душа правителя древнего царства Шу, отказавшегося от престола, удалившегося в горы и скончавшегося от тоски по родным местам.

С. 146. «Новые песни в горах». — Цикл написан поэтом Юн Сондо в 1642 г. во время ссылки на юг Кореи. Стихи навеяны произведением Тао Юань-мина «Домой, к себе».

С. 147. *Девять Истоков* — по древним поверьям, загробный мир.

С. 148. «Времена года рыбака». — Цикл сиджо создан поэтом в изгнании в 1651 г. по мотивам поэмы неизвестного автора XIV в. «Песня рыбака».

С. 149. «Чиста вода...» — поэтический образ, навеянный произведением великого китайского поэта Цюй Юаня (340–278 гг. до н. э.) «Отец-рыбак», в котором рассказывается о встрече поэта-изгнанника с отшельником-рыбаком. В трагический момент, когда оклеветанный поэт приходит

к мысли о самоубийстве, он спрашивает отшельника, как ему быть. Тот в ответ поет песню:

Когда чиста Цанланская вода-вода,
В ней я могу мыть кисти моей шапки,
Когда ж грязна Цанланская вода-вода,
В ней я могу и ноги свои мыть...

(см. *Китайская классическая проза*
в переводах В. М. Алексеева. М., 1958. С. 42–43)

Чистая вода реки Цанлан — символ гармонии в мире. Вот тогда можно идти служить (омыв завязки своей чиновничьей шляпы). Мутная вода — знак нарушения порядка в мире. В этом случае лучше удалиться от людей и стать отшельником.

С. 152. *Марым-трава* — водяной орех (растение из семейства рогульниковых).

«Когда вода мутна, в ней ноги мыть...» — Опять строка из того же произведения Цюй Юаня «Отец-рыбак», на этот раз связанная с его трагической судьбой (см. примеч. к с. 149).

«„Поедем в царство У!“ — Но реки там // Тысячелетний гнев хранят в пучине!» — Речь идет об У Цзы-сюе (V в. до н. э.), советнике усюго правителя Фу-ча. У Цзы-суй был вдохновителем побед китайского царства У над соседними царствами, в частности над Юэ. Когда правитель побежденного Юэ прислал в подарок Фу-ча красавицу Си Ши, У Цзы-суй советовал не принимать ее, дабы она «не погубила царство». Фу-ча не послушал его и, поверив клевете, приказал У Цзы-сюю покончить с собой. Перед смертью тот обратился к своим домашним со словами: «После моей смерти выньте мои глаза и повесьте на воротах столицы, пусть они увидят, как враги из Юэ войдут в них и погубят У». Фу-ча, услышав об этом, в гневе схватил труп У Цзы-сюя, сунул в кожаный мешок и бросил в воду. Через десять лет случилось то, что предсказывал У Цзы-суй: царство Юэ пошло войной на царство У и разгромило его.

С. 152. «„Поедем в Чу!“ — Но в чреве чуской рыбы // Душа поэта скорбная живет!» — Имеется в виду Цюй Юань, уроженец царства Чу (см. примеч. к с. 149). У Цзы-суй и Цюй

Юань не были погребены, их тела поглотила вода. Согласно представлениям того времени, страшна была не сама физическая смерть, а смерть «ненормальная» (насильственная или без погребения), которая якобы отрицательно сказывалась на загробной судьбе данного человека и всего рода в целом.

С. 153. *Шунь* — легендарный китайский правитель (XXIV–XXIII вв. до н. э.), вместе со своим тестем Яо почтившийся традицией совершенномудрым. Благое влияние его личности было таково, что, когда «Шунь обрабатывал землю у гор Лишань, все, кто жил у этих гор, стали уступать друг другу межи; когда он ловил рыбу в озере Лэйцзе, все, жившие у этого озера, стали уступать друг другу места; когда он гончарничал на берегу реки Хуанхэ, вся посуда, выделяемая на берегу Хуанхэ, не имела больше изъянов». Так ведут себя подданные, когда страной правит совершенномудрый государь.

С. 154. *Комары* — здесь переносно: низкие люди, заботящиеся только о своей корысти.

«*Мухи синие*» — недостойные чиновники, окружающие государя.

...*наушник не подслушал*... — намек на Сан-дафу, чиновника времен ханьского У-ди (II в. до н. э.), имя которого стало символом корыстного и недостойного человека, использующего свое положение в корыстных интересах и во зло государству.

«*Лодка на пустынной переправе*»; «*травы пышные на берегу*» — строки из стихотворения китайского поэта Вэй Ин-у (736–825) «У горного потока к западу от Чучжоу».

С. 157. «*Легла на землю белая роса...*» — строка из поэмы в прозе «Красная Стена» известного китайского поэта и философа Су Ши (псевдоним Су Дун-по; 1036–1101), в которой говорится о вечности луны и преходящем под луной (рус. пер. см. в кн.: Китайская классическая проза в переводах В. М. Алексеева. М., 1958. С. 314–320).

Башня Фениксов — здесь: дворец государя.

С. 157. *Эликсир бессмертия* — согласно китайскому мифу, на луне живет яшмовый заяц, который толчет в ступе лекарство, дарующее бессмертие.

С. 157. «*Повсюду есть земля, над нею — небо...*» — По дальневосточным культурным представлениям небо — активное начало, государь; земля — пассивное начало, подданный. Ни один из них не существует без другого. В данном стихотворении говорится о том, что поэт живет один, т. е. как подданный без государя, и это плохо. Зато даже в этой ситуации есть хорошее: нет всего, что связано с недостойными подданными государя («*Пыль с запада сюда не долетает*»).

...*Там нет нужды и уши промывать!* — В строке намек на китайское предание об отшельнике Сюй Ю. Когда правитель Яо, прослышав о мудрости Сюй Ю, предложил ему престол, отшельник почел свой слух оскверненным таким предложением и поспешил омыть уши водой из реки Инчуань, возле которой он жил.

С. 158. *Сян* — река, впадающая в озеро Дунтин[ху], большое озеро в провинции Хунань в Китае, не раз воспетое в корейской поэзии. Согласно преданию, в реке утонули две жены легендарного государя Шуня, отправившиеся на юг к месту, где скончался Шунь. Эти озеро и река неоднократно воспевались в поэзии народов Дальнего Востока.

С. 160. *Куда-то к ночи вороны летят?.. <...> С мира смоем стыд?* — В этих строках содержится намек на исторический эпизод. В Китае в 817 г. был поднят мятеж. Крепость, где засели мятежники, была взята хитростью во время сильного снегопада. Находчивый военачальник приказал солдатам распугать гусей и уток на пруду около крепости. Поднятый птицами шум был принят осажденными за движение войск, крепость пала, главарь мятежников «признался в преступлениях». Положение дел в государстве было исправлено, т. е. «смыл стыд». Так было в древности, а сейчас, когда государь, удаливший в ссылку поэта, окружен в столице недостойными людьми, по вине которых пострадал поэт, некому «ударить по воде пруда», чтобы поправить дело.

С. 161. «*Коса в семь ли*» — переказ Цзилитань (Китай), где удил рыбу отшельник Ян Гуан (Ян Цзы-лин), живший во времена ханьского императора Гуан-у-ди (25–57 гг. н. э.).

Вэйшуй — река, на которой удил рыбу китайский мудрец Цзянь-тайгун (настоящее имя — Люй Шан) во времена

чжоуского правителя У-вана (XII в. до н. э.). Поэт говорит о том, что не один он ведет такой образ жизни, древние мудрецы тоже так поступали. По-видимому, не случайно названы два мудреца, ставшие впоследствии советниками своих государей. Поэт рассматривает свою ссылку как временную.

С. 171. *Пэкхасан* — по-видимому, вымышленное название горы, легшее в основу псевдонима поэта; букв. «Гора с белым подножием».

С. 176. *Четыре Моря* — моря, как предполагали древние китайцы, окружали Срединное государство, т. е. Китай.

С. 178. *Хвагэдон* (букв. «Долина цветов») — местность в районе Сеула.

С. 180. *Башня Кёнхверу* — башня, построенная на территории государева дворца Кёнбоккун в Сеуле в 1412 г.

Гора Инван и перевал Анхён — находятся в окрестностях Сеула.

С. 181. *Лазурное облако* — переносно: путь почестей; белое облако — жизнь вне мирской суеты.

С. 184. *Ли Бо* (701–762) — великий китайский поэт, о котором сложено множество легенд.

С. 185. *Восточное море* — Японское море.

С. 186. *Сонджин* — бухта на восточном побережье Корейского полуострова.

Мачхоллён — хребет на северо-востоке Кореи.

С. 187. *Кэгольсан* — образное название Кымгансана (Алмазных гор) в осенний и зимний периоды.

Сораксан — гора на севере провинции Канвон.

С. 191. «*Не радуйся четверке лошадей...*» — В стихотворении использована старинная пословица, встречающаяся еще в «Исторических записках» («Шицзи») китайского историографа Сыма Цяня (II–I вв. до н. э.), где она вложена в уста полководца Хань Синя: «Действительно, получается так, как мне предсказывали люди: „Когда все птицы перебиты, прячут самый лучший лук“, „Когда истреблены все зайцы, жарят охотничьих собак“, „Когда вражеское государство повержено, казнят своих советников“, — сказал Хань Синь. — Ныне Поднебесная покорена, и меня казнят!..» Поэт говорит о том, что, чем выше возносится человек, тем это опасней для него.

С. 199. *Мачхоллён* — см. примеч. к с. 186.

С. 204. *Красная Стена* — название горы на реке Янцзы в Китае, воспетой Су Дун-по (он же Су Ши; см. в примеч. к с. 157).

С. 208. *Тигровая бабочка* — корейское название бабочки «парусник».

С. 211. *Мань и ди* — здесь: японцы и маньчжуры, вторгшиеся в Корею соответственно в 1592–1598 и 1636 гг.

С. 213. *Душа моя кукушкой обернется*. — См. примеч. к с. 143.

С. 214. «*И на стене звенит мой меч тяжелый...*» — *Сиджо* неизвестного автора, посвященное Имджинской войне с японскими захватчиками.

С. 215. *Три тысячи ли* — расстояние, равное протяженности Корейского полуострова с севера на юг; отсюда и образное название Кореи — «Страна в три тысячи ли».

С. 216. *Ли Бо* — см. примеч. к с. 184. Существует легенда, согласно которой Ли Бо утонул, погнавшись на ките за луной.

С. 219. *Восемь красот Кымгансана* — имеются в виду красивейшие пейзажи Алмазных гор на восточном побережье Кореи. См. их описание в поэме-каса Чон Чхоля «Путешествие в Квандон».

С. 223. *Заяц яшмовый и ворон золотой* — метафорическое обозначение луны и солнца; их движение в небе — движение времени, замедлить их движение — значит задержать наступление старости.

С. 224. *Цвет абрикосовый* — см. примеч. к с. 113.

С. 226. *Чигё* — приспособление для переноски тяжестей на спине.

Звезда Рассвета — Венера. У корейцев, как и у многих народов, считалось, что вечерняя Венера и утренняя Венера — разные звезды.

С. 229. «*Время пить вино*». — Этот гимн вину и радостям жизни навеян стихотворением Ли Бо «Поднося вино». По-иному звучит эта тема в отклике Квон Пхилиа на смерть поэта, в форме стихотворения на китайском *хан-муне* «Проходя мимо могилы Сонгана» (в переводе А. Жовтиса):

Опадает листва с дерев,
дует ветер, дождь моросит.
Отрешенно звучат слова
в песне той, что создал поэт.
Как печально мне одному —
не с кем выпить чашу вина!..
Он вчера лишь стихи слагал —
он сегодня в могиле спит.

С. 229. *...Каждую из них цветком отметим...* — В старину существовал обычай считать количество чаш по числу сорванных цветов.

С. 230. *Только обезьяны крик тоскливый // Над забытой прозвучит могилой...* — Аллегорическая картина безлюдного пейзажа, полная тревожного ожидания и тоски.

И что толку будет в сожаленьях... — Строка написана в подражание «Поминальной песне» Тао Юань-мина.

С. 231. *Голые детишки* — традиционный образ людей, безрассудно помышляющих о карьере, не думающих о том, что будет дальше. Играя на солнышке, детишки не задумываются над тем, что им будет холодно и страшно, когда сядет солнце. Поведение людей, не ушедших к природе, точно так же недалековидно. Ловля стрекозы голым несмышленышем — образ «удвоенной бессмыслицы». Судьба стрекозы — в руках младенца; младенец гоняется за стрекозой (так же поступают люди, стремящиеся к чинам и прочим эфемерным радостям), но сам-то он глуп и не защищен. В стихотворении использована игра слов «голыш» и «стрекоза», которые по-корейски звучат почти одинаково. Поэт никогда не служил из принципиальных соображений, и это стихотворение — своего рода программа.

С. 232. *Чанги* — корейские шахматы.

«Зеленый терем» — публичный дом.

С. 233. *«Скажите-ка, друзья, как жить на свете...»* — Сатирическое стихотворение, содержащее социальную критику. Ключевым словом в нем являются «мухи» — традиционный образ недостойных чиновников (см. примеч. к с. 154).

С. 235. *«Сколько бы ни каркала ворона...»* — Существует поверье, что, когда каркает ворона возле дома, там кто-

нибудь скоро умрет. В стихотворении показано незавидное положение жены в доме мужа, типичное для старой Кореи.

С. 235. *Намусын* — корейская деревянная обувь.

С. 236. *Софора* — здесь имеется в виду японская софора, гороховое дерево.

С. 238. *Онмун* — одно из старых названий корейского алфавита; букв. «простое (или вульгарное) письмо».

«Монах схватил за волосы монашку...» — Сатира на борьбу придворных партий. Дается «реализация бессмыслицы»: монахи и монашки брили головы, следовательно, таскать друг друга за волосы не могли; слепые не могли видеть, а глухонемые — слышать и высказываться вслух. Незвестный автор говорит о бессмысленности борьбы партий, в которой неразумно и бредово все от начала до конца.

С. 242. *«В славный день восьмой луны четвертой...»* — Здесь дается описание архаического обряда зажигания фонарей во время захода солнца и восхода луны, в древности исполнявшегося в полнолуние первого месяца по лунному календарю и впоследствии также приуроченного к восьмому дню четвертой луны — дню рождения Будды.

...в бутонах лотосов бумажных // Маленькие девочки укрылись... — элемент театрального действия «Танец журавлей», имеющего ритуальный характер: бутоны раскрываются, девочки выходят оттуда и прогоняют белого и черного журавлей, кляющих стебли лотосов. Журавли здесь символизируют смерть, цветок лотоса — жизнь.

Небесная Ткачиха — упоминание о ней связано с китайским мифом о Пастухе (Волопасе) и Ткачихе: «К востоку от Млечного пути была Ткачиха, дочь небесного бога. Круглый год она трудилась, ткала из облаков небесное платье. Богу стало жаль ее, одинокую, и он отдал ее в жены Пастуху, что жил к западу от Млечного Пути. Выйдя замуж, она перестала ткать, бог рассердился, велел ей вернуться и впредь видаться с мужем раз в год» (Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965. С. 364).

Серебряная Река — Млечный Путь.

С. 243. *Мэнчан-цзюнь* (ум. в 279 г. до н. э.) — китайский сановник царства Ци. В одном из преданий рассказывается, как он, будучи советником у правителя царства Цинь, был

приговорен к смерти за хитроумный план спасения своего царства в войне с Цинь. Ожидая казни, Мэнчан-цзюнь попросил фаворитку циньского правителя спасти ему жизнь. Она обещала помочь ему только в том случае, если он разбудит ей белую лисью шубу. Мэнчан-цзюнь подговорил грабителей украсть лисью шубу на дворцовом складе, где он ее приметил до ареста. Они выполнили его просьбу, и жизнь его таким образом была спасена.

С. 243. *Чунхынса* — крупный буддийский монастырь (разрушен в 1915 г.) на одном из отрогов Самгаксана (см. примеч. к с. 140).

С. 244. «*Наму-Амитхабуль*» — букв. «Слава Будде Амитабе», зачин буддийских молитв.

Кун-цзы (Конфуций, 551–479 гг. до н. э.) — крупнейший мыслитель древнего Китая, создавший этико-политическое учение (конфуцианство).

Мэн-цзы (ок. 372–289 гг. до н. э.) — выдающийся китайский философ, последователь Конфуция.

Дао (Путь) — в древнекитайской философии и в учении даосов универсальный закон природы, который порождает многообразие мира и составляет сущность всех вещей и явлений.

«*Сыграть в коккаль*» — намек на непристойное поведение монаха и монашки. *Коккаль* — монашеский капюшон белого цвета, напоминающий чепец католичек.

С. 245. *Гора Тхэбэк[сан]* — известная гора на границе между провинциями Канвон и Северная Кёнсан.

Гора Целебных Трав (Яксан) — гора в провинции Северная Пхёнан.

С. 247. *Бодхисатвы* (будд.) — личности, познавшие сущность бытия, близкие к состоянию нирваны, но добровольно оставшиеся среди людей, чтобы помочь им достичь просветления.

С. 248. *Вершина Шелковичный Червь* (Нуе мори) — одна из вершин горы Намсан в районе Сеула.

С. 249. *У-ди* — см. примеч. к с. 118.

Ши-хуан (246–209 гг. до н. э.) — основатель китайской династии Цинь.

Чжугэ Лян (184–234) — знаменитый военачальник периода Троецарствия в Китае; символ хитроумия, мудрости.

С. 249. *Чуский баван* — имеется в виду Сян Юй (232–202 гг. до н. э.), военачальник могущественного царства Чу (на юге Китая), который после разгрома царства Цинь стал фактическим правителем всего Китая, присвоив себе титул *баван*, т. е. «государь-гегемон». Погиб в результате упорной борьбы за престол против Лю Бана, основавшего династию Хань.

С. 250. «*Мой старый муж в лиловой ходит шляпе...*» — Шляпа, сплетенная из волос хвоста белой лошади и окрашенная в густой красный цвет, являлась головным убором чиновника.

Чоктури — женский головной убор из материи в виде крупного цветка, украшенный бусами.

Соннак — остроконечная шляпа буддийского монаха.

«*Корабельщики и моряки...*» — В этом стихотворении говорится о ежегодном плавании из Сеула на юг, вокруг южных провинций за собранным в качестве налогов зерном, чтобы привезти его в столицу.

С. 251. *Чолла и Кёнсан* — провинции на юге Кореи.

Ульсан, Чхильсан, Анхын, Сондоль — названия мест на юго-западе и западе Корейского полуострова, которые были опасны для мореплавания.

Канхва — большой остров.

Будда Амитаба — один из титулов Будды: «Будда Просветленный».

«*Если пряжу из моси прядут...*» — Это стихотворение написано неизвестным автором, по-видимому, по случаю осеннего праздника «Хан-кави» («Большие ножницы») в восьмую луну, когда собираются женщины и прядут, ткут, шьют. *Моси* — корейское название растения «белое рами».

С. 255. «...*Постигшие «дух ветра и потока»...*» — Подразумевается особый стиль жизни. Возник он в Китае в IV в. как противостоящий официальному стилю жизни, предусмотренному конфуцианской моралью; означал уход к природе и полное согласие жизни человека с вечными ее законами.

С. 258. *Лунный Дворец* — в китайской мифологии Просторный студёный дворец на луне, обитель феи Чан-э; здесь: мир грез.

С. 258. ...*три года миновало...* — в старой Корее траур по родителям соблюдался в течение трех лет.

С. 259. *Ранняя слива* — зимняя слива *мэхва* (кит. *мэй-хуа*); цветет в первом месяце лунного календаря и предвещает весну; символ стойкости.

...*И для кого благоуханье их?* — Строки навеяны стихотворением китайского поэта-анакорета XI в. Линь Бу «Зимняя слива в саду в горах».

С. 260. *Утки-неразлучницы* — мандаринские утки, традиционный в Китае и Корее образ супружеской верности.

«*Поднявшись на последний ярус башни*»; «...*взошла луна...*» — Строки навеяны стихотворением Ли Бо «Тоска у Яшмовых ступеней».

Палата Фениксов — здесь то же, что и Башня Фениксов (см. примеч. к с. 157).

С. 261. *Река Сяосян* — т. е. река Сян (см. примеч. к с. 158) и ее приток Сяо.

С. 262. *Бянь Цяо* (V в. до н. э.) — знаменитый китайский лекарь, прославившийся умением точно определять болезни.

...*умереть // И вновь родиться бабочкою пестрой!* — По буддийским понятиям, все живые существа подвергаются перерождениям. Поэт хотел бы претворить свою мечту в одном из предстоящих перерождений.

С. 265. *Пролейся над ним дождем!* — Метафора заимствована поэтом из китайской легенды об ушаньской фее. Правителю царства Чу однажды явилась во сне фея гор Ушань и разделила с ним ложе. Расставаясь, фея сказала, что утром она будет для него превращаться в облако, а вечером — в капли дождя.

Квандон (букв. «К востоку от заставы») — старое название провинции Канвон (см. примеч. к с. 96), которая раскинулась с севера на юг на 800 *ли* на восточном побережье Корейского полуострова. В 1580 г. Чон Чхоль получил туда назначение на пост губернатора, после того как прожил два года «среди рек и озер», отрешившись от мирских дел.

Западные Ворота (Ёнчхумун) — ворота в государевом дворце Кёнбоккун.

С. 265. *Башня Торжеств* (Кёнхверу) — дворцовое строение, где государь жаловал награды чиновникам (см. также примеч. к с. 180).

Нефритовая дощечка — своего рода «властная дщица», представлявшая собой бирку из бамбука или нефрита, одна половина которой вручалась чиновнику как знак его полномочий, а вторая — хранилась во дворце. Следующие далее в тексте географические названия и наименования достопримечательностей определяют маршрут путешествия Чон Чхоля из столичного города Хансона (Сеул) в Квандон.

С. 266. *Пхёнгуёк* — почтовая станция в провинции Кёнги.

Хыксу («Черная река») — старое название реки Ёган, притока реки Ханган.

Сомган («Жабья река») — правый приток реки Ханган.

Чхиак («Фазанья гора») — высокая гора недалеко от Вонджу, где находилась резиденция губернатора провинции Квандон.

Соянган («Светлая река») — левый приток реки Пукханган, впадающей в Ханган в центральной Корее.

Одинокый сановник — так именовали себя подданные государя, отправлявшиеся служить в провинцию.

Башня Полночных Пространств (Пуккванджон) — павильон на окраине города Чхорвона в провинции Канвон.

Дворец Кунъе — дворец, построенный в начале X века по приказу Кунъе, выходца из Силла, основавшего в центре Кореи удельное княжество Позднее Когурё со столицей в Чхорвоне. Во времена Чон Чхоля от дворца остались только развалины.

Цзи Чжан-жу (настоящее имя — Цзи Ань, II в. до н. э.) — китайский министр при ханьском императоре У-ди (см. примеч. к с. 120). Чон Чхоль вспоминает его славное имя во время остановки в уездном городе Хвеяне (в провинции Канвон), возникшем в начале XIV века. Название города созвучно с китайским городом Хуайяном, где когда-то идеально правил Цзи Чжан-жу.

Кленовые Вершины (Пхунак) — образное название красивейших на Дальнем Востоке Алмазных гор (Кымгансан), контуры и цвет которых напоминают корейцам багряные

листья клёна осенью (отсюда и название данной антологии). В *каса* Чон Чхоля далее описываются восемь видов Кымгансана.

С. 267. *Манихоктонская долина* («Ущелье тысяч водопадов») — изумительное по красоте ущелье во Внутреннем Кымгансане.

Линь Бу — китайский поэт-анакорет XI в. С ним сравнивает себя Чон Чхоль.

На Террасе Покоя // В обители Чонъянса... — С этой площадки у старинного монастыря Полуденного солнца (Чонъянса) открывалась величественная панорама Двенадцати тысяч вершин (образное название гор Кымгансан).

С. 268. *Гора Мангодэ* — восточная вершина Кымгансана, название которой можно перевести как «Смотрящая ввысь». Согласно легенде, стоит человеку добраться до нее и громко крикнуть, как тут же с ясного неба польется дождь.

Пик Хельманбон — западная вершина Кымгансана, не единожды воспетая в стихах Чон Чхоля.

Террасы Добра — располагалась чуть ниже обители Чонъянса.

С. 269. *Пик Пиробон* — один из трех главных пиков Кымгансана.

Конфуций с высот Дуншаня... — Опоэтизированная цитата из конфуцианского сочинения «Мэн-цзы», где говорится, что Конфуцию, взошедшему на гору Дуншань (в провинции Шаньдун), его родина — царство Лу — показалась величиной с кусок веревки, а с вершины Тайшань (в той же провинции) вся Поднебесная (т. е. Китай) выглядела лишь небольшим лоскутком.

Вонтхонская долина, Львиная скала — живописные места в горах Кымгансан.

Ручей Хварёндам — букв. «Источник огненного дракона».

Сливовый дождь — благодатный трехдневный дождь в засушливую пору, когда созревает летняя слива.

Манджушири — популярный в народе *бодхисатва* из окружения Будды (см. примеч. к с. 247); покровитель мудрости, наук.

С. 270. *Горная Тень* — название башни в монастыре Юджомса (в уезде Косон провинции Канвон).

С. 270. *Кымнангульская пещера* — грот «Золотой халат» в уезде Косон; желтые камни внутри грота образовали причудливые узоры.

...от Нефритовой Башни // Остались руины одни! — Имеются в виду каменные шестигранные колонны в уезде Тхончхон — одна из восьми достопримечательностей Квандона. По преданию, здесь проводили время четыре бессмертных *хварана* (см. примеч. к с. 29).

Гун Чуй — искусный мастер, покровитель плотников во времена легендарного Шуня (см. примеч. к с. 153).

С. 271. *...И к Бухте Трех Дней подъехал...* — Бухта Трех Дней (Самильпхо) — одна из восьми достопримечательностей Квандона. Легенда гласит: в эпоху Силла четыре *хварана* (см. примеч. к с. 29) пришли к бухте, чтобы полюбоваться видами Кымгансана. Три дня они там веселились, затем исчезли, оставив на скале надпись из шести иероглифов красного цвета. Одно из толкований надписи: «Ён-нан и Нам-сокхэн (имена юношей) ушли пешком». Позднее все четверо были причислены к сонму бессмертных.

Озеро Развлечений, Пруд Бессмертных, Беседка Горный Ручей, гора Наксан — примечательные места в Квандоне.

...дракон шестиглавый // Грядущим облакам пятицветных // На небо поднимал. — В древнекитайском сочинении «Книга перемен в чжоуской редакции» («Чжоу И») сохранилась запись о шестиглавом драконе, вознице солнца. На пятицветных облаках, по преданию, передвигались даосские бессмертные.

С. 272. «Давно уже нет поэта, // Но он рассказал об этом.» — Чон Чхоль имеет в виду стихотворение Ли Бо «Поднимаюсь на Террасу Фениксов в Цзиньлине».

Хёнсан — «Гора-стол» в уезде Янъян.

Бухта Кёнпхо — славилась чистотой вод и отсюда ее название «Зеркальная».

Чхольчук — корейское название одного из видов рододендрона.

Мост Канмунгё — деревянный мост «Речные ворота» в восточной части бухты Кёнпхо.

Хонджан — имя известной красавицы XIV в., *кисэн* (певицы) из Каннына, о которой сложены поэтические предания.

С бухтой Кёнпхо связано следующее предание о Хонджан. Губернатор провинции Канвон Пак Син был влюблен в красавицу Хонджан. Однажды, когда он вернулся из поездки в столицу, его приятель Чо решил подшутить над ним, сообщив нарочно, что Хонджан неожиданно скончалась. Губернатор очень горевал. Чтобы развеять его печаль, Чо предложил ему покататься на лодке в бухте Кёнпхо (а место это славилось разными чудесами). До этого Чо незаметно украсил небольшую старинную шхуну необыкновенными картинами и посадил на нее Хонджан с одним старым чиновником. Катаясь в бухте, Пак Син вдруг увидел, что навстречу ему плывет удивительная шхуна, на которой старец танцует с девушкой неземной красоты. В девушке он узнал свою любимую Хонджан, которая была целой и невредимой.

С. 273. ...*девушкам добронравным // И юношам благородным // Ворота посвящены.* — В награду за особые заслуги в проявлении конфуцианских добродетелей (сыновней почтительности, женского целомудрия и т. п.) перед домами отличившихся ставились красные арки.

Эпоха Яо и Шуня — см. примеч. к с. 153; в китайской конфуцианской традиции считается временем всеобщего благоденствия.

Беседка Над Синей Водой — восьмиколодная ротонда Манъянджон у моря в Пхёнхэри, одна из восьми достопримечательностей Квандона, не раз воспетая в стихах Чон Чхоля.

С. 274. *Фусан* — в китайской мифологии диковинное дерево высотой в тысячу саженей, с двумя стволами, за которым будто бы отдыхают десять солнц и луна; символизирует царство бессмертных.

Восходит Звезда Рассвета. // Лотос цветы раскрывает. — Под «звездой рассвета» разумеется Венера, которой в Корее называли Утренней, когда она восходит на востоке, и Вечерней, когда она заходит на Западе. «Цветком лотоса» именуется в корейской поэзии луна. Существует также версия о том, что под этим названием скрывается имя *кисэн*, с которой познакомился юный Чон Чхоль в период учебы в монастыре Наксанса в Янъяне, а позже не раз встречался с ней, уже будучи губернатором провинции Канвон.

С. 274. *И мне явился бессмертный...* — Имеется в виду китайский поэт Ли Бо (см. примеч. к с. 184), которого современники величали «бессмертным небожителем в изгнании».

«Должно быть, ты провинился // Перед Владыкой Небес?..» — Здесь содержится намек на китайскую легенду о том, как некий бессмертный прочел ошибочно один иероглиф из даосского канона «Хуандинцзин» перед Верховным Нефритовым Владыкой и тот низверг его из мира небожителей в мир людей.

С. 275. *Девятое Небо* — в даосском учении одно из девяти подразделений небесного рая, где находилась обитель бессмертных.

С. 276. *Сонсан* («Звездная гора») — местечко близ Чханпхёна в провинции Южная Чолла, где не раз бывал во время ссылки в 1578–1580 гг. поэт, который выступает здесь от имени странника.

Ким Сонвон — родственник жены Чон Чхоля, живший в уединении; погиб в конце Имджинской войны 1592–1598 гг.

Беседки Сигёнджон и Сохадан — букв. «Павильон отдыха в тени» и «Зал приюта на закате солнца». Так назывались строения в Сонсане, принадлежавшие Ким Сонвону. Здесь, наверное, и написал Чон Чхоль свои «Сонсанские напевы».

Гора Сосок (букв. «Благовестные скалы») — старое название горы Мудынсан в провинции Южная Чолла. К западу от нее высятся причудливые скалы, похожие на окаменевшие листья.

Небесная Ткачиха — см. примеч. к с. 242.

С. 277. ...*Как тот старик, что у Ворот Зеленых...* — Поэт имеет в виду Шао Пина, правителя Дунлина (Китай), которой после падения династии Цинь в 206 г. до н. э. бросил службу и стал вести отшельнический образ жизни, занявшись разведением огурцов за юго-восточными крепостными воротами города Чанъань, называвшимися в те времена «Зелеными».

Западная река (Соха) — речка, протекающая недалеко от Чханпхёна.

Си-хуан — в китайских мифах человек, живший в седую старину; нарицательное имя для людей, удалившихся от мирской суеты и проводивших время в благоденствии.

С. 277. *Халат из мешковины подобрал // И шляпу из дерюжки нахлобучив...* — Одежда, характерная для даоса-отшельника.

Лянь-си — прозвание Чжоу Дунь-и (1017–1073), одного из основоположников сунской философской школы конфуцианства, автора трактата «План Великого Предела», в котором приведена космогоническая схема происхождения мира из Великого Изначального.

С. 278. *Книга Яшмовых писем* — даосское каноническое сочинение, будто бы написанное Желтым Владыкой (Хуан-ди) и обнаруженное легендарным правителем Юем на алтаре духа Хуан-ди при совершении обряда жертвоприношения.

Скала Бакланов — скала Ноджаам в Сонсане.

Одён (кит. утун) — масличное дерево.

Озеро Сиху — озеро в Ханчжоу (Китай), славящееся живописными берегами с памятниками старины. Существует предание, что в незапамятные времена на нем был воздвигнут Хрустальный дворец.

Серебряная Река — Млечный Путь.

С. 279. *Су Ши* — см. примеч. к с. 157.

Вот так Ли Бо заморожен был сказкой... — По одной из легенд Ли Бо утонул, слишком перегнувшись за борт лодки, чтобы «губами коснуться отображения луны».

Я знаю, что безмерно он богат... — Речь идет о богатстве духовного мира отшельника.

Летописи ханьские — подразумевается «История Ранней династии Хань» («Цянь Хань шу») крупнейшего китайского историографа Бань Гу (32–92).

С. 280. *Сюй Ю* — см. примеч. к с. 157.

«Ветер в соснах» — мелодия, исполняемая на *комунгё* (см. примеч. к с. 65); символ самого чистого в природе звука.

С. 281. «Слово о Великом мире». — Поэма-каса посвящена окончанию Имджинской освободительной войны корейского народа против японских полчищ Тоётоми Хидэёси, принесшей неисчислимые бедствия стране. Война началась в 1592 году, т. е. в «год имджин» («год Дракона» по китайско-корейскому циклическому календарю) и продолжалась с переменным успехом семь лет. Поэма написана в самом конце войны зимой 1598 г., когда последняя группа японских войск

покинула район Ульсана на юго-восточном побережье Кореи. Пак Инно, бывший активным участником событий, исполнил ее нараспев под музыкальный аккомпанемент перед воинами-победителями.

С. 281. *Страна Равнины Серединной* — старинное поэтическое наименование Китая, называвшегося Серединным царством.

...у Пусана. — Японские войска численностью в 160 тысяч человек в апреле 1592 г. высадились в районе крепости и порта Пусан на южной оконечности Корейского полуострова.

Ван — король, правитель страны.

С. 282. *На подмогу к нам друзья спешили!*.. — Спустя два месяца после начала войны 40 тысяч китайских войск, перейдя пограничную реку Амноккан в качестве союзников корейской армии, нанесли удар по захватчикам-самураям.

Ли Сунсин (1554–1598) — выдающийся флотоводец, национальный герой Кореи. Изобретатель *кобуксана* — бронированного корабля-«черепахи». Погиб в морском бою на последнем этапе войны в 1598 году.

Пятицветные свои знамена... — «Пять цветов» — основные цвета радуги (зеленый или синий, желтый, красный, белый, черный). Пятицветные знамена — в переносном смысле знамена торжества и победы.

Киёмаса Като — один из японских военачальников, препятствовавших заключению мира. Именно он держал оборону у города Ульсана, последнего оплота японских войск на корейской земле.

Чосон — древнейшее название Кореи, а также наименование страны при династии Ли (1392–1910).

С. 285. «Песня о Ённаме». — Пак Инно написал эту *каса* в 1635 г., когда ему исполнилось 75 лет. Он посвятил ее мудрому и добродетельному правлению Ли Гынвона, бывшего в то время губернатором провинции Ённам (ныне провинции Северная и Южная Кёнсан) на юге Корейского полуострова.

«Девять основных установлений» — по древнекитайскому конфуцианскому сочинению «Учение о Середине и Постоянстве» («Чжунъюн»): самоусовершенствование, уважение к достойным людям, любовь к родным, почтение к

сановникам, любезность к чиновникам, любовь к простым людям, поощрение ремесленников, вежливое обращение с иностранцами, привязанность к вассалам.

С. 285. *Цзи и Се* — мудрые сановники при легендарном китайском правителе Шуне.

Сангук — первый министр; так почтительно называет Ли Гынвона поэт.

С. 286. *...в пору Засухи Великой...* — Имеется в виду Семилетняя засуха в Китае при легендарном правителе Чэн-тане (XVIII в. до н. э.).

...И крепкий лук и стрелы под рукой. — Цитата из древнекитайской «Книги песен» («Шицзин»).

...следовать закону // Незыблемых естественных начал. — Имеется в виду естественный закон социальных отношений (*лунь*) в конфуцианском учении, определявший отношения между государем и подданными, отцом и сыном, между супругами, братьями, друзьями.

О веке золотом я слышу песню... — Намек на песенку игрока в жан (биту) из «Книги песен», воспевающую счастливое время при Шуне.

С. 287. *Гэтянь-ши* — почетное имя легендарного китайского просветителя; букв. «Учитель Гэ, получивший власть от Неба».

Ци — древнекитайское царство на части территории нынешних провинций Шаньдун и Хэбэй; славилось выделкой белого тонкого шелка.

Сыма Янь — знаменитый китайский полководец, основавший в 265 г. династию Цзинь и стабилизировавший положение в стране после длительных междоусобных войн. С его деяниями поэт сравнивает деяния Ли Гынвона.

С. 288. *«Песня отшельника из местечка Ногэ»* написана Пак Инно на склоне лет и посвящена его жизни «вне суетного мира», в гармонии с природой. *Ногэ* — название местечка в уезде Ёнчхон пров. Северная Кёнсан, где поэт родился и где жил отшельником в последние годы жизни. Это название и стало его литературным именем.

С. 290. *Тангвичхо* — дудник многообразный, растущий в горах. На нем настаивали крепкую водку, а корни использовали как лекарство.

С. 291. *Да будет вечен правитель!* — В этой *каса* Пак Инно, как и вообще в средневековой корейской поэзии, *ван* (правитель) выступает как гарант мира и спокойствия в стране, а также гармонии в жизни подданного.

С. 294. *Волопаса Ткачиха ждет // За Серебряною Рекою.* — См. примеч. к с. 242.

С. 296. *Год «пёнджин»* — 53-й год шестидесятилетнего цикла, системы летосчисления, распространенной в странах Дальнего Востока; здесь: 1796 г.

«Цвет у воды и у небес един!..» — Выражение, часто встречающееся в китайской поэзии (например, у Су Ши в «Красной Стене» и др.). В корейской поэзии XVII–XVIII веков широко использовалось как знак определенной пейзажной ситуации.

С. 297. *...стать «голодным духом» в чреве рыб...* — «Голодным духом», по народным поверьям, становится вечно блуждающая душа непогребенного грешника и т. п. Здесь ассоциация с Цюй Юанем (см. примеч. к с. 149).

С. 298. *Чхок* — мера длины, равная 30,3 см.

С. 299. *«Песня о Скале Долга».* — *Каса* неизвестного автора, посвященная подвигу *кисэн* по имени Нонгэ во время Имджинской войны конца XVI века. Нонгэ погибла сама и погубила японского военачальника.

Павильон Чхоксонну — архитектурное сооружение на берегу реки Намган в районе города Чинджу в провинции Южная Кёнсан; во время Имджинской войны было разрушено, восстановлено в XVII в.

...верность Трем Началам, // Вечным Добродетелям Пяти... — В конфуцианской этике и системе воспитания под «тремя нравственными началами» подразумеваются преданность подданных, почтительность сыновей и добродетельность жен, а под «пятью вечными добродетелями» — человеколюбие, справедливость, вежливость, мудрость и верность.

Гора Летящий в Небо Феникс (Пибон) — гора в районе Чинджу.

Чинян — старое название Чинджу.

...Стать «цветком у самого забора, // Ивою у людного пути!» — т. е. стать женщиной легкого поведения.

С. 299. Год «имджин» (год Дракона) — 29-й год шестидесятилетнего цикла; здесь: 1592 г., когда началась Имджинская война с Японией.

С. 301. «Белая чайка». — Поэма-каса из сборника «Песни Великого спокойствия при южном ветре» («Нампхун тхэпхёнга», 1863). Название сборника восходит к песне «Южный ветер», которую сочинил легендарный китайский правитель Шунь, когда в Поднебесной воцарились мир и порядок. И этот сборник по замыслу составителей должен был способствовать умиротворению в Корее, поверженной в то время в хаос народными волнениями.

...в тот край далекий, // Где пять ив стоят в уборе вешнем... — Намек на произведение Тао Юань-мина «Жизнеописание господина под сенью пяти ив». Выражение «пять ив» в средневековой корейской поэзии было символом жизни отшельника вдали от мирской суеты.

С. 302–303. «Вешнею водой полны озера»; «Тучи летние в горах сгустились» — строки из стихотворения Тао Юань-мина «Времена года», популярного среди корейских поэтов.

С. 303. Сонджин, Юккван — герои романа «Сон в заоблачных высях» Ким Манджуна (1637–1692). Буддийский наставник Юккван, повелевавший всем живым и обуздывавший нечистую силу, изгнал послушника Сонджина из святой обители в мир людей за то, что, встретившись на мосту с восемью красавицами-феями, он разговорился с ними и в мыслях отступил от праведного пути.

«От луны осенний свет струится» — строка из стихотворения Тао Юань-мина «Времена года».

А. Р. Концевич, М. И. Никитина;
А. А. Холодович (примечания к песням Корё —
«Тон-дон» и «Чхоёнга»)

СОДЕРЖАНИЕ

А. Концевич. От составителя	5
М. Никитина. Поэтическое слово в корейской литературе ...	9

ПЕСНИ ДРЕВНОСТИ

Хянга и Корё каё

ИЗ ПЕСЕН ХЯНГА

Астролог Юн. Песня о комете. Пер. Е. Витковского	29
Тыго. Песня о хваране Чукчи. Пер. Е. Витковского	30
Синчхун. Песня о туге. Пер. Е. Витковского	31
Вольмён. Молитва о покойной сестре. Пер. Е. Витковского	32
Чхундам. Песня о хваране Кипха. Пер. Е. Витковского ..	33
Химён. Молитва слепого ребенка перед ликом тысячерукой и тысячеокой печальницы. Пер. А. Жовтиса	34
Чхоён (хваран). Песня Чхоёна (Чхоёнга). Пер. А. Жовтиса ..	35
Кюнё (буддийский наставник). Постоянно следуя учению Будды. Пер. Е. Витковского	36
Молю о том, чтобы повернулось Колесо Закона. Пер. Е. Витковского	36

ИЗ ПЕСЕН КОРЕ

Неизвестный автор. Тон-дон. Пер. А. Ахматовой	37
Неизвестный автор. Песня Чхоёна (Чхоёнга). Пер. А. Ахматовой	40
Неизвестный автор. В зеленых горах буду жить. Пер. А. Жовтиса	43
Неизвестная поэтесса. В городе Согёне. Пер. А. Жовтиса	45
Чон Со. Песня Чон Гваджона. Пер. Е. Витковского	48

КОРОТКИЕ ПЕСНИ

Сиджо

(Перевод А. Жовтиса)

У Тхак. «В одной руке сжимаю посох свой...»	51
«О ветер, ты повеял над землей...»	51
Син. «Туда, где галки черные кружатся...»	52
Чон Монджу. «Пусть Небом суждено мне умереть...»	53
Ли Джоно. «Нет истины в словах, что облакам...»	54
Вон Чхонсок. «Кто говорит, что зимнею порой...»	55
«Судьба определяет смерть и гибель!...»	55
Киль Чэ. «Объехал я руины городов...»	56
Мэн Сасон. Песни о временах года на реках и озерах	57
Ли Джик. «Скажу я, цапля белая, тебе...»	59
Тхэджон (ван, правитель). «Так поступить, как поступаешь ты?..»	60
Ким Джонсо. «Здесь свет луны холодный на снегу...»	61
«Над Чанбэксаном взвили мы знамена...»	61
Пак Пхэннён. «Когда летит на землю белый снег...»	62
Сон Саммун. «Что после смерти станет со мной?..»	63
Ли Гэ. «В окошке — одинокая свеча...»	64
Лю Сонвон. «Под голову пристроив комунгё...»	65
Ю Ынбу. «Мне люди говорят: минувшей ночью...»	66
Вон Хо. «В журчанье волн речных, бегущих мимо...»	67
Нам И. «Взошел я на вершину Пэктусана...»	68
Вольсан-тэгун. «Ночь опустилась над рекой осенней...»	69
Сонджон (ван, правитель). «О, если бы ты все-таки остался!..»	70
Ли Хёнбо. «Вниз посмотрю — внизу синеет речка...»	71
Ким Гу. «Покамест эта утка-коротышка...»	72
Ан Джон. «За горы западные солнце село...»	73
Ли Хван. Из цикла «Двенадцать напевов Тосана»	74
«Бесчисленные пики Чхоннянсана...»	76
Хон Сом. «О яшме люди говорят: "Булыжник!"...»	77
Хван Джини (поэтесса-кисэн). «Ты не гордись своим теченьем быстрым...»	78
«Когда ты разувелся во мне?..»	78
«Ночь ветреная зимняя длинна...»	79
«Я жду, я верна своему обещанью...»	79
Ли Тхэк. «Над тем, что пташка черная мала...»	80
Ян Саон. «Хоть говорят, что высока Тайшань...»	81

Сон Ин. «Все, что я слышу, — лучше бы не слышал!..»	82
Ян Ынджон. «В своей одежде из холстины грубой...»	83
Ли Хубэк. «На отмель опустился дикий гусь...»	84
Лим Джин. «Свой меч я наточил и в ножны спрятал...»	85
Квон Хомун. «Сияние луны и плеск ручья...»	86
«На перекате дождик прошумел...»	86
«Зеленый холм у синего ручья...»	86
«Когда вокруг темнеет, я обычно...»	87
«Луна стремглав пронзила облака...»	87
Лю Джасин. «Гряда осенних гор в лучах закатных...»	88
Сон Хон. «Всегда молчит зеленая гора...»	89
Ли И. Девять излучин Косана	90
Чон Чхоль (Сонган). «Как весело двум бабочкам порхать...»	94
«Зачем, старик, несешь ты эту ношу?..»	94
«Дождь, хмуро морсящий над полями...»	95
«Одну струну на комунгё я тронул...»	95
«Над тихой водою тень скользнула...»	95
«Что знаем мы, что помним о Лю Лине?..»	96
Одинокий журавль	96
«Простой народ провинции Канвон...»	97
«О, как безжалостно в густом лесу...»	97
О верности	97
«Пусть у меня всего одна рубака...»	98
«Мой добрый конь с обвислыми ушами...»	98
«Вчера сказал мне кто-то, что вино...»	99
«Из горьких горных трав похлебку ем...»	99
«Бывает, что и дерево зачахнет...»	99
«Вот ритм судьбы — падения и взлеты...»	100
«В столице, где любовь моя живет...»	100
«Из сердца своего луну и звезды...»	100
«Когда умру, пускай речные волны...»	101
«О том, что я среди других — дурнушка...»	101
«Неужто лес, пригодный на стропила...»	101
«Зачем поплыл ты, утлый наш корабль...»	102
«Мне ли завидовать чужому смеху...»	102
«Неужто околесицу я нес...»	102
«Я вижу, как в единый цвет заката...»	103
«Все разошлись. Закончена игра»	103
«Вчера сказать изволил государь...»	103
«Я знаю, это осень наступает...»	104
«Ты проводил меня, и я уехал...»	104

«К пятидесяти жизнь моя подходит...»	104
«Всего одной струны на <i>комунгб...</i> »	105
«Бездеельником я жил и шалопаем...»	105
«Пить будем кислое вино с тобой...»	105
«Приятель Ко свой камышовый домик...»	106
«По нежным листьям лотоса весь день...»	106
«Зачем ты встала, стройная сосна...»	106
«Любуюсь яшмовым старинным кубком...»	107
«Я ничего не слышу левым ухом...»	107
«Два будды каменных всю жизнь стоят...»	107
«Наверное, великому Цзя И...»	108
«С высокой башни, что парит доньине...»	108
«Два тела из единого создав...»	108
«Твой сын, я слышал, „Сяоцзин“ прочел...»	109
«Покамест живы мать с отцом твои...»	109
«Когда сопровождаешь старика...»	109
«Правитель — словно Небо над людьми...»	110
«Журавль уже куда-то улетел...»	110
Хан Хо. «Не надо нам соломенной циновки...»	111
Чо Хон. «Над берегом в листе плакучей ивы...»	112
«На озеро и дамбу дождь закапал...»	112
«Закинув удочку, весь день сижу...»	113
Ли Сунсин (флотоводец). «Мечом вооруженный, в эту ночь...»	114
Ли Воник. «Ветвями-нитями зеленой ивы...»	115
Чан Гёнсе. «Вчера минуло двадцать лет с тех пор...»	116
Лим Дже. «В долину, где зеленая трава...»	117
Чо Джонсон. «Эй, мальчик! Принеси мне плащ и шляпу!...»	118
Ли Ханбок. «Твердят, что времена пошли такие...»	119
«С мольбою к вам я обращаюсь, тучи...»	119
«И Цзя-тайфу, правителю Чанша...»	120
Ли Донпхён. «Я вижу: в синей высоте небесной...»	121
Ким Санъён. «Дождь беспощадно хлещет целый день...»	122
Пак Инно (Ноге). Родители	123
Стоит утес	124
За высокими горами	125
Терраса Мирного Уединения	125
Хурма на блюде	125
Гряды Чонуллёна	126
Дружба	126

Ворона в стае фениксов	126
Рыбки в ручье	127
Луна над горой	127
У подножья Кансансана	127
Супруги	128
Воспоминание	129
Правитель и его советник	129
За травами	130
Шаги на Яшмовом мосту	130
Хижина в горах	130
Уйдем отсюда...	131
Братья	131
Воды реки Мило	132
С Террасы Кегудэ	132
Син Хым. «Деревню нашу снегом занесло...»	133
«Конечно, плохо пьянствовать всегда...»	133
«Когда бы кровью сердца своего...»	134
«В ночь накануне Дня Холодной Пищи...»	134
Ким Доннён. «Ты, чайка белокрылая, не бойся...»	135
Чхонгым (поэтесса-кисэн). «Ночь наступила в горной деревушке...»	136
Сори или Сонъи (поэтесса-кисэн). «Я слышу, как зовут меня: „Сосна!“...»	137
Куджи (поэтесса-кисэн). «Я смастерила лодку из сосны...»	138
Чон Он. «Закрыв я книгу, otvorил окно...»	139
Ким Санхон. «Я уезжаю, о гора Самгак!...»	140
Ли Аннуль. «Шатер из Неба и Земли построю...»	141
Хон Собон. «В тот день, когда любимый уезжал...»	142
Чон Чхунсин. «Стоит в горах пустынных тишина...»	143
Ким Гванук. «Пока в разгаре жаркий летний день...»	144
«Родного края реки и холмы...»	144
«На речке под осеннею луною...»	144
«Подул восточный ветер над землею...»	145
«Давно забыты почести и слава...»	145
Юн Сондо (Косан). Из цикла «Новые песни в горах»	
Песни о пяти друзьях	146
Времена года рыбака	148
Ли Мёнхан. «Держась за твой рукав, рыдаю громко...»	162
Чон Дугён. «Вновь наполняю чашу золотую...»	163
Сон Сиёль. «Зеленые горы — в согласьи с природой...»	164
Понним-тэгун. «Садится солнце, и вокруг стемнело...»	165

Ли Хваджин. «Я пробудился в хижине своей...»	166
Ли Джонхван. «В низине под обильными дождями...»	167
Пак Квон. «Мальчишка вслед за мной наживку нес...»	168
Ю Сун. «Стоящая у синего ручья...»	169
Юн Дусо. «У обочины дороги яшму...»	170
Юн Сун. «Мой дом стоит в предгорье Пэкхасана...»	171
Син Джонха. «Пусть люди ценят званья и чины...»	172
Ку Джиджон. «Не хвастайся и не гордись, о коршун...»	173
Ким Самхён. «Ни славы, ни почета не ищи...»	174
«Здесь, у кумирни старой, под сосной...»	174
Чу Ёйзик. «Конечно, небо далеко от нас...»	175
«Луна, поднявшаяся в высоту...»	175
Ким Юги. «Поднялся я на пик горы Тайшань...»	176
Ким Дусон. «Взяв птицу ловчую с собой, иду...»	177
«Зачем ты, дикий гусь, кричишь так скорбно...»	177
Ким Суджан. «Черным-черно, а говорят — бело...»	178
«В долине Хвагэдона под горой...»	178
«Над теми, кто внизу, ты не шути!...»	179
«Домишко у соседа — как гнездо...»	179
«Все думы стариковские и чувства...»	179
«Перед глазами — десять тысяч сосен...»	180
«Пойдем-ка, друзья, в веселый дом!...»	180
«Живу непринужденно я, как жил...»	180
«То, что друг другу люди говорят...»	181
«Ты станешь пить вино или не станешь...»	181
«Ты о лазурном облаке мечтаешь...»	181
«Земля и Небо мне — отец и мать...»	182
«Вы, жаждущие власти и чинов...»	182
«Мой дом — не больше домика улитки...»	182
«Цветы опали — и весна минует...»	183
«Чтоб покормить быков, я рано встал...»	183
«На скуку и на бедность не пеняй...»	183
Ли Джонбо. «С тех пор как я живу на белом свете...»	184
«Когда Ли Бо навеки нас оставил...»	184
«Цвет груши с дерева стряхнуло ветром...»	184
«Ответь мне, хризантема, почему...»	185
«За горы западные солнце село...»	185
«Стоял высоко в небе Млечный Путь...»	185
Чо Мённи. «Гусь одинокий мимо пролетел...»	186
«В глухую ночь заезжий двор в Сонджине...»	186
«Я встретил странника, он шел неспешно...»	187

Ли Джэ. «Звезда зашла, и жаворонок взмыл...»	188
Ким Чхонтхэк. «У шумной славы спутник есть — позор...»	189
«Возьми наполненную мною чашу...»	189
«Окутаны ущелья мглой густой...»	190
«Слуге одежду отдал я, чтоб он...»	190
«В оконной раме из бамбука — ночь...»	190
«Сказав „иду“, иди, но не беги!...»	191
«Не радуйся четверке лошадей...»	191
«Проснувшись, всякий раз вино я пью...»	191
«К заре рассветной утки взмыли ввысь...»	192
«Кисть для письма и меч — не для меня...»	192
«Кувшин с широким горлышком наполню...»	192
«Рыбачья песня, и свирели звуки...»	193
«Что слава громкая или почет?...»	193
Ким Джинтхэ. «Когда луна восходит молодая...»	194
«Вон та ворона, что кричит вдали...»	194
«Над тем, кто очевидно слеп и глух...»	195
«Подобное воде, уходит время...»	195
Сон Джонвон. «В ночи, когда осенний ветер дул...»	196
«Когда морозной ночью светит месяц...»	196
«Уже по гнездам разлетелись птицы...»	197
Ли Донсан. «Кто отрезает от луны краюшку?..»	198
Сонге Ёнволь. «Поднявшись на вершину Мачхоллёна...»	199
«Луна взошла. Пробили третью стражу...»	199
Чон Сугён. «Пригнал баранов я, привел быков...»	200
Син Химун. «На ближних кручах — поздняя весна...»	201
I. «В штанах коротких, на плече мотыга...»	201
II. «Вспахал я поле, сорняки я выбрал...»	201
Хо Соккюн. «Там, где расцвели уже цветы...»	203
«Челнок уходит по реке осенней...»	203
Ким Ён. «Луна отшельника восходит снова...»	204
Пак Ёнсу. «Он обещал прийти в восточный флигель...»	205
Ким Минсун. «Зеленый посох у меня в руках...»	206
«Поднялся птичий гомон за окном...»	206
«О суете мирской забыл давно я...»	207
«Нет, никаких болезней я не знаю...»	207
«Я посадил цветы, чтобы всю жизнь...»	207
Пак Хёгван. «В те дни, когда опять пахнёт весной...»	208
Ан Минён. «Вчера я снова видел тот же месяц...»	209
«Взошла и разметала облака...»	209
«Я вам не верил, тоненькие ветки...»	210

«Скажи мне, хризантема, почему...»	210
«Цветы у каждой хижины цветут...»	210

СИДЖО НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

«Мы соберем кинжалы и мечи...»	211
«О светлая луна, ты заглянула...»	211
«Когда бы мы на свет родились снова...»	211
«Рукою знак мне подает соседка...»	212
«Зачем ты передал письмо с чужим?..»	212
«Две бабочки летают средь цветов...»	212
«Я захотела на луну взглянуть...»	213
«Со мною рядом ты — и так далек!..»	213
«Чем жить, как я живу, о нем тоскую...»	213
«Лишь слово написал я — и вздохнул...»	214
«И на стене звенит мой меч тяжелый...»	214
«Один твердит, что ворон слишком черен...»	214
«Луна, что светит над жемчужной шторой...»	215
«Пока луна, что встала над сосной...»	215
«Мой вол, с которого я снял ярмо...»	215
«Хочу к луне с вопросом обратиться...»	216
«Цветы ли расцветают на лугах...»	216
«Ссудили люди мне немного риса...»	216
«На снег ложится ясный свет луны...»	217
«Набрала молодая редька сок...»	217
«Я в поле скороспелый рис полью...»	217
«Не бойся, чайка белая, меня...»	218
«О бабочка тигровая! С тобою...»	218
«Ты не меняешься, моя душа...»	218
«О всех восьми красотах Кымгансана...»	219
«Мир вечной суеты и пустословья...»	219
«Наверно, милого будить пора...»	219
«О том, что опадает вешний цвет...»	220
«Любимого лишилась — и теперь...»	220
«Я говорил не раз, что брошу пить...»	220
I. «На поле и в сады пришла весна...»	221
II. «На поле и в сады пришла весна...»	221
«Гордась своей весенней красотой...»	221
«На цвет весенний груши капал дождь...»	222
«Неужто предназначено судьбой...»	222
«Гусь закричал — я глянула в окно...»	222
«В долине горной, где ручей струится...»	223

«О заяц яшмовый, куда бежишь ты?..»	223
«Хотя уже пробили третью стражу...»	223
«Предназначение ль у меня такое?..»	224
«Дождь моросил весенний. Ехал я...»	224
«Мой милый появляется, как гром...»	224
«Вчера, а может быть, позавчера...»	225
«И свет луны, что на снегу блеснул...»	225
«Трудился я усердно десять лет...»	225
«Как посмотрю я на тебя, ворона...»	226
«Я посадил у дома хризантемы...»	226
«Возьми чигэ и выведи вола!..»	226
«От ветра, что подул минувшей ночью...»	226

ПЕСНИ НОВЫХ ВРЕМЕН

Чан-сиджо

(Перевод А. Жовтиса)

Чон Чхоль. Время пить вино	229
Ли Джонджин. «Смастерив сачок из паутины...»	231
Ким Минсун. «Ох, ох! Замучили меня недуги!..»	232
«Я вспоминаю молодость свою...»	232
Неизвестные авторы	
«С чем молодую девушку сравнить?..»	233
«Скажите-ка, друзья, как жить на свете...»	233
«Там, за рекою, на крутой скале...»	234
«Остановить коня на всем скаку...»	234
«Сколько бы ни каркала ворона...»	235
«Ты улыбнешься — зубы хороши!..»	235
«Слепой незрячего взвалил на спину...»	235
«Ох, эта любовь, любовь...»	235
«Пускай мне грудь продырявят...»	236
«В том доме, что стоит в тени софоры...»	236
«Ох, беда! Беда пришла...»	237
«Эй, жаба! Эй, кривая и хромая!..»	237
«Беда тебе, поблекшая краса!..»	237
«Эй, косматый парень, погоди-ка!..»	238
«Когда любовь захочется купить...»	238
«Монах схватил за волосы монашку...»	238
«Ну что ты так настойчиво стучишься?..»	239
«Водку хлещет, словно воду бык...»	239
«Как ни гони ты черную корову...»	239

«Когда ты меня добивался...»	240
«Ты, как арбуз, — со всех сторон округлый...»	240
«Покупайте мои белила!..»	240
«Кто объяснит, как выглядит любовь?..»	241
«Пауков больших и круглых...»	241
«Мой милый, уезжая в дальний край...»	242
«В славный день восьмой луны четвертой...»	242
«Я думаю о милом так же часто...»	243
«Тридцать ударов по заду...»	243
«Сколько б ни читал монах молитву...»	244
«Слушай-ка, любезная монашка...»	244
«Монах с монашкой встретились в горах...»	244
«Крабы в соусе! Берите крабов!..»	245
«Нить крутится вокруг веретена...»	245
«Моя любимая — как тот цветок...»	245
«Эй, дочка потаскушки в синей юбке...»	246
«На ширме я рисунок увидал...»	246
«Стать бы снова, снова молодой!..»	246
«Монашескую одежду...»	246
«Тень промелькнула за моим окном...»	247
«Я всем расскажу, соседка...»	247
«Вороны то друг друга догоняют...»	248
«Эй, филин, ухающий среди ночи...»	248
«Домик свой соорудил я...»	248
«Цвет грушевый роса уже покрыла...»	249
«Кричал за окном лудильщик...»	249
«Мой старый муж в лиловой ходит шляпе...»	250
«Уподобившийся человеку...»	250
«Корабельщики и моряки...»	250
«Из тварей, что живут на белом свете...»	251
«Если пряжу из <i>мосі</i> прядут...»	251
«Сначала стемнеет, потом рассветет...»	252
«Почему ты ко мне не приходишь?..»	252

НАПЕВНЫЕ СТРОФЫ

Каса и чапка

(Перевод А. Жовтиса)

Чон Гыгин. Славлю весну	255
Чон Чхоль. Тоскую о милом	258
Разговор двух женщин	262

Путешествие в Квандон	265
Сонсанские напевы	276
Пак Инно. Слово о Великом мире	281
Песня о Ённаме	285
Песня отшельника из местечка Ногё	288
Хо Нансорхон (поэтесса). Тоска на женской половине дома	292
Ли Банъик. Скитания по морю (отрывок)	296
Неизвестные авторы	
Песня о Скале Долга	299
Белая чайка	301
Желтый петушок	302

А. Концевич, М. Никитина, А. Холодович. Примечания ...	305
--	-----

ОСЕННИЕ КЛЁНЫ

АНТОЛОГИЯ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ
VIII–XIX СТОЛЕТИЙ
В РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Ответственный редактор серии *А. Ф. Троцевич*
Составитель *А. Р. Концевич*
Художник *П. П. Лосев*
Корректоры *И. З. Амагаева, Е. А. Яркиева*
Разработка и верстка оригинал-макета *А. Б. Левкина*

Издательство «Гиперион»,
191180 Санкт-Петербург, Фонтанка, 78.
Тел. (812) 315-44-92
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru
Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

ISBN 978-5-89332-190-6

Сдано в набор 15.08.2011. Подписано в печать 18.12.2011.
Усл. печ. л. 18,5. Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 27137.

Отпечатано по технологии СtР
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
обособленное подразделение «Печатный двор».
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Эта поэтическая антология состоит из пяти частей, в которых представлены основные жанры корейской поэзии. В первую часть вошли произведения раннего средневековья, написанные в форме *хянга*, присущей народной поэзии. Последующие части включают в себя произведения корейского средневековья: вторая часть — «песни Корё» (с XIII в.); третья часть — стихи в форме *сиджо* (XV–XVIII вв.), как авторские, так и анонимные; четвертая часть — произведения, написанные в форме *каса* (XVI в.) и в форме *чапка* (XVII–XVIII вв.). Русские поэтические переводы выполнены как известными поэтами (Анна Ахматова, Александр Жовтис), так и поэтами нового поколения (Евгений Витковский и др.). Надеемся, что читатель откроет для себя прекрасный мир корейской поэзии прошлых веков и ощутит ее национальный аромат.